

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

А.А. ИНДЫЧЕНКО

ЧЕШСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
ЗА ПРЕДЕЛАМИ
ЕГО ЭТНИЧЕСКОЙ
ТЕРРИТОРИИ
В XV–XVII ВВ.

МОСКВА

2024

УДК 81-116.3
ББК 81.2-2(44)
И60

РЕКОМЕНДОВАНО К ПЕЧАТИ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

к. филол. наук *Д.Ю. Ващенко*,
к. филол. наук *Д.К. Поляков*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

д-р филол. наук *К.В. Лифанов*

Индыченко А.А.

И60 Чешский литературный язык за пределами его этнической территории в XV–XVII вв. / А.А. Индыченко ; Отв. ред. К.В. Лифанов. — М.: Институт славяноведения РАН, 2024. — 184 с.

ISBN 978-5-7576-0511-1

DOI: 10.31168/7576-0511-1

В монографии реализован принципиально новый подход к истории чешского литературного языка, функционировавшего в культурно-языковом ареале *Slavia Latina* как надэтнический язык. Предлагаемый подход основан на лингвистическом анализе памятников деловой письменности, созданных в XV–XVII вв. на чешском литературном языке в Малопольше, Верхней Силезии и Западной Словакии. В рамках единой методики проанализирована связь языка текстов, создававшихся в указанных регионах, с языком пражского центра соответствующего периода. Особое внимание уделено рассмотрению влияния местных говоров на тексты различного территориального происхождения на фонетическом, морфологическом, словообразовательном и лексическом уровнях. На основе комплексного исследования сделаны выводы о специфике функционирования чешского литературного языка в отдельных регионах в связи с его последующей различной судьбой в письменных традициях Малопольши, Верхней Силезии и Западной Словакии.

Книга адресована богемистам, специалистам по истории славянских литературных языков, а также может быть полезна всем интересующимся историей славянских языков и культур.

УДК 81-116.3
ББК 81.2-2(44)

ISBN 978-5-7576-0511-1

© Индыченко А.А., текст, 2024
© Институт славяноведения РАН, 2024
© Оформление, ООО «ПОЛИМЕДИА», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. Проблемы описания истории литературного языка донационального периода и надэтнического употребления славянских литературных языков	17
ГЛАВА 2. Чешский литературный язык в деловой письменности Малопольши (2-я пол. XV — 1-я пол. XVI в.)	35
2.1. Вопрос о чешском языковом присутствии в польских землях и презентация источников	35
2.2. Архаически-региональная вариантность в грамотах польского происхождения	38
2.2.1. Диссимиляция $\check{s}\check{c}>\check{s}t'$	38
2.2.2. Регрессивная перегласовка $aj>ej$	39
2.2.3. Рефлексы долгого $\acute{o}>uo>\acute{u}$ (\acute{u}) в основе	40
2.2.4. Рефлексы долгого $\acute{o}>uo>\acute{u}$ (\acute{u}) во флексии род. п. мн. ч. сущ. муж. рода	42
2.2.5. Рефлексы долгого $\acute{o}>uo>\acute{u}$ (\acute{u}) во флексии дат. п. мн. ч. сущ. муж. рода	43
2.2.6. Флексия род., дат. и мест. п. адъективалий жен. рода	43
2.2.7. Дифтонгизация $\acute{u}>ou$	45
2.3. Отражение в текстах центральночешских инноваций конца XIV — XV в.	46
2.3.1. Протетическое $v-$	46
2.3.2. Сужение $\acute{e}>\acute{i}$	47
2.3.3. Дифтонгизация $\acute{y}>ej$	48
2.4. Отступления от норм чешского литературного языка XV–XVI вв., обусловленные воздействием польского языка	50
2.4.1. Фонологические инновации	50
2.4.1.1. Отражение чешских перегласовок $'a>e$, $'u>i$	50
2.4.1.2. Отражение континуантов палатализованных согласных	51
2.4.1.3. Иные фонологические инновации	54
2.4.2. Морфологические инновации	57
2.4.3. Лексические полонизмы	61
2.5. Выводы	62

ГЛАВА 3. Чешский литературный язык в деловой письменности Верхней Силезии (2-я пол. XV — XVII в.)	67
3.1. Специфика исследования культурно-языковой истории Силезии и презентация источников	67
3.2. Архаически-региональная вариантность в грамотах верхнесилезского происхождения	76
3.2.1. Диссимилиация šč>šť	76
3.2.2. Регрессивная перегласовка aj>ej	77
3.2.3. Рефлексы долгого ó>uo>ú (ů) в основе	78
3.2.4. Рефлексы долгого ó>uo>ú (ů) во флексии род. п. мн. ч. сущ. муж. рода	81
3.2.5. Рефлексы долгого ó>uo>ú (ů) во флексии дат. п. мн. ч. сущ. муж. рода	82
3.2.6. Флексия род., дат. и мест. п. адъективалий жен. рода	83
3.2.7. Дифтонгизация ú>ou	85
3.3. Отражение в текстах центральночешских инноваций конца XIV — XV в.	87
3.3.1. Протетическое v-	89
3.3.2. Сужение é>í	89
3.3.3. Дифтонгизация ý>ej	90
3.3.4. Отражение дифтонгизации ú>ou в инициальной позиции	90
3.4. Отступления от норм чешского литературного языка XV–XVII вв., обусловленные воздействием силезских говоров	91
3.4.1. Фонологические инновации	92
3.4.1.1. Явления, обусловленные различиями в судьбе палатализованных	92
3.4.1.2. Особенности отражения слоговых плавных	95
3.4.1.3. Иные фонологические инновации	96
3.4.2. Морфологические инновации	97
3.5. Выводы	98
ГЛАВА 4. Чешский литературный язык в деловой письменности Западной Словакии (XV–XVII вв.)	102
4.1. Проблема языковой ситуации словацкого этноса в докодификационный период. История исследования чешского литературного языка в Словакии. Презентация источников	102
4.2. Архаически-региональная вариантность в грамотах западнословацкого происхождения	117

4.2.1.	Диссимиляция šč>št'	117
4.2.2.	Регрессивная перегласовка aj>ej	118
4.2.3.	Рефлексы долгого ó>uo>ú (ů) в основе	120
4.2.4.	Рефлексы долгого ó>uo>ú (ů) во флексии род. п. мн. ч. сущ. муж. рода	122
4.2.5.	Рефлексы долгого ó>uo>ú (ů) во флексии дат. п. мн. ч. сущ. муж. рода	124
4.2.6.	Флексия род., дат. и мест. п. адъективалий жен. рода	125
4.2.7.	Дифтонгизация ú>ou	127
4.3.	Отражение в текстах центральночешских инноваций конца XIV – XV в.	128
4.3.1.	Протетическое v-	128
4.3.2.	Сужение é>í	129
4.3.3.	Дифтонгизация ý>ej	129
4.3.4.	Отражение дифтонгизации ú>ou в инициальной позиции	130
4.4.	Отступления от норм чешского литературного языка XV–XVI вв.	131
4.4.1.	Фонологические инновации	131
4.4.1.1.	Отражение чешских перегласовок 'a>e, 'u>i	131
4.4.1.2.	Отражение палатализованных согласных n', t', d' перед ě	132
4.4.1.3.	Ассибиляция t'>c', d'>č'>z'	133
4.4.1.4.	Утрата йотации губных согласных перед ě	135
4.4.1.5.	Утрата ř	136
4.4.1.6.	Отражение дифтонгов ie, ia, uo	138
4.4.1.7.	Окказиональные явления	139
4.4.2.	Морфологические инновации	140
4.4.3.	Инновации в области словообразования и лексические словакизмы	143
4.5.	Выводы	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		149
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Список источников.		
	Перечень исследованных грамот	156
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Сводная таблица реализации отдельных рефлексов		169
ЛИТЕРАТУРА		171
SUMMARY		183

Введение

В последние десятилетия славистика проявляет все больший интерес к современному статусу, специфике функционирования и генезису литературных языков славянских народов. В связи с вопросом о генезисе этнических литературных славянских языков особое внимание привлекают проблемы реконструкции языковой ситуации у различных славянских народов в эпоху Средневековья и Нового времени, описание которой в диахроническом аспекте представляет значительную трудность. Это связано с тем, что в донациональный период коммуникативное пространство этноса значительно чаще, чем в современную эпоху, обслуживается несколькими языками, более или менее отдаленными друг от друга в генетическом плане. У отдельных славянских народов на протяжении многих веков в сфере социально престижной коммуникации функционировали языки, диалектная основа которых была иной, нежели язык местного населения. Так, культурный мир *Slavia Orthodoxa* долгое время характеризовало наличие гомогенного двуязычия (церковнославянский язык vs. постепенно формирующиеся этнические литературные языки). В мире *Slavia Latina* мы чаще встречаемся с сосуществованием двух гетерогенных кодов (латинский, немецкий язык vs. этнический язык местного населения). Сходства и различия двух типов языковых ситуаций в славянском мире неоднократно обсуждались в лингвистической литературе (Н.И. Толстой, В.М. Живов, Н.Н. Запольская), однако преимущественное внимание исследователей привлекали языки ареала *Slavia Orthodoxa*. Ситуация гомогенного двуязычия в истории литературных языков западнославянских народов изучена значительно слабее.

Как отмечал еще Н.С. Трубецкой, источником культурно-языковой традиции в мире *Slavia Latina* был чешский литературный язык. Достаточно рано для описываемого ареала, уже в XIV–XV вв. на основе центральночешского диалекта формируется наддиалектный идиом, который стабильно функционирует в письменности в XV–XVII вв. [Трубецкой 2010: 415-417; Havránek 1998: 103; Широкова,

Нещименко 1978: 27]. В эту эпоху на чешском литературном языке создаются произведения богослужебной и светской литературы, он активно функционирует в деловой письменности, что обеспечивает его высокий престиж в славянском мире. Все это, наряду с более поздним развитием литературных языков у соседних народов, открывало широкие перспективы для «чешской экспансии» (термин Б. Гавранека) в иные письменные традиции, проявлявшейся как в ориентации на чешский образец при складывании местного литературного языка, так и в использовании самого чешского языка в различных сферах письменности.

Первые следы влияния чешского языка на культурную традицию окружающих народов прослеживаются уже в древнейший период развития славянской письменной культуры. Со временем сила этого влияния будет возрастать, эпохой выхода чешского языка на международную арену станет XIV в., хотя в отдельных сферах письменности некоторых соседних регионов он использовался и раньше. Период XV–XVI вв. является временем активного функционирования чешского литературного языка за пределами этнической территории — в Силезии, Словакии, Польше, в славянском ареале Великого княжества Литовского [Šlosar 2009: 43–44, 70–71, 88–89]. Бытование чешского языка в указанных регионах было различным: он мог использоваться в письменности (Словакия, Силезия, Малопольша), выступал как образец при формировании местного литературного языка либо становился источником заимствований некоторых лексических элементов, синтаксических моделей или составляющих формуляра деловой письменности (Великое княжество Литовское, земли Лужицы, Хорватия). По всей видимости, существовали также смешанные типы межъязыкового взаимодействия (случай польского литературного языка). Результаты «экспансии» чешского литературного языка в письменности окружающих народов были также различны. Так, согласно выводам К.В. Лифанова, в Словакии на базе местной редакции чешского литературного языка сложился гибридный идиом, давший начало новой письменной традиции — «словацкий литературный язык старого типа» [Лифанов 2001: 208–209]. В Силезии, где на протяжении нескольких веков чешский язык также использовался как литературный, судя по всему, не сложилось

особого идиома, который дал бы начало самостоятельной традиции силезской письменности, хотя гибридизация чешского литературного языка и местных диалектов в той или иной мере происходила [Кноп 1965: 143; Jakobson 1934: 72–74]. Что касается роли чешского языка в истории польского языка и «простой мовы» (литературного языка Великого княжества Литовского), а также украинского и белорусского литературного языков, то в этих случаях мы можем говорить о той или иной степени ориентации на чешский образец при формировании собственного литературного языка, а также о немалом количестве заимствований из чешского в лексической системе указанных языков [Havránek 1998: 104–111; Stieber 1956: 102–116; Андерш 2000].

Различные результаты чешского языкового присутствия в отдельных регионах позволяют поставить вопрос о специфических особенностях употребления чешского литературного языка на различных территориях в сравнительной перспективе. Основным объектом интереса в таком случае становятся не только и не столько история того или иного идиома или сферы письменности, испытывавших влияние чешского языка, но особенности самого литературного чешского языка, функционировавшего в сфере социально-престижной коммуникации Западной Словакии, Верхней Силезии и Малопольше и видоизменявшегося под воздействием местных говоров. В этой связи мы хотели бы отметить интерес к сопоставительному аспекту исследования данной проблемы (при очевидном недостатке эмпирического материала) уже в наиболее ранних работах о межславянских связях, созданных учеными рубежа XIX–XX вв. и имевших обзорный характер [Будилович 1892: 186–218, Первольф 1890: 213–250]. Плодотворность компаративного подхода была продемонстрирована в филологических трудах Б. Гавранека и исторических работах Й. Мацурека и М. Рейнуша, создававшихся в 30–60-е гг. XX в., где вопросу о сходствах и различиях «чешской экспансии» в различные регионы уделяется особое внимание, однако указанные авторы не проводили анализ конкретного языкового материала [Havránek 1998; Macůrek, Rejnuš 1961]. В последующие годы в силу различных обстоятельств проблема сопоставления региональных разновидностей чешского литературного языка отошла

на задний план. Необходимость исследования специфики чешского языкового присутствия в различных регионах за пределами его этнической территории снова становится для лингвистов очевидной уже в XXI в. Важность подобных исследований для истории чешского литературного языка, в частности, отмечает О. Коупил. В свою очередь, М. Гигер указал на необходимость описания языка чешских текстов различного происхождения для решения вопроса о специфике культурно-языковой истории словацких земель [Коупил 2007: 218; Giger 2006: 107]. Таким образом, отсутствие подобных исследований затрудняет изучение истории славянских литературных языков в целом и исторической богемистики в частности и обуславливает необходимость разработки данной проблематики. Стоит также отметить, что в отечественном языкознании работы по истории функционирования чешского литературного языка в интересующую нас эпоху отсутствуют в принципе.

Исследование памятников письменности в сравнительной перспективе необходимым образом предполагает наличие *tertium comparationis* (лат. «третий член сравнения»), которым в данном случае становятся нормы и особенности письменного узуса памятников чешского языка XV–XVII вв. В связи с этим возникает проблема включения результатов исследований, выполненных в сопоставительном ключе, в историю чешского литературного языка. К сожалению, в исторической богемистике практически отсутствуют работы, соответствующие указанному выше подходу. Большинство исследований, в которых анализируются чешские тексты, возникшие за пределами чешской территории, было создано вне рамок богемистики, в связи с чем в них зачастую даже не ставился вопрос о соотношении результатов анализа конкретного языкового материала со сведениями из истории чешского литературного языка. В особенности это касается словацкой лингвистической традиции, в рамках которой вопрос о бытовании чешского литературного языка в Словакии и его роли в формировании словацкого литературного языка является дискуссионным. В современной словакистике в большинстве случаев очевидно чешские по языковому облику тексты рассматриваются как памятники той или иной разновидности «словацкого культурного языка», в отношении генезиса и меха-

низма складывания которого нет единства даже среди самих словацких лингвистов (подробнее об этом см. главу 4).

Сложившаяся ситуация обусловлена целым рядом причин. По нашему мнению, одной из них является слабая разработка «немагистральных путей» истории чешской письменности в целом. Отчасти это связано с особенностями объекта исследования: как известно, специфической чертой развития чешской культурной традиции является наличие рано обозначившегося культурного центра — Праги [Нещименко 1989: 222]. Однако в гораздо большей степени причины затухания интереса к регионализму в истории чешского литературного языка связаны со специфическим характером чешской филологической традиции XX в., выросшей на идеях Пражского лингвистического кружка.

Как известно, одним из достижений Пражской школы было создание теории литературного языка. В тесной связи с теорией литературного языка в рамках данного направления разрабатывались идеи языковой культуры, на основе которых, в свою очередь, осуществлялась практическая нормализаторская деятельность лингвистов. В концептуальном аппарате Пражской лингвистической школы эти две области были неразрывно связаны. Более того, как отмечает О. Коупил, одним из основных мотивов созидательных усилий пражских структуралистов как в области построения лингвистических теорий, так и в области практики языкового регулирования являлась забота о получившем новые функции после недавнего образования Первой Чехословацкой республики (1918–1938) чешском литературном языке [Kouřil 2007: 10–11]. Подобная практическая мотивация деятельности пражских структуралистов не могла прямо или косвенно не отразиться и на характере их идей. Особенно ярко это отразилось в специфике применения ими понятий «литературный язык» и «норма» для диахронического описания языка: для представителей Пражской школы эти понятия были в большей или меньшей степени связаны с представлениями о функционировании современного чешского литературного языка, обладавшего общеобязательностью и полифункциональностью. Так, ведущий представитель Пражской школы Б. Гавранек изначально выстраивает свой обзор истории развития чешского

литературного языка как описание истории употребления языковых средств, характеризовавших (и характеризующих) чешский язык как язык литературный, что предполагает, среди прочего, отслеживание возникновения и развития нормы литературного языка [Navránek 1936: 1]. Подобная телеологическая трактовка истории литературного языка, в которой предшествующий этап языкового развития исследуется постольку, поскольку он служит очередной ступенью к современному состоянию системы литературного языка, надолго закрепилась в чешской лингвистике. При всей логической выводимости подобного подхода из постулатов функционального метода, при всех его очевидных достоинствах в контексте нужд языкового строительства Первой Чехословацкой республики, он не мог не привести к уменьшению интереса к исторической специфике конкретных языковых ситуаций, к отдельным, пусть нередко и маргинальным с телеологической точки зрения фактам истории литературного языка, к его локальным разновидностям, к разнообразию его вариантов, норм и манифестаций.

Как следствие описанной ситуации, в чешской филологической традиции второй половины XX в. работы о регионализме в истории чешского литературного языка и литературы были достаточно редкими и имели сугубо частный характер. На необходимость изменения этого положения вещей в статье 1956 г. «О регионализме в чешской литературе догуситской эпохи» указывал известный литературовед Й. Грабак [Hrabák 1956: 69–79]. Заметим, что необходимость исследовать не только высокую норму, но и сферу языковой периферии при описании истории чешского литературного языка в современной богемистике осознана не в полной мере и, как отмечает О. Коупил, «более широкий взгляд на вариантность, изменчивость и различия чешского языка в его прошлом является задачей для будущей исторической социолингвистики чешского языка» [Kouřil 2007: 218].

Кроме того, на данный момент существуют определенные пробелы и в описании «магистральной ветви» истории чешского литературного языка (истории чешского литературного языка в пределах его этнической территории). В этой связи сопоставление текстов чешского происхождения и текстов, создававшихся на чеш-

ском литературном языке за пределами его этнической территории, в ряде случаев оказывается затруднительным. Очевидно, что язык чешских памятников интересующего нас периода (XV–XVII вв.) описан далеко не в полной мере и сопоставление, основанное исключительно на сведениях, приводимых в чешских исторических грамматиках и описаниях отдельных памятников, в ряде случаев может приводить к неточным выводам, на что обращает внимание М. Гигер [Giger 2006: 107–108]. В последние годы эта ситуация начинает постепенно улучшаться в связи с постепенным пополнением диахронических разделов Чешского национального корпуса, которые тем не менее развиваются значительно медленнее, чем синхронические разделы [Kuřera 2014: 209]. Таким образом, вплоть до появления более или менее полного описания языковых особенностей чешских текстов XV–XVII вв. во всем их жанровом и региональном многообразии мы вынуждены в большей степени опираться на сведения, приводимые в работах Я. Гебауэра, М. Комарека, В. Важного, Я. Порака, А. Лампрехта, Д. Шлосара и Я. Бауэра [Gebauer 1894–1898, 1958–1963, Komárek 1962, Vážný 1970, Porák 1983, Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986], а также в ряде случаев прибегать к сопоставлению текстов, создававшихся вне чешской этнической территории, с текстами, создававшимися на территории Чехии и Моравии. Результаты подобного сопоставления в дальнейшем могут быть привлечены к комплексному описанию истории чешского литературного языка, которое пока что остается делом будущего.

Таким образом, целью нашего исследования становится установление характера связи языка текстов, создававшихся за пределами чешской этнической территории, с языком пражского центра, а также определение специфики и меры взаимодействия чешского литературного языка с говорами, распространенными на территориях его надэтнического функционирования.

Постановка данной цели предусматривает необходимость решения следующих конкретных задач исследования:

- 1) выработка общей методики описания языка текстов на чешском литературном языке, созданных за пределами этнической территории распространения чешского языка;
- 2) описание языка грамот, созданных в различных регионах функционирования чешского языка вне чешских земель;

- 3) сопоставление языковых особенностей текстов, создававшихся на чешском литературном языке в отдельном регионе, с доступными сведениями о языке чешских памятников соответствующего периода;
- 4) сопоставление языковых особенностей текстов, происходящих из различных областей надэтнического функционирования чешского литературного языка, и интерпретация полученных результатов с применением лингвистического, в том числе контактологического, а также историко-культурного инструментария.

Объектом нашего исследования являются фонетические и морфологические особенности языка текстов, создававшихся на чешском литературном языке в Западной Словакии, Верхней Силезии и Малопольше. Материалом исследования послужил лингвистический анализ 254 грамот, созданных на чешском литературном языке за пределами чешских земель. Здесь и далее под чешскими землями понимается вся территория распространения чешского языка, т.е. Чехия в широком смысле (чеш. *Česko*), включающая в себя собственно чешские земли (чеш. *Čechy*), Моравию (чеш. *Morava*) и часть исторической Силезии — Чешскую Силезию (чеш. *České Slezsko*)¹. Материал был собран путем исследования языка текстов по имеющимся изданиям в ходе работы с фондами Национальной библиотеки Чешской Республики (г. Прага), книжного и рукописного собрания Института языкознания им. Л. Штура (г. Братислава, Словакия), Университетской библиотеки Братиславы и других зарубежных и отечественных библиотек. Список грамот с указанием даты и места создания, а также имени адресанта (согласно приводимой в изданиях грамот информации) дается нами в Приложении 1. Подавляющее большинство исследованных грамот являются образцами деловой корреспонденции между представителями королевского двора, городами, крупными и мелкими феодалами Малопольши, Верхней Силезии и Западной Словакии, с одной стороны, и официальными либо частными лицами чешских земель, с другой.

Как отмечалось выше, исключительно важным фактором при изучении истории литературного языка является привлечение к ис-

¹ О проблеме границ культурной и языковой идентичности в Силезии см. главу 3.

следованию репрезентативного корпуса текстов. Естественно, что наиболее показательными для исследования характерных черт чешского языкового присутствия за пределами чешской этнической территории являются тексты, создававшиеся носителями диалектов, не входящих в состав чешского диалектного континуума. Однако, во-первых, установление авторства и тем более идентификация этнической принадлежности авторов для памятников письменности XV–XVII вв. не всегда возможны. Во-вторых, мы можем предполагать отражение в текстах, создававшихся чехами, долговременно проживавшими на территории распространения диалектов иного языка, межъязыковой интерференции. В-третьих, для истории любого литературного языка особое значение имеют не отдельные отклонения от нормы (кодифицированной либо основанной на авторитетных или широко распространенных текстах), а системность подобных отклонений, которые могут становиться характерными чертами того или иного локального варианта литературного языка. Таким образом, в сферу нашего внимания попадают все доступные нам чешские тексты, созданные за пределами распространения диалектов чешского языка в XV–XVII вв., кроме тех, о создателях которых с большей или меньшей достоверностью известно, что они были чехами.

Выбирая в качестве материала для исследования деловую письменность, мы руководствовались следующими соображениями.

Во-первых, именно в памятниках деловой письменности, неразрывно связанных с бытовой сферой, мы ожидаем обнаружить наибольшую меру воздействия на чешский язык местного диалекта, и в таком случае выводы о единстве/разнородности языкового облика памятников письменности могут стать особенно показательными.

Во-вторых, преимущественное внимание к деловой письменности объясняется той огромной ролью, которую она сыграла в распространении чешского литературного языка за пределы земель чешской короны, что подробно описано в исторических и филологических исследованиях [Varsik 1956: 19, 23, 43–44, 46, 81; Krajčovič, Žigo 2002: 45; Macůrek, Rejnuš 1961: 209; Смирнов 1969: 105]. В этой связи для исследования истории бытования чешского литературного языка в качестве надэтнических данные деловой письменности

являются исключительно важными (о месте деловой письменности в истории чешского литературного языка см. также главу 1).

В большинстве своем тексты, анализ которых послужил основой данной работы, никогда не подвергались лингвистическому исследованию. Хронологические рамки исследования: 30-е гг. XV — 90-е гг. XVII в. Нижняя граница исследуемого корпуса текстов определяется временем появления первых сохранившихся до наших дней связных грамот на чешском литературном языке, созданных за пределами чешских земель. Тексты грамот изучались как по изданиям, в которых при передаче фонетических особенностей текста используется транслитерация средствами современной чешской графики (издания Й. Мацурека), так и по изданиям, использующим побуквенную транслитерацию текста (издания И. Книежи, Б. Варсика и др.).

В работе применяются описательный, системно-структурный и функциональный методы, что обусловлено как поставленными целями и задачами исследования, так и критическим рассмотрением достоинств и недостатков методологического аппарата лингвистических трудов XIX–XXI вв., посвященных функционированию славянских литературных языков донационального периода. Особенно важной частью каждого из использованных методов является сопоставительный анализ. Специфика исследования текстов интересующей нас эпохи также предполагает применение методов источниковедческого анализа, в отдельных случаях использовались элементы концептуального аппарата контактной лингвистики.

В монографии впервые с использованием единой методики описаны и сопоставлены особенности языка текстов XV–XVII вв., создававшихся на чешском литературном языке за пределами его этнической территории. В первой главе рассматриваются традиционные и современные подходы к понятию литературного языка донационального периода, особенностям его нормы, а также специфике языковой ситуации в славянских странах в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Во второй, третьей и четвертой главах монографии после краткого обзора истории функционирования чешского языка в Малопольше, Верхней Силезии и Западной Словакии соответственно рассматриваются особенности языка грамот, происходящих из указанных регионов. В заключении язык чешских грамот различно-

го регионального происхождения сопоставляется с различных точек зрения, на основе чего делаются выводы о специфике функционирования чешского литературного языка за пределами его этнической территории в XV–XVII вв. и его роли в культурно-языковой истории сопредельных территорий.

Мы надеемся, что наше исследование дополнит комплексное описание истории чешского литературного языка, а также позволит по-новому взглянуть на культурно-языковую историю чешского, польского и словацкого этносов.

Проблемы описания истории литературного языка донационального периода и надэтнического функционирования славянских литературных языков

Данная работа выполнена в рамках нового подхода к исследованию истории чешского литературного языка, в связи с чем одной из ее задач, как указывалось выше, является выработка самой методики описания чешского литературного языка за пределами его этнической территории. На протяжении полутора веков проблематика чешского присутствия в культурно-письменных традициях соседних регионов исследовалась средствами различных методов. Среди них можно выделить *историко-культурный* (Й. Первольф, А. Будилович, С. Цамбел, А. Пражак), *текстологический* (В. Неринг, Я. Станислав), *функциональный* (Б. Гавранек, Р. Якобсон, Л. Новак, З. Штибер) [Первольф 1890; Будилович 1892; Czambel 1887, 1903; Pražák 1922, 1929; Nehring 1876, 1877; Stanislav 1956, 1957; Havránek 1998 — 1 изд. 1939–1940; Jakobson 1934; Novák 1938; Stieber 1950, 1955]. Кроме того, в статьях Б. Гавранека, Л. Новака и Й. Мацурека, а также в работах венгерских славистов Д. Дечи и П. Киря [Macúrek 1958b, Macúrek, Rejnuš 1961; Király 1958; Décsy 1955] была осуществлена попытка *комплексного*, междисциплинарного подхода к проблеме описания чешского литературного языка за пределами его этнической территории с учетом исторической специфики фона развития литературных языков донациональной эпохи. Это представляется особенно важным, поскольку описание истории литературного языка, по словам Н.И. Толстого, «есть не только и даже не столько проблема лингвистическая, сколько историко-культурная, ибо лингвистика способна ответить на вопрос, в каких формах шло формирование языка и протекала его

эволюция, что оставалось стабильным и что изменялось, создавало новую картину языка, но неспособна объяснить, почему в равных языковых, но неравных исторических условиях развитие близкородственных языков часто шло по разному пути» [Толстой 1988: 3].

Плодотворность междисциплинарного подхода, основанного на результатах анализа репрезентативного корпуса текстов в рамках функционального метода при обязательном привлечении сведений об историческом фоне развития литературного языка в последние десятилетия была продемонстрирована исследованиями Ю. Верхоланцевой, Н.Н. Запольской, А. Лавриненко, К.В. Лифанова [Verkholantsev 2008; Запольская 2003; Лавриненко 2008; Лифанов 2001]. Особенно важным в этой связи представляется интерес данных исследователей к специфическим законам развития литературного языка в ситуации языкового контакта, а также их попытка на основании изучения конкретного языкового материала рассмотреть законы этого развития, привлекая для анализа данные контактной лингвистики, исторической диалектологии, социолингвистики, истории культуры. Достаточно емко эксплицирует подобный комплексный подход А. Лавриненко: «Исследование влияния одного родственного языка на другой на каком-то историческом этапе их сосуществования предполагает генерально синхронно-диахронический подход с использованием сравнительно-сопоставительного, историко-сравнительного, описательного и функционального методов изучения. Важнейшие методики (приемы) исследования при этом — не только накопление, описание и классификация конкретного материала, но также использование методики параллельного изучения и сопоставительной (конфронтационной) интерпретации. [...] Необходимым компонентом диахронических исследований является также использование методики культурно-исторической интерпретации, а конкретно — осмысление результатов сопоставления в соответствующем культурно-историческом контексте» [Лавриненко 2008: 26].

Очевидно, что выработка конкретной методики исследования невозможна без критического рассмотрения имеющихся подходов к литературному языку донационального периода в целом, а также без обращения к достижениям лингвистики в области исследования литературных языков, функционирующих как надэтнические.

Термин *литературный язык* в лингвистике относится к числу наиболее неоднозначных. По словам В.В. Виноградова, «трудно указать другое языковое явление, которое понималось бы столь различно, как литературный язык» [Виноградов 1978: 288]. Очевидно, что в настоящее время не существует единого понимания указанного термина, и вряд ли вообще возможно рассчитывать на построение четкой и единой теории литературного языка, применимой как к национальному, так и к донациональному периоду [Нещименко 2003: 21]. Разнообразии терминов и понятий, употребляющихся при описании культурно-языковой ситуации в отдельных регионах в различные исторические эпохи, очень велико, что нередко затрудняет отождествление того или иного лингвистического объекта у разных авторов. Описанное положение объясняется целым рядом причин.

Первая из них — объективная сложность описания объекта, структурные характеристики и функциональное наполнение которого во многом производны от исторической ситуации и общественных условий, которые, в свою очередь, весьма своеобразны у отдельных этносов в различных культурных областях [Гухман 1990: 270–271]. Так, при синхроническом подходе к исследованию литературного языка становится очевидно, что проблема концептуализации непрерывно меняющейся и бесконечно разнообразной культурно-языковой действительности не может быть решена в рамках одного всеобъемлющего исследования с четким концептуальным аппаратом. В отношении диахронического языкознания мы сталкиваемся с несколько другим аспектом той же гносеологической проблемы, выступающим в виде объективной сложности реконструкции культурно-языковой карты того или иного региона на основании лишь частично сохранившихся и лишь частично доступных исследователю памятников письменности, которые даже при условии их максимально полного описания и тщательного анализа вряд ли могут предоставить исчерпывающий материал для характеристики языковой ситуации прошлого в целом.

Во-вторых, будучи гуманитарной дисциплиной, неразрывно связанной с историей культуры, история литературного языка зачастую описывается в терминах, закрепившихся в той или иной националь-

ной научно-гуманитарной традиции, что еще более усложняет задачу выявления общих закономерностей развития литературных языков у отдельных этносов в различные эпохи. Для иллюстрации данного тезиса достаточно обратиться к различиям в содержании и объеме, а также во внутренней форме терминов, описывающих сам литературный язык в различных национальных дискурсах — англ. *standard language/literary language*, итал. *la lingua letteraria*, нем. *Schriftsprache/Standardsprache/Hochsprache*, чеш. *spisovný jazyk/literární jazyk*, пол. *język literacki/język ogólnopolski*, болг. книжовен език, словен. *knjižni jêzik*, литов. *bendrinė kalba* ('общий язык') и т.д. (о номенклатуре литературного и национального языка в различных традициях см. [Гухман 1970: 502–503; Нещименко 2003: 21–23; Siatkowska 2004: 8–10]). И даже в пределах одной научно-языковой традиции (в данном случае — русской), как отмечает Е.М. Лазуткина, сфера употребления термина *литературный язык* и его использование в научной коммуникации представляют собой актуальную проблему современной терминологии [Лазуткина 2013].

Будучи категорией исторической, литературный язык, как указывалось выше, имеет разную внутреннюю структуру и различное функциональное содержание в отдельные исторические эпохи. В первую очередь эти различия касаются донационального, с одной стороны, и собственно национального периода развития литературного языка (т.е. литературного языка сформировавшейся нации современного типа), с другой стороны². Модели функционирования различных литературных языков активно разрабатываются в лингвистике начиная с 20-х гг. XX в., когда лингвистами Пражского лингвистического кружка (Б. Гавранек, В. Матезиусом, А. Едличкой и др.) были заложены основы современной теории литературного языка. Однако, как отмечает один из крупнейших специалистов по истории русского литературного языка А.А. Алексеев, удовлетворительное определение было дано лишь литературному

² Впрочем, некоторые исследователи указывают на продуктивность выделения в отдельную область исследования для истории литературных языков еще и *преднационального периода* (2-я пол. XVI — 1-я пол. XVIII в.), «без глубокого изучения которого трудно, а порой невозможно понять исторические корни многих важных проблем современных славянских литературных языков, тот облик, в котором они ныне выступают» [Демина 2008: 5–7].

языку национальной эпохи. В связи с исторической спецификой донационального периода развития литературных языков модели, применявшиеся для описания национального, современного этапа их существования, остаются в диахронических исследованиях без серьезной опоры. Так, во многом характеристики донационального периода развития литературного языка определяются рукописной формой существования текстов, в то время как повсеместное распространение книгоиздательства и печатной продукции в общем соответствует периоду национальному. В связи с этим А.А. Алексеев следующим образом формулирует основные различия двух эпох: «литературный язык в рукописную эпоху дробился на разновидности узкофункционального назначения, был резко противопоставлен обиходному языку, фактически не зависел от процессов, происходящих в живом языке и имел крайне узкую социальную базу. Литературный язык в эпоху книгоиздательства выступает как в устной, так и в письменной формах, обладает универсальным единством норм, а свою социальную базу расширяет на весь коллектив через школьное образование и средства массовой коммуникации». В связи с указанными фактами А.А. Алексеев считает первоочередной задачей истории литературного языка поиски адекватного метода исследования донационального периода его функционирования [Алексеев 2013: 4–6, 11].

В настоящее время проблематичность термина *литературный язык* в применении к донациональной эпохе приводит некоторых исследователей к полному отказу от его использования³. Это не ново: судя по всему, впервые проблема различного содержания данного термина при описании языковой ситуации в отдельные исторические эпохи стала активно обсуждаться в славистике в рамках начавшейся еще в конце XIX в. многолетней дискуссии о диалектной базе польского литературного языка. В ходе данной дискуссии

³ Ср. в этой связи также позицию современного чешского исследователя О. Коупила, в своей работе о грамматической рефлексии чешского языка в XV–XVII вв. отвергающего термин *spisovný jazyk* в пользу наименований *kulturní jazyk*, *jazyk spisů* и *literární jazyk*. Свою позицию О. Коупил объясняет нежелательностью неизбежной ассоциации термина *spisovná čeština* с концепциями литературного языка Пражской лингвистической школы, разработывавшимися для описания современных литературных языков [Коупил 2007: 12–15]. Заметим, столь четкая ассоциация существует, пожалуй, только в чешской научно-гуманитарной традиции.

польские лингвисты (А. Брюкнер, В. Курашкевич, Т. Лер-Сплавинский, Т. Милевский, К. Нич, С. Роспонд, В. Ташицкий, С. Урбанчик и др.) неоднократно обращали внимание на различия в структуре и функционировании литературного языка донационального и национального периодов (обзор мнений, высказанных в ходе дискуссии, ср. в [Maugerowa 1956]). Новый виток обсуждения данной проблематики связан с рубежом 50–60-х гг. XX в., когда А.В. Исаченко, продолжавший в своей деятельности традиции Пражской лингвистической школы, предложил известное определение «литературного языка в современном понимании этого термина» как поливалентного, нормированного, общеобязательного и стилистически дифференцируемого [Исаченко 1958: 42]. В связи с тем, что ни один из языков славянской письменности в донациональный период своего развития в полной мере не соответствовал данным четырем критериям, А.В. Исаченко предлагал в применении к ним отказаться от термина «литературный язык» и называть их «письменными языками».

Точка зрения А.В. Исаченко на литературный язык, несомненно, обладала определенной эвристической силой, поскольку мотивировала лингвистов задуматься о различных свойствах литературного языка на различных этапах его развития. Вместе с тем она неоднократно подвергалась критике в связи с упрощенным представлением о функционировании литературных языков: очевидно, что становление отдельных дифференциальных признаков в литературных языках протекает неравномерно, и не в каждом литературном языке современного типа (даже в случае широко распространенных языков с большим количеством носителей) представлена вся совокупность выделенных А.В. Исаченко признаков (ср. об этом [Гухман 1970: 505]).

Стремление терминологически разграничить идиомы, употреблявшиеся в области социально престижной коммуникации в различные исторические эпохи, привело к использованию терминов *стандартный язык*, *письменный язык*, *язык письменности*, *культурный язык*, *культурный диалект*⁴ для описания донационального

⁴ Подробнее о генезисе терминов *культурный язык* и *культурный диалект* в словацкой лингвистической традиции см. главу 4.

периода литературного языка. Однако, несмотря на то, что термин *литературный язык* неоднозначен, а его употребление при описании различных исторических периодов в той или иной мере можно признать условным, замена указанного термина, по крайней мере в рамках русской лингвистической традиции, представляется исследователям неоправданной и излишней [Ремнева 1995: 11; Лифанов 2001: 25; Нешименко 2003: 66]. Несмотря на все различия в функционировании литературных языков на различных этапах их развития, литературный язык является «не подлежащей никакому сомнению языковой реальностью», как и всякая реальность подверженной историческим трансформациям, однако сохраняющей свою внутреннюю сущность и основную функцию [Виноградов 1978: 288]. Думается, что подобный синтетический подход к трактовке истории и современного состояния литературных языков является наиболее продуктивным и позволяет избежать терминологической путаницы, связанной с использованием различных терминов для описания одной и той же эмпирической реальности в трудах тех или иных авторов. В связи с этим, несмотря на обоснованные сомнения ряда исследователей в возможности применения термина *литературный язык* в рамках диахронических исследований, в данной работе мы будем пользоваться указанным термином также и в отношении донациональной эпохи. Это представляется вполне обоснованным, принимая во внимание тот факт, что в трудах ряда славистов были предложены достаточно содержательные общие определения литературного языка с учетом тех его свойств, которые могут служить исходным пунктом для исследования различных периодов его функционирования. Так, В.П. Гудков предлагает считать литературным языком систему/системы «(обще)принятых речевых средств выражения (фиксации) социально значимой информации (производственной, мировоззренческой, художественной и т.п.) с целью передачи ее в пространстве (между соотечественниками) и во времени (между представителями разных поколений)» [Гудков 1993: 7]. Аспект социальной значимости языкового идиома *на всех этапах существования этноса* подчеркивает и Г.П. Нешименко при выделении в структуре этнического языка двух коммуникативных ареалов — ареала непринужденного

повседневного общения и ареала высших коммуникативных функций, связанного с необходимостью регуляции речевого поведения и в связи с этим представленного обработанным, «культивированным идиомом» — литературным языком [Нещименко 2003: 46, 56, 69].

В рамках указанного синтетического подхода к определению идиома, функционирующего на всех этапах существования этноса в ареале высших коммуникативных функций (литературного языка) тем не менее принципиально важно описание характерных особенностей национального и донационального периодов его бытования. В этой связи в некоторых славистических исследованиях наблюдается стремление к сужению значения терминов, описывающих языковую ситуацию предшествующих эпох, при сохранении их традиционных терминологических наименований, в связи с чем речь ведется о «литературном языке старого типа» (К.В. Лифанов) либо «диглоссийной ситуации “досовременного” периода» (чеш. *předmoderní diglosijní situace*, М. Гигер) [Лифанов 2001: 209, Giger 2006: 82]. Подобное ограничение вводится и для понятия языковой нормы.

Для того, чтобы наиболее успешно выполнять функцию трансляции социально значимой информации, средство коммуникации должно обладать достаточным уровнем стабильности: на протяжении тысячелетнего развития литературного языка «неизменным остается социолингвистический момент — применение наиболее стабильной языковой разновидности в качестве средства общественной коммуникации» [Алексеев 2013: 10]. В свою очередь, стабильность предполагает определенную степень «обработанности языка и связанные с ней отбор и относительную регламентацию», специфика которых тем не менее варьируется от эпохи к эпохе [Гухман 1970: 502–503].

Отбор и относительная регламентация языковых элементов в составе культивируемого идиома, выполняющего высшие коммуникативные функции и связанного с регулируемым речевым поведением, связаны с понятиями *кодификации*, *нормы* и *узуса*, понимаемых в современной лингвистике весьма неоднозначно.

Для описания донационального периода существования литературного языка из приведенных выше понятий, связанных с регламентацией языковых средств в системе «культивируемого идиома»,

применимы понятия *нормы* и *узуса*, поскольку *кодификация* языковых средств является специфическим признаком литературного языка национального периода [Гухман 1970: 520–521]. В самом общем смысле *литературная норма* определяется как «некоторая совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его развития и осознаваемых им как правильные и образцовые» [Семенюк 1970: 566, 574]. При этом, вне всякого сомнения, норма литературного языка является категорией исторической, что проявляется как в форме ее закрепления (кодификация vs. ориентация на образец), так и в ее внутренних свойствах — степени стабильности, избирательности и дифференцированности [Семенюк 1970: 579, 590]. Так, норма литературного языка донационального периода обычно описывается как гораздо более вариативная, нежели норма современного литературного языка [Гухман 1970: 521]. В свою очередь, *узус* представляется языковой реалией, обладающей менее значительной, нежели норма, степенью устойчивости. Основным дифференциальным признаком в данном случае оказывается не образцовость, но частотность употребления: «узואальным является то, что часто, обычно, независимо от того, необходимо оно или нет, правильно или ошибочно, подходяще или неподходяще» [Hausenblas 1960: 14]. Однако, как отмечает К.В. Лифанов, при практическом исследовании памятников письменности границы между понятиями нормы и узуса оказываются размытыми, что нередко приводит к отождествлению данных понятий либо попыткам их синтеза [Лифанов 2001: 26]. В особенности это касается описания памятников деловой письменности с их достаточно пестрым языковым обликом, обусловленным меньшей стабильностью нормы делового письма в целом. В исследованиях административно-деловых текстов также применяется не вполне удачный, на наш взгляд, термин *узואальная норма*⁵, отсылающий к такому типу формирования нормы, при котором «авторы деловых текстов в своей практике составления документов пользуются не предписанными официально правилами, а навыками, которыми владели и другие писцы» [Копосов 2000: 22].

⁵ Ср. заглавие работы В.В. Каверинной «Узואальная норма деловой письменности XVII в.: орфография префиксов» [Каверина 2004].

Не вполне ясна трактовка понятий нормы и узуса в чешской диахронической лингвистике. В основополагающей для истории чешского литературного языка Нового времени работе Я. Порака «Гуманистический чешский язык» в большинстве случаев речь идет о трансформациях узуса печатных и рукописных текстов; понятие нормы встречается у Я. Порака значительно реже и, насколько можно понять из авторского словоупотребления, является синонимом словосочетания «устойчивый узус» (*ustálený úzus*) и связано в первую очередь с печатными, а не с рукописными текстами. Вместе с тем в общем смысле работа Порака посвящена именно формированию нормы [Porák 1983: 12–16].

В связи с тем, что хронологические рамки нашего исследования (XV–XVII вв.) охватывают и тот период, когда чешская литературная норма еще находится в процессе становления (XV — 1-я пол. XVI в.), нам представляется обоснованным сохранить понятие *литературного (письменного) узуса* как предшественника более или менее устойчивой *литературной нормы*, о которой, с теми или иными исключениями, можно говорить со 2-й половины XVI в. [Navránek 1936: 60]. Тем более что в отношении текстов, созданных за пределами чешской этнической территории, еще только предстоит установить, насколько устойчивым был узус грамот, возникавших в том или ином регионе, и формировалась ли там местная норма — либо тенденции развития были такими же, как в памятниках чешского языка, созданных на чешской этнической территории.

Иным характерным отличием донационального периода истории литературного языка от национального является бóльшая распространенность такого типа языковой ситуации, когда в качестве письменного литературного языка употребляется не «свой», а «чужой» язык, т.е. вместо местного этнического языка в указанной функции выступает язык иного этноса, и границы литературного языка и народности не совпадают [Виноградов 1978: 289–290]. Как отмечает Г.П. Нешименко, в истории вполне обычны ситуации, когда коммуникативное пространство моноэтнической общности обслуживается не только этническим языком местного населения, но и иными языками, а удельный вес интерлингвального и интралингвального ракурсов в языке может существенно меняться

в зависимости от внешних причин [Нещименко 2003: 19–20, 68]. По-видимому, впервые на подобные ситуации в истории славянских языков обратил внимание Н.С. Трубецкой в статье «Общеславянский элемент в русской культуре», считающейся предтечей теории литературного языка Пражской лингвистической школы [Трубецкой 2010: 385–438]. В работе Трубецкого проводится идея о том, что в силу различия функций народного говора, с одной стороны, и литературного языка — с другой, литературный язык всегда стремится эмансипироваться от «неудобной» формальной близости к тому или иному народному говору. Подобным функционально обусловленным стремлением объясняется не только распространение литературного языка на территории не одного, а нескольких (многих) говоров, но и выход литературного языка за пределы языковой области проживания этноса, на основе говоров которого этот литературный язык сложился: «тогда окажется, что литературный язык, развившийся на основе говора *a* в местности А, в конце концов привяжется и будет существовать в местности Б, где господствует народный говор *b*, совсем непохожий на *a*» [Трубецкой 2010: 391]. При этом неизбежным становится взаимодействие и пересечение между местными говорами одного языка как базой языковой компетенции носителей данного языка, с одной стороны, и используемым на этой же территории в культурной сфере литературным языком, в основу которого в свое время легли говоры иного языка. Данная ситуация может приводить к различным результатам: в частности, как результат подобного взаимодействия могут складываться различные местные формы (редакции) литературного языка. В качестве примера подобных редакций Трубецкой приводит изводы церковнославянского языка, который, по его мнению, с самого начала функционировал как общеславянский литературный язык: македонско-церковнославянский, хорватско-церковнославянский, древнеболгарско-церковнославянский, а также язык Киевских листков (предположительно великоморавского происхождения), из которых лишь древнеболгарско-церковнославянский в силу различных причин оказался единственным полноправным наследником древней традиции. В свою очередь, древнеболгарско-церковнославянский язык сам стал источником традиции, и в ходе его распространения

среди других славянских племен и постепенной трансформации под воздействием местных говоров возникли старосербский церковно-славянский язык, среднеболгарский язык и старорусский церковно-славянский язык [Трубецкой 2010: 394].

Далее, опираясь на мысль о церковнославянском языке как о языке-источнике различных письменных традиций славянских народов, Н.С. Трубецкой строит классификацию славянских языков на основании наличия/отсутствия преемственности по отношению к иному литературному языку. Согласно этой классификации, все славянские литературные языки, за исключением сербохорватского и словенского («выпавших из связи с литературно-языковыми традициями»), делятся на языки *церковнославянской традиции*, в истории которых характерной чертой была «связь по преемству» (русский и болгарский), и языки *польско-чешской традиции*, связь между которыми всегда осуществлялась не по преемству, но по влиянию (польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий и украинский литературные языки) [Трубецкой 2010: 417].

Идея Н.С. Трубецкого о «связи по преемству» в отношении языков церковнославянской традиции находит свое продолжение в работах Н.И. Толстого о «локальных типах» церковнославянского языка позднего периода. Примечательно, что при описании истории церковнославянского языка Н.И. Толстой нередко прибегает к понятиям, заимствованным из инструментария контактной лингвистики: так, в его работах мы встречаемся с трансформациями церковнославянского языка на базе «народных субстратов», с описанием процесса взаимодействия между «народными литературными языками» и древнеславянским (церковнославянским) литературным языком как процесса «креолизации», а церковнославянский язык позднего периода в его различных местных разновидностях (локальных типах) называется «гибридным церковнославянским языком» [Толстой 1988: 46, 54–55].

Мысль о гибридизации (креолизации) двух идиомов как основе для формирования языка отдельного памятника, группы памятников либо целой письменной традиции неоднократно возникает в лингвистических трудах последних десятилетий, посвященных письменности мира *Slavia Orthodoxa*. Гибридная основа обнаружи-

вается в языке древнерусских летописей, языке Феофана Прокоповича (В.М. Живов), в памятниках литературного языка Великого княжества Литовского (западнорусского языка, «простой мовы») — и, в частности, в Библии Франциска Скорины (Н.Н. Запольская, Ю. Верхоланцева) [Живов 1985; Запольская 1993, 1999; Verkholantsev 2008]. Механика формирования гибридных литературных языков впервые была описана В.М. Живовым: в силу близости авторитетного литературного (церковнославянского) и родного языка писца (русского, сербского, болгарского) создание текста на литературном языке во многом основывалось на ресурсах родного языка. Тем не менее для создания текста на литературном языке пишущий должен был в определенной мере осознать различия между родным говором и данным литературным языком. При этом он, естественно, ориентировался не на грамматические руководства, а на авторитетные тексты, которые служили «постоянным фоном его культурной деятельности». Пассивное восприятие подобных текстов формировало у читателя представление о наборе признаков, противопоставляющих книжный (церковнославянский) и некнижный (родной) язык, что приводило к складыванию «механизма пересчета книжных элементов в некнижные» и наоборот [Живов 1988: 51]. При необходимости создать текст на церковнославянском языке пишущий вводил в него указанные признаки, маркируя его специальный «литературный» характер. При этом набор признаков, достаточных для восприятия текста как литературного, был ограничен, остальные же элементы, вне зависимости от их книжного/некнижного происхождения, могли проникать в текст без всякой системы. «Гибридный язык опирается не на особую норму, а на литературную традицию, и на ряд ошибок приучает смотреть как на допустимые отклонения» [Живов 1985: 75]. В связи с генетической близостью говора, на котором базируется литературный язык, к родному говору создателя текста, многие элементы этих двух систем совпадали, что приводило к их объединению в одну гибридную систему, в рамках которой книжные и некнижные элементы могли нейтрализоваться [Лифанов 2001: 35].

В целом идея гибридизации церковнославянского языка и местных говоров достаточно широко проанализирована в работах, по-

священных культурно-языковой истории мира *Slavia Orthodoxa*. Нередко подобное взаимодействие осложнялось воздействием третьего фактора — как, например, чешского литературного языка в случае Библии Ф. Скорины и западнорусского языка («простой мовы»). Значительно реже в сфере внимания лингвистов попадают типологически сходные ситуации, имевшие место в истории западнославянских литературных языков, которые, по мысли Н.С. Трубецкого, связаны между собой не «по преемству», а лишь «по влиянию». Вместе с тем идеи о гибридном характере ряда памятников, возникших в различных регионах мира *Slavia Latina*, находившихся в сфере культурного влияния чешских земель, высказывалась еще в работах конца XIX — начала XX в. Так, мысль о «смешанном языке чешско-польском» возникает при описании языкового облика ряда памятников у Й. Первольфа [Первольф 1883: 41–44]. О формировании смешанного «чешско-словацкого языка» (*česko-slovenčina*⁶) пишет в своих работах С. Цамбел [Czambel 1887: 1–32; Czambel 1903: 174–179]. На гибридном чешско-польском характере некоторых текстов (чеш. *čeština polské recense*, пол. *gmatwanina dwujęzykowa*) основывались идеи Р.О. Якобсона о сходстве истории чешского литературного языка с церковнославянским языком, высказанные в его статьях 30-х гг. [Jakobson 1934: 72–75; Jansen⁷ 1939: 9–20]. Сопоставление роли церковнославянской традиции в истории литературных языков южных и восточных славян и чешской традиции в истории словацкого языка периодически возникало и в словакистике [Novák 1938: 285–287; Décsy 1955: 278–286]. Однако, учитывая слабую исследованность материала, более определенно говорить о типологических сходствах и различиях процессов гибридизации в истории церковнославянского и чешского литературного языков было затруднительно.

Нам представляется, что в настоящее время на новом этапе развития науки следует вернуться к исследованию данной про-

⁶ О генезисе и современном употреблении понятия «чехословацкий язык» см. [Nábělková 2008: 115–120]

⁷ Псевдоним Р.О. Якобсона, которым в связи с запретом на публикацию его работ в Протекторате Богемии и Моравии (1939–1945) были подписаны статьи в сборнике «Co dali naše země Evropě a lidstvu» («Что дали наши земли Европе и человечеству»), выпущенном в Праге в 1939 г.

блематики, привлекая к описанию истории славянских литературных языков донационального периода понятия, заимствованные из концептуального аппарата контактной лингвистики. Это позволит по-новому и вместе с тем достаточно убедительно интерпретировать ряд явлений в истории славянских литературных языков, суть которых ранее зачастую трактовалась в категориях «свой» — «чужой» в этногенетическом аспекте (русский — церковнославянский, болгарский — церковнославянский и т.д.). Судя по всему, подобное строгое противопоставление языковых элементов в этногенетическом отношении свойственно литературным языкам донационального периода гораздо в меньшей степени, чем литературным языкам на современном этапе их развития (ср. об этом [Bělič 1975, Лифанов 2001: 23–24]). Кроме того, к описанию истории славянских литературных языков могут быть привлечены разработки в области лингвистической контактологии, касающиеся изучения последствий контакта двух языков для их систем, а также специфики проявления инноваций, возникающих в ходе контакта, на различных языковых уровнях.

В лингвистике существуют различные наименования идиомов, возникающих в ходе интерференции литературного языка и говоров определенной местности, где этот литературный язык функционирует. Так, в русской палеославистике наиболее традиционным наименованием разновидностей церковнославянского языка является *извод* — «национальная модификация старославянского (=древне-го общеславянского культово-литературного языка)» [Панин 1995: 8–9]. Однако применение данного термина вне рамок изучения церковнославянской традиции представляется нам неприемлемым в связи с его крепкой ассоциативной связью с определенной культурной парадигмой. Вместо указанного термина в палеославистике нередко используется понятие *редакция* литературного языка (И.С. Улукханов, И. Тот, В.М. Живов — в отношении церковнославянского, К.В. Лифанов — в отношении чешского). Однако указанный термин связан в первую очередь со сферой изучения истории письменной традиции, а также вызывает дополнительные ассоциации с сознательной правкой текстов, противопоставляющейся естественным трансформациям языковой основы, возникающим в ходе

бытования языка либо памятника на той или иной территории [Жуковская 1976: 18]. Нам представляется, что наиболее подходящими терминами для описания территориальных разновидностей литературного языка являются *территориальный вариант литературного языка* (ТВЛЯ) [Дубинин 2000: 7] либо *локальный тип литературного языка* [Толстой 1988: 52], поскольку они соответствуют более широкому подходу к феноменам языкового варьирования в ракурсе социолингвистики — как синхронической, так и диахронической.

В связи с задачами, поставленными в нашей работе, также представляется необходимым обратиться к четырем типам *вариантности нормы*, выделенным А. Едличкой: исторической, региональной, контактной и стилистической [Jedlička 1968: 121–123]. Для целей нашего исследования оказываются актуальными два типа вариантности — историческая и региональная. Исследование текстов на чешском литературном языке, создававшихся за пределами его этнической территории, приводит нас к необходимости выделения еще одного типа вариантности — назовем ее *архаически-региональной вариантностью*. Естественно, что норма чешского литературного языка донационального периода характеризовалась большим количеством исторически обусловленных вариантов. Так, например, несмотря на то, что фонетический процесс диссимиляции $\check{s}\check{c} > \check{s}'$ на основной территории распространения чешского языка в XV в. уже завершился, в текстах вплоть до конца XV в., а зачастую и в XVI в. присутствуют оба варианта реализации данного рефлекса — старый ($\check{s}\check{c}$) и новый (\check{s}'). Таким образом, для истории чешского литературного языка присутствие в тексте обоих типов реализации рефлекса является исторической вариантностью. Однако наличие подобных вариантов в «образцовом» тексте могло совершенно особым образом восприниматься носителями говоров иных языков, которые использовали в письменности чешский язык в его литературной, обработанной форме. Так, старший вариант реализации данного рефлекса ($\check{s}\check{c}$), совпадал, к примеру, с ситуацией в западнословацком диалекте. Создатель грамоты, встречая в тексте на чешском литературном языке вариант, соответствующий своему родному говору, мог начать употреблять его в своих текстах в большем количестве позиций, чем это было свойственно чешскому узусу той эпохи.

Таким образом возникала архаически-региональная вариантность, а узус чешского литературного языка в отдельных регионах видоизменялся. Для каждого из исследуемых далее рефлексов нам предстоит установить, соответствует ли распределение вариантов их реализаций в текстах того или иного происхождения распределению вариантов, обычному для чешских текстов соответствующей эпохи, — либо вариант, находивший поддержку в местных говорах, начинает преобладать. Исходя из этого, сохранение в исследуемых текстах исторической вариантности может свидетельствовать о континуальности развития чешского языка в данном регионе, появление же вариантности архаически-региональной будет являться характерной чертой узуса текстов определенного географического происхождения.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о статусе, которым обладала в системе письменной коммуникации различных регионов в различные эпохи *деловая письменность*. Суть проблемы здесь состоит в самой возможности признания памятников деловой письменности памятниками литературного языка. Так, при описании языковой ситуации в Древней Руси обычно постулируется наличие «последовательно противопоставленных друг другу норм языка книжно-славянской и деловой письменности, отражающих различия в содержании текстов и сфере их применения» [Ремнева 1995: 38–40]. Вместе с тем, согласно В.М. Живову, в различных славянских регионах статус деловой письменности был неодинаков: кодификация действующих юридических норм у восточных славян, по-видимому, лежит вне культурной области, и поэтому в ней употребляется некнижный (деловой) язык, в то время как у южных славян государственное юридическое творчество входит в сферу культурной письменности и поэтому испытывает значительное влияние книжного языка [Живов 1988: 53]. Очевидно, что деловая письменность в мире *Slavia Latina* и, в частности, чешская деловая письменность, обладала в системе культурной коммуникации иным статусом, нежели деловая письменность в истории языков мира *Slavia Orthodoxa*. Это связано с тем, что чешский литературный язык, изначально имевший разговорную основу, не был непосредственно связан с сакральной областью и мог свободно

употребляться в письменности, связанной со сферой повседневной коммуникации. Более того, в истории чешского литературного языка в определенные периоды именно памятники деловой письменности представляли более устойчивую и разработанную норму, чем литературные тексты, в которых ощутимо влияние латыни на различных уровнях. В этом смысле история чешского литературного языка стоит значительно ближе к иным этническим литературным европейским языкам нового времени, нормы которых зачастую выросли из норм канцелярской прозы. Так, в немецкой традиции «канцелярские языки» в XIV–XV вв. выдвинулись на роль ведущего функционального варианта письменно-литературного языка [Дубинин 2000: 77–79; Гухман, Семенюк 1983: 142–146].

По замечанию Б. Гавранека, чешский язык гуманистического периода (XVI — нач. XVII в.) характеризовался высоким уровнем развития и единством норм во всех сферах письменной коммуникации — как публичной, так и частной [Navránek 1936: 31, 58]. В связи с этим привлечение к исследованию истории чешского литературного языка памятников деловой письменности представляется вполне обоснованным.

Опираясь на изложенные выше теоретические положения, мы приступаем к рассмотрению функционирования чешского литературного языка в отдельных регионах его бытования.

Глава 2

Чешский литературный язык в деловой письменности Малопольши (2-я пол. XV — 1-я пол. XVI в.)

2.1. ВОПРОС О ЧЕШСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРИСУТСТВИИ В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Начиная разговор о бытовании чешского литературного языка в Польше, следует разграничить несколько объектов изучения. Это разграничение опирается, с одной стороны, на выделение различных аспектов функционирования чешского литературного языка в Польше, с другой — на различные подходы к изучению «экспансии» чешского литературного языка за пределы его этнической территории в различных научных традициях. С одной стороны, речь идет о чешском *влиянии* на польский литературный язык в самой общей перспективе и во всем разнообразии его проявлений. С другой стороны, объектом интереса становится *использование* чешского литературного языка в деловой письменности юго-восточных, соседних с чешскими землями польских регионов.

Чешское влияние на польский литературный язык охватывает очень длительный период (XII–XVII вв.). Исследование взаимодействия этих двух близкородственных языков всегда занимало достойное место в традиции изучения как польского, так и чешского литературного языка. При этом большинство работ, посвященных чешско-польским языковым связям, было создано в рамках первого подхода к проблематике (вопрос о *влиянии*). *Использование* же чешского языка в письменности на территории Польши исследовалось значительно реже. Согласно наблюдениям чешских историков Й. Мацурека и М. Рейнуша, исследование влияния чешского языка на польской территории практически всегда ограничивалось «либо рассмотрением чешских слов и чешских юридических формул, пе-

решедших в Польшу XII–XIV вв., либо изучением следов чешского языка в польских литературных и богослужебных письменных памятниках XV в., либо разбором взаимоотношений между литературным чешским и литературным польским языками вплоть до середины XVI в.» [Maćurek, Rejnuš 1961: 165].

Впервые на бытование чешского литературного языка в Малопольше указал профессор Варшавского университета, чех по происхождению Йозеф Первольф (1841–1892). Он обратил внимание на факты, свидетельствующие об использовании чешского языка в канцелярии краковского королевского двора конца XV — нач. XVI в.: во-первых, записи, касающиеся Силезии, вносились в польскую коронную метрику по-чешски; во-вторых, и королевский двор, и польская шляхта на чешском языке переписывались с силезским дворянством, а также с ротами чешских наемников. Свою роль в распространении чешского языка в Малопольше, по мнению Первольфа, сыграли малопольские дворяне, владевшие именьями в Силезии, а также выходцы из Малопольши, служившие там чиновниками. В силу того, что чешский литературный язык в той или иной мере был известен в Малопольше, чешские книги, издававшиеся как в самой Чехии, так и в столице Малопольши — Кракове, находили себе читателей среди поляков и способствовали формированию общественной моды на чешский язык, проявившейся, среди прочего, в бегемизации языка произведений ряда польских авторов (С. Ореховского, М. Бельского, С. Клёновича) [Первольф 1890: 241–246].

Более подробно останавливаются на вопросе о функционировании чешского литературного языка на территории Польши чешские историки Й. Мацурек и М. Рейнуш, осуществившие наиболее полное на сегодняшний день издание документов, созданных на чешском языке на территории Польши и Великого княжества Литовского (67 единиц) [Maćurek, Rejnuš 1961: 163–261]. Данному изданию сопутствует развернутый обзор исторического фона чешско-польских языковых контактов, а также характеристика сфер употребления чешского литературного языка в Польше. Заметим, что авторы, сконцентрировавшиеся на вопросе об истории употребления языка на собственно польской территории, сознательно не включили в свое издание силезский материал: по их мнению, ис-

пользование чешского литературного языка в Силезии имело свои характерные особенности и объяснялось принадлежностью различных силезских княжеств в XIV–XVI вв. к чешской короне (даже в случае Освенцимского и Заторского княжеств, со второй половины XV в. отошедших Польше) [Macůrek, Rejnuš 1961: 210–211].

Согласно Й. Мацуреку и М. Рейнушу, первая дошедшая до нас чешская грамота с территории Польши относится к 1431 г. (грамота литовского князя Свидригайло, Мс3-1431⁸); большинство опубликованных в его издании грамот было создано на рубеже XV–XVI вв. Рассуждая о причинах проникновения чешского литературного языка в польскую письменность в 1470–1490 гг., чешские историки отмечают важность совокупного действия целого ряда факторов, среди которых высокая степень развития чешского литературного языка, его активное употребление в деловой письменности в чешских землях, а также, что особенно важно, его бытование в других регионах за пределами чешской этнической территории — в Верхней Силезии, в особенности в Освенцимском и Заторском княжествах, и в Словакии. Кроме того, для проникновения чешского языка в польскую деловую письменность имел значение трансфер населения между Силезией и Малопольшей, а также долговременное пребывание чешских наемных воинов в польских землях, коммуникация которых с польской стороной проходила на чешском языке. В период наиболее активного бытования в Польше на рубеже XV–XVI вв. чешский литературный язык использовался представителями польских центральных органов власти (в грамотах польской королевской канцелярии и городов), некоторыми дворянами, а также польскими наемными воинами. Естественно, что в большинстве случаев речь идет о коммуникации с чешскими землями либо с территориями, где чешский язык был привычен и понятен (Силезия, Словакия). Чешские грамоты польского происхождения постепенно исчезают во второй половине XVI в. в связи с развитием польского литературного языка и переходом польской письменности на этнический язык [Macůrek, Rejnuš 1961: 200–201, 205, 208].

⁸ Сочетание букв в шифре грамоты отсылает к изданию, номер соответствует порядковому номеру грамоты в издании, далее приводится год создания. Полный список грамот, исследованных в работе, приводится в Приложении 1.

Далее исследуются языковые особенности 36 грамот, созданных этническими поляками на территории Польши, а также, в ряде случаев, в Чехии и Словакии. Подавляющее большинство грамот происходит с территории Малопольши. Источником нашего исследования являются грамоты из издания [Macurek, Rejnuš 1961], сокращение данного источника — Мас. Шифр грамоты состоит из сочетания сокращения источника публикации, порядкового номера грамоты в указанном источнике и года создания грамоты: напр., Мас8-1454 — грамота № 8 1454 г. из указанного выше издания Й. Мацурека и М. Рейнуша.

Язык исследованных грамот польского происхождения неоднороден, несмотря на то, что значительное количество грамот происходит из королевской канцелярии (всего 22 грамоты), в отношении которой возможно предполагать некоторую общность письменного узуса. Вместе с тем неоднородность языкового облика посланий, адресантом которых является одно и то же лицо (причем они созданы в одно и то же время) говорит о том, что единства узуса не было даже в королевской канцелярии, и многое зависело от выучки отдельного писца (ср., напр., грамоты короля Казимира Мас11-1455 и Мас14-1455, первая из которых демонстрирует строгое следование чешской норме, а вторая включает яркие фонетические полонизмы и ряд польских лексем). Кроме того, в тексте грамот мы зачастую обнаруживаем значительную степень вариантности в отражении одного и того же рефлекса, что является характерной чертой средневекового литературного узуса вообще.

2.2. АРХАИЧЕСКИ-РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В ГРАМОТАХ ПОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

2.2.1. Диссимилиация $\check{s}\check{c} > \check{s}\check{t}$

Процесс диссимилиации $\check{s}\check{c} > \check{s}\check{t}$ осуществляется в говорах чешско-го языка в XIV–XV вв. (чеш. *ješče > ještě*, пол. *jeszcze*, чеш. *šćestie > štěstí*, пол. *szczęście*⁹). Что касается отражения указанного фонетического процесса в памятниках письменности, то в текстах XIV в.

⁹ Здесь и далее, если нет дополнительных указаний, приводятся примеры из современного чешского, польского и словацкого языков.

все еще преобладает старший вариант *šč*, в течение XV в. он постепенно вытесняется, а в XVI в. уже преобладает младший вариант *št'* [Komárek 1969: 140; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 124]. Допустив воздействие на язык грамоты родного польского языка ее создателя, мы могли бы предположить, что в случае, когда польский язык очевидно поддерживает одну из реализаций рефлекса, представленную в чешском тексте на правах варианта, именно эта реализация будет представлена в текстах в большей мере. Однако реальная ситуация в исследованных текстах не подтверждает нашего предположения: в текстах польского происхождения очевидно преобладает чешская инновация (*šč* — 4, *št'* — 13 примеров), что свидетельствует о том, что их создатели ориентировались на чешский письменный узус своей эпохи. Ср.: Mac22-1471 *zvláště*, Mac24-1474 *příští, příštíeho*, Mac44-1507 *dopůstějíce*, Mac45-1507 *zvláště*, Mac46-1507 *zvláště*, Mac53-1520 *zvláště*, Mac54-1520 *zvláště*, Mac55-1521 *zvláštň*, Mac59-1529 *vypouštěti, zvlášt'*, Mac65-1540 *zvláště, dopouštěno*.

2.2.2. РЕГРЕССИВНАЯ ПЕРЕГЛАСОВКА *aj>ej*

Регрессивная перегласовка *aj>ej* осуществляется в чешском языке в XV–XVI вв. (чеш. *najlepší>nejlepší*, чеш. *volaj>volej*), однако результаты этого процесса начинают последовательно фиксироваться в памятниках чешского литературного языка лишь в XVII в., в то время как в XV–XVI вв. в текстах, как правило, сосуществуют и перегласованные, и неперегласованные формы [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 116; Komárek 1962: 175]. В польском языке перегласовка не происходила (ср. пол. *najlepszy, wołaj*).

В грамотах полностью преобладает неперегласованный вариант — сочетание (*aj* — 37, *ej* — 3). Таким образом, в данной позиции в текстах XV–XVI вв. отражается старший вариант, совпадающий с реализацией рефлекса в польском языке. Наличие старшего варианта в данном случае может быть объяснено не влиянием польского языка, а поздним проникновением инновации в чешский письменный узус. Ср. Mac8-1454 *najprv*, Mac21-1470 *najjasnějšieho*, Mac34-1491 *najjasnějšého*, Mac44-1507 *najužitečný*, Mac57-1525 *najprv*, Mac58-1527 *najprv*.

2.2.3. РЕФЛЕКСЫ ДЛИННОГО $\acute{o} > uo > \acute{u}$ (\acute{u}) В ОСНОВЕ

Аналогичная ситуация наблюдается и при отражении рефлексов длинного $\acute{o} > uo > \acute{u}$ (графически \acute{u}). В XV в. как в чешских печатных изданиях, так и в рукописях уже преобладает дифтонг *uo* при сохранении в ряде случаев старого \acute{o} . Новый монофтонг \acute{u} (\acute{u}) начинает конкурировать с дифтонгом лишь со второй половины XVI в. [Porák 1983: 59, 63–64]. В польском языке в XV–XVI вв. в данной позиции был представлен континуант длинного \acute{o} — «суженное» (пол. *ścieśnione*) *o*, которое в данную эпоху в говорах польского языка произносилось ближе к *o*, чем к *u* (за исключением позиции перед *r*). Совпадение в произношении \acute{o} с *u*, имевшее место лишь в некоторых диалектах польского языка, относится к более поздней эпохе XVII–XVIII вв. [Ананьева 2009: 137]. Кроме того, между двумя языками имеются различия по долготе в отдельных корнях (ср. чеш. *vůle* — пол. *wola* и др.).

В большинстве случаев рефлекс отражен в грамотах как дифтонг *uo*, что соответствует ситуации в чешских письменных памятниках того времени (58 примеров): Mac11-1455 *kuoň*, Mac24-1474 *s jejich...vuolí*, *zuostali*, Mac41-1499 *puol roku*, Mac48-1508 *duochody*, Mac54-1520 *vuobec*, *muož*, Mac59-1527 *Buoh*, *muoj*, *zpuosobiti*, *vzhuoru*. Также достаточно часто в текстах фиксируется старший вариант реализации рефлекса — монофтонг \acute{o} (15 примеров): Mac19-1465 *rójčili*, Mac23-1473 *z jich dobrú vólí*, *zóstali*, Mac57-1525 *róznice*, Mac59-1527 *prótah*. Фонема \acute{u} (\acute{u}) в текстах польского происхождения фиксируется лишь единожды в одном из поздних текстов Mac66-1551 *vůlí*.

Отдельно следует интерпретировать появление в текстах монофтонга \acute{o} (либо *o* — наличие/отсутствие долготы исходя из особенностей орфографии установить невозможно). По наблюдениям Я. Порака, в чешских памятниках XV–XVI вв., пусть и не столь часто, встречаются фиксации исходного \acute{o} (*o*), которые могут быть объяснены как консервативностью узуса, так и аналогией (напр. *možem* по образцу *moňu*) [Porák 1983: 60]. Наличие подобных фиксаций в исследованных нами текстах польского происхождения, в тех случаях, где имеются лексические межъязыковые соответствия, помимо указанных выше причин может объясняться влиянием

польского языка: Mac21-1470 *může* (пол. *może*), Mac23-1473 *z jich dobrú vólí, zóstali* (пол. *wola, zostać*), Mac32-1488 *svoj* (пол. *swój*), *s dobrú vólí, s dobrú vólú*, Mac33-1490 *spůsobem* (пол. *sposób*), Mac37-1492 *svój, z dobrú vólí, nemóžem*, Mac57-1525 *różnice* (пол. *różnica*), Mac66-1551 *moj* (пол. *mój*). В иных случаях, где отсутствуют прямые межъязыковые соответствия, естественно объяснить передачу старого *ó* (либо *o*) консервативностью чешского письменного узуса Mac19-1465 *rójčili* (пол. *pożyczyć*), Mac32-1488 *voběc* (пол. *w ogóle* ‘вообще’, ср. польский предлог *wobec* ‘в отношении’), Mac59-1527 *prótaň* (пол. *przeciąg*). Так или иначе, и в данном случае мы не обнаруживаем в текстах преобладания варианта, соответствующего польскому языку.

Отметим, что в исследованных текстах также присутствуют случаи отражения дифтонгов на месте краткого *o*, т.е. представлена неэтимологическая дифтонгизация, вероятно, объясняющаяся воздействием аналогии. Ср. Mac23-1473 *Buože nědaj*, Mac14-1455 *spuolu*, Mac23-1473 *duolepsaného*, Mac55-1521 *puokudž*. Подобное явление встречается в памятниках чешского языка: так, еще Я. Гебауэр в своем труде отмечает формы с неэтимологической долготой, проявившейся в дифтонгизации *o>uo* в ряде чешских памятников XIV–XV вв., среди которых Клементинский пассионал, где подобные формы особенно часты (*zakuon, prokuor, kuostel, yakuo, czrnehuo ptáka, duobrze, duobu* и т.д.). Кроме того, многочисленные случаи неэтимологической фиксации дифтонга обнаружены нами в базе старочешских памятников *Vokabulář webový* (<http://vokabular.ujc.cas.cz>).

По мнению Гебауэра, подобные отклонения могут объясняться различиями в древнечешской и новочешской долготе, отразившимися в периферийных диалектах чешского языка, в частности, в ляшских говорах (*tuohl* — ляш. *tuh*, *zakuon* — ляш. *skun* (*skon*), *yakuo* — ляш. *jakuž*). Однако для большинства примеров из Клементинского пассионала Гебауэр находит объяснение в «индивидуальной либо диалектной склонности» писца. Кроме того, им отмечено большее количество подобных форм в позиции после лабиальных и после предлогов [Gebauer 1963: 245–246, 607; Komárek 1962: 119]. Наш материал отчасти подтверждает сказанное Гебауэром — в частности, более частое появление неэтимологического *uo* после лаби-

альных (buoží, zbuoží, puol, puolský, spolu, puokudž, nepuozostavují, erbuové). В целом же объяснить отражение указанного явления в исследованных текстах лишь «индивидуальной либо диалектной склонностью писца» достаточно трудно в связи с его достаточной распространенностью. Впрочем, оно не является специфической чертой текстов польского происхождения, поскольку представлено как в собственно чешских текстах, так и в текстах, создававшихся на территории Верхней Силезии и Западной Словакии (см. главы 3, 4).

2.2.4. РЕФЛЕКСЫ ДЛИННОГО $ó > uo > ú$ (ů) ВО ФЛЕКСИИ

РОД. П. МН. Ч. СУЩ. МУЖ. РОДА

Динамика проникновения инноваций *uo*, *ú* в основы и во флексии, судя по данным Я. Порака, в чешских текстах XV–XVI вв. различалась, что, среди прочего, может объясняться древними количественными различиями диалектного происхождения [Porák 1983: 61–62]. Что касается флексии род. п., по наблюдениям Я. Порака, вариант флексии *-ov*, хотя и представлен в чешских печатных изданиях и рукописях XV — начала XVI в., все же значительно проигрывает по частотности варианту *-uov*, окончательно побеждающему к 20-м гг. XVI в. Результаты монофтонгизации восходящего дифтонга в долгое *ú* в этой позиции начинают спорадически фиксироваться в рукописях с начала XVI в., к концу столетия почти полностью вытесняя из текстов дифтонг *uo* [Porák 1983: 62, 65]. В польском языке начиная с эпохи первых памятников у существительных твердой разновидности склонения представлена флексия *-ów*, причем *ó*, по крайней мере для периода XV–XVII вв., произносилось в подавляющем большинстве позиций ближе к *o*, а не к *u* [Ананьева 2009: 153, 137].

В чешских грамотах с территории Польши на протяжении всего рассматриваемого периода представлены оба варианта флексии, причем вариант *-ov* преобладает (*-ov* — 26, *-uov* — 18 примеров). Большая распространенность флексии *-ov* может объясняться воздействием польской морфологии. Тем не менее вариант *-uov*, соответствующий чешскому литературному узусу XV — 1-я пол. XVI в., также представлен в текстах очень значительно. Примечательно полное отсутствие в текстах польского происхождения монофтонгизированного варианта *-ů*.

2.2.5. РЕФЛЕКСЫ ДЛИННОГО $\acute{o} > \text{uo} > \acute{u}$ (\acute{u}) ВО ФЛЕКСИИ

ДАТ. П. МН. Ч. СУЩ. МУЖ. РОДА

В отличие от род. п., недифтонгизированный вариант окончания дат. п. -om, напротив, в чешском письменном узусе поначалу преобладал: в печатных изданиях окончание -om начинает употребляться реже только с конца 30-х гг. XVI в., аналогичная ситуация обнаруживается и в рукописях [Porák 1983: 61]. В исследованных нами текстах варианты флексии дат. п. мн. ч. представлены приблизительно в равной степени (-om — 25 примеров, -uom — 21 пример). Чешская инновация -uom начинает более или менее последовательно отражаться в текстах польского происхождения с начала XVI в., что в общем соответствует ситуации в чешских печатных текстах и рукописях, исследованных Я. Пораком [Porák 1983: 61], где примеры на -uom последовательно фиксируются с начала XVI в.

2.2.6. ФЛЕКСИЯ РОД., ДАТ. И МЕСТ. П. АДЪЕКТИВАЛИЙ ЖЕН. РОДА

Еще одной позицией, в которой чешский литературный узус XV–XVI вв. характеризовался вариантностью, была флексия род., дат. и мест. п. адъективалий жен. рода. Исходная парадигма склонения адъективалий жен. рода твердой разновидности в ед. ч. характеризовалась омонимией дат. и мест. падежей (*dobr'ieĵ*) и особой формой род. падежа (*dobré*), однако подобное соотношение флексий в настоящее время характеризует лишь юго-западночешский диалект. Согласно Д. Шлосару, в чешских говорах имело место достаточно раннее выравнивание парадигмы по форме род. п., совпадение падежных формантов по этому типу представлено и в современном чешском литературном языке. Иной тип унификации характеризовал восточночешские говоры, где все три формы обобщались по образцу дат. и мест. падежей (*dobrej*) [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 189]. В польском языке развитие происходило аналогично восточночешскому диалекту: флексия дат. и мест. п. -eĵ в древнепольских памятниках в функции род. п. отмечается чаще, чем этимологическое окончание [Ананьева 2009: 206]. Заметим, что нестяженные формы (-eĵ) наряду со стяженными (-é) отражаются и в чешских памятниках XV–XVII вв., однако постепенно они

вытесняются стяженными формами во всех трех падежах [Vážný 1970: 114–115; Gebauer 1896: 542–545].

Необходимо отметить, что рассмотрение отражения в текстах стяженного/нестяженного вариантов флексии и попытка сделать вывод о том, сохранялась ли в отношении данного рефлекса вариантность историческая либо появлялась вариантность архаически-региональная, осложняются наличием в некоторых грамотах такого соотношения флексий, какое вообще не характерно для естественных языков. Кроме того, имеющийся материал недостаточен для анализа полной парадигмы ед. ч. адъективалий женского рода твердой разновидности, поскольку не во всех грамотах обнаруживаются и форма род. п., и форма дат. и мест. п. В связи с указанными факторами было необходимо изменить методику исследования: в данном случае мы не будем выводить соотношения стяженного/нестяженного вариантов для каждого падежа (тем более что флексии дат. и мест. падежей адъективалий совпадают), а обратим внимание на количество грамот, отражающих наиболее репрезентативное соотношений флексий. По типу отражения рассматриваемого явления грамоты распадаются на следующие группы:

- 1) тексты, в которых в форме род. п. фиксируется флексия -é, в дат. и мест. п. — -ej (либо дат., мест. п. не фиксируются) — 4 грамоты. Материал грамот подобного рода репрезентативен в меньшей степени, т.к. соответствует как первичной древнечешской парадигме, так древнепольской системе;
- 2) тексты, в которых форма род. п. не фиксируется, но присутствуют формы дат. и мест. п. с -ej — 2 грамоты. В данном случае мы имеем дело либо с консервацией предшествующего этапа развития (как в первом случае), либо с инновацией по польскому образцу;
- 3) тексты, в которых в форме род. п. фиксируется -é (либо форма род. п. не зафиксирована), в дат. и мест. п. -é — 8 грамот. Такое положение свидетельствует о проникновении в текст инновации, произошедшей в чешском литературном языке;
- 4) тексты, в которых в форме род. п. фиксируется -ej, в дат. и мест. п. — -ej (либо формы дат. и мест. п. не зафиксированы) — 5 грамот. Данное соотношение говорит об отражении в тексте инновации по образцу польских диалектов.

Кроме того, имеются случаи, в которых в одних и тех же падежных формах адъективалий обнаруживается вариантность трех типов:

- 5) вариантность в род. п. -*é/-ej* (3 грамоты);
- 6) вариантность в дат., мест. п. -*é/-ej*: (3 грамоты);
- 7) вариантность -*é/-ej* во всех падежах (3 грамоты).

Как показывает приведенный материал, самая значительная часть грамот польского происхождения (8) оказывается в третьей группе, которая характеризуется присутствием чешской инновации. Немалое количество грамот отражает вариантность флексий, где одним из вариантов также оказывается чешская инновация — флексия -*é*. Таким образом, и в данной позиции вариант, поддерживающийся системой польского языка, в текстах польского происхождения не превалирует — напротив, более распространенной оказывается чешская инновация.

2.2.7. Дифтонгизация *ú>ou*

Фонетический процесс дифтонгизации *ú>ou*, по-видимому, начался в чешских диалектах еще в конце XIII — начале XIV в. [Kotmárek 1962: 165]. Однако, по наблюдениям Я. Порака, в памятниках чешской письменности дифтонг *ou* в середине и на конце слова начинает постепенно завоевывать позиции начиная с 20-х гг. XVI в., в то время как до этого времени в текстах преобладает монофтонг *ú* [Poraák 1983: 69–70]. В исследованных текстах польского происхождения мы обнаруживаем абсолютное преобладание монофтонга *ú*, дифтонг *ou* отражается лишь в 15 случаях, причем 3 из 4-х грамот, отражающих дифтонг, относятся как раз к 20–40 гг. XVI в., т.е. ко времени постепенного проникновения инновации в чешские тексты.

Иная ситуация наблюдается с отражением дифтонга *ou* в инициальной позиции — явления, которое впоследствии станет одной из особенностей чешского обиходно-разговорного языка (чеш. *obecná čeština*). В исследованных текстах дифтонг *ou* в начальной позиции не отражается ни разу, что объясняется более поздним проникновением данного явления в систему литературного чешского языка — оно начинает фиксироваться только со второй половины XVI в. [Poraák 1983: 107–109].

Следовательно, и в отношении дифтонгизации $\acute{u} > ou$ узус текстов польского происхождения соответствует узусу современных им чешских текстов, создававшихся в Чехии и Моравии.

2.3. ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ ЦЕНТРАЛЬНОЧЕШСКИХ ИННОВАЦИЙ КОНЦА XIV–XV ВВ.

Иным свидетельством сохранения связи грамот, создававшихся на территории Польши, с языком пражского центра является отражение в них чешских фонетических инноваций XV в., маркирующих «свободный литературный узус» чешского литературного языка (термин Я. Порака, чеш. *uvolněný úzus*): протетического $v-$, сужения $\acute{e} > \acute{i}$, дифтонгизации $\acute{y} > ej$. Впоследствии эти черты станут характерными особенностями обиходно-разговорного чешского языка [Porák 1983: 114, 130, 138, 151]. В польских говорах все указанные явления отсутствуют. В данном случае речь идет о явлениях, в XV — 1-й пол. XVI в. еще не являвшихся частью чешской литературной нормы и в связи с этим не характеризовавшихся обязательностью употребления. Тем более примечательно, что и в данном случае ситуация в чешских текстах с территории Малопольши в целом соответствует чешскому литературному узусу современной им эпохи.

2.3.1. ПРОТЕТИЧЕСКОЕ $v-$

Уже с XIV в. в чешских памятниках начинают фиксироваться примеры отражения протетического $v-$ перед o в начале слова, число которых увеличивается к XVI в. В XVI в. инновация, судя по всему, была представлена практически во всех говорах Чехии кроме окраинного доудлебского, а также в говорах Западной Моравии. Что касается отражения данного явления в памятниках письменности, то в большей мере оно представлено в развлекательной, медицинской, учебной литературе, а также в деловой переписке [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 98–99; Porák 1983: 126–127, 130].

В текстах, происходящих из Малопольши, протетическое $v-$ встречается в следующих лексемах: прилагательные *obecní, obušej-ný*, числительные *osm, osmý*, местоимения *oba, on* и *onen*, предлоги *o, od*, приставочный глагол *odložit*. Первой грамотой, отражающей протетическое $v-$, является грамота послов польского короля 1470 г:

Mac21-1470 vobučejný, однако более или менее последовательно протеза начинает отражаться в текстах начиная с 20-х гг. XVI в. (21 пример): Mac53-1520 vobecnímu, vod podpisu, vosmadvaceti, Mac54-1520 vobecnímu, vosmi, vod podpisu, Mac56-1524 vod jmenovaného, vodložili, Mac57-1525 z vobú stran, Mac58-1527 vo tom, Mac61-1532 vo takové protivěnstvie, Mac64-1538 vosmého, Mac65-1540 voni s předky, vod mnoha let, vod toho času, vod spravedlnosti, vod soudu, vod pána svého, vo ten statek, vod nás, města voného. Описанная ситуация соответствует фактам истории чешской письменности: согласно наблюдениям Я. Порака, частота употребления протетического v- в чешских памятниках возрастает с 1-й половины XVI в. [Porák 1983: 126].

2.3.2. Сужение $e > i$

Закрытый характер фонемы e привел в центральных говорах древнечешского языка к фонетическому процессу сужения (чеш. *úžení*) $e > i$, которое в малой мере отражается в текстах XIV–XV вв., однако последовательно начинает проникать в памятники письменности только с XVI в. А. Лампрехт отмечает, что по сравнению с иными явлениями результаты данного изменения проникали в литературный язык достаточно медленно. Согласно Я. Пораку, фонема i как результат сужения в гораздо большей степени присутствует в текстах административно-делового характера [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 114–115; Porák 1983: 151].

Примеры на сужение $e > i$ (орфографически как правило y) обнаруживаются в грамотах польского происхождения уже во второй половине XV в. и достаточно последовательно представлены в грамотах последующего столетия: Mac21-1470 z boží milosti králevnej polský, od...knížete...starýho, v bytomském gbytě, Mac23-1473 jeho věrný ruce slavtým (!), Mac32-1488 peneze svrchupsaný...staviti anebo zapověděti chtěli, Mac34-1491 vedle...krála uherskýho, Mac44-1507 beze...všelikeraký překážky, Mac48-1508 na témž zbuoží kozichovským, Mac55-1521 na hradě pražským, Mac56-1524 na hradě krakovským, Mac57-1525 z strany druhý, takové...velký škody...rovný, knížeti opolskýmu, Mac58-1527 na dlůhý časy, v takovém slušným strýce, Mac60-1532 v svém poručenství, Mac65-1540 na tom sěmu...velkým, na semě velkým pospolitým.

При отражении результатов сужения в форме мест. п. адъективов муж. и ср. родов (напр., Mac55-1521 na hradě pražským) мы можем предполагать взаимодействие двух гетерогенных процессов: с одной стороны, отражения результатов центральночешского фонетического процесса сужения, с другой — проникновения в тексты польской по происхождению флексии мест. п. -*um*. Судя по всему, большое количество примеров на сужение в текстах польского происхождения (учитывая общую консервативность чешского литературного узуса XV–XVI вв. при отражении результатов данного процесса) объясняется тем, что наличие в мест.п. поддерживаемой польским языком флексии -*um* интерпретировалось как результат фонетического процесса сужения, что приводило к распространению инновации на иные возможные позиции реализации рефлекса.

2.3.3. Дифтонгизация *ý>ej*

В чешских литературных текстах дифтонгизация *ý>ej* отражается с конца XIV в., и в XV–XVII столетиях количество фиксаций данного изменения увеличивается, однако процесс идет весьма неспешно: в памятниках XV в. мы располагаем сравнительно небольшим числом примеров на дифтонгизацию. С 30-х гг. XVI в. количество примеров, отражающих дифтонгизацию, начинает возрастать [Gebauer 1963: 282; Komárek 1962: 162; Porák 1983: 134, 138].

В текстах польского происхождения дифтонг *ej* представлен изолированно: Mac37-1492 *kteréžto psané svrchupsané my jistec a rukojmie prvej psaní slubujeme dáti a zaplatiti*, Mac57-1525 *Vavřinec výš jmenovaněj*. В сравнении с отражением иных фонетических инноваций центральночешского диалекта результаты дифтонгизации *ý>ej* представлены в текстах значительно реже.

В связи с этим заслуживает внимания вопрос о различиях частотности черт т.н. «свободного литературного узуса» в текстах различного территориального происхождения. В отношении протетического *v-* и сужения *ě>í* Я. Порак замечает, что указанные инновации были систематически представлены как в разговорном варианте чешского литературного языка XV–XVI вв., так и в официально-деловом стиле (языке администрации) [Porák 1983: 130, 151]. В свою очередь, вывод Я. Порака о последовательной передаче дифтонги-

зации $\acute{y}>ej$ в рукописных текстах начала XVI в. не может быть принят без возражений. Из приводимых им сведений о частотности ej в текстах первой половины XVI в. следует, что число подобных написаний было незначительно (6–10%) [Porák 1983: 137–139]. В свою очередь Й. Рейзек отмечает, что большинство памятников XVI–XVII вв. по преимуществу содержат старые написания \acute{y} , в то время как в живом языке процесс дифтонгизации $\acute{y}>ej$ уже завершился [Rejzek 2003: 258]. Таким образом, в собственно чешских текстах рубежа XV–XVI вв. дифтонг ej не был представлен в сколько-нибудь значительной мере.

Естественно, что различная степень проникновения отдельных черт «свободного литературного узуса» в тексты, создававшиеся на территории Польши, соотносится с мерой появления данных инноваций в собственно чешских текстах. В связи с большей представленностью первых двух инноваций (протетическое $v-$, сужение $\acute{e}>i$) в собственно чешских текстах XV–XVI вв. указанные явления более или менее последовательно отражались в текстах, созданных на территориях, говоры которых вообще не знали соответствующих звуковых изменений. В свою очередь, незначительное число примеров на дифтонгизацию $\acute{y}>ej$ в текстах польского происхождения, как и отмеченное Я. Пораком [Porák 1983: 138] более редкое проникновение дифтонга ej в моравские памятники и чешские тексты, создававшиеся на территории Словакии, где дифтонг представлен изолированно, находят объяснение в меньшей распространенности данной инновации в чешских текстах XV–XVI вв.

Подводя итоги, следует отметить, что мера и динамика проникновения в тексты польского происхождения чешских фонетических инноваций XV в., постепенно становившихся элементами «свободного узуса» чешского литературного языка, сопоставима с ситуацией в собственно чешских текстах той эпохи. Несмотря на различия в отражении отдельных явлений, обусловленные спецификой их проникновения в чешский литературный узус, в целом нельзя утверждать, что в текстах польского происхождения они представлены лишь отдельными изолированными примерами: общее число текстов, отражающих одно или несколько рассматриваемых явлений, составляет более половины от общего количества грамот (19 единиц, 53%).

2.4. ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ НОРМ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XV–XVI ВВ., ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЕМ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

2.4.1. Фонологические инновации

2.4.1.1. Отражение чешских перегласовок 'a>e, 'u>i

Перегласовки 'a>e, 'u>i являются одним из наиболее значительных фонетических изменений в системе древнечешского вокализма XII–XIV вв. Помимо трансформации собственно вокалической системы, указанные изменения значительно повлияли на морфологию древнечешского языка, способствовав отделению типов склонения существительных, основы которых оканчивались на твердый, от типов склонения существительных с функционально мягким согласным в исходе основы. Таким образом, указанные процессы привели к усилению флективного характера древнечешского языка, где начинают последовательно противопоставляться флексии падежей в твердых и мягких типах склонения и тем самым увеличивается количество типов склонения [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 63–67, 70–73]. Отметим, что данные перегласовки способствовали большему отделению чешского языка от иных языков западнославянской группы (польский, словацкий), не переживших подобных изменений. По наблюдению К.В. Лифанова, наличие/отсутствие перегласовок является одним из наиболее ярких чешско-словацких различий, пронизывающим всю морфологическую систему обоих языков и обуславливающим значительные типологические расхождения между ними (ср. [Лифанов 1995: 30–41]). Этот тезис применим и к описанию фонологических и морфологических различий между чешским и польским языками.

Исследованные тексты польского происхождения неоднократно отражают ошибки в передаче чешских перегласованных форм, обусловленные воздействием системы польского языка. Ср. примеры на отсутствие более ранней перегласовки 'a>e: Mac21-1473 obyčajem (чеш. obyčej, пол. obyczaj), Mac23-1473 javně (чеш. zjevný, пол. jawny), Mac32-1488 vymyslati (чеш. vymýšlet, пол. wymyślać), Mac33-1490 obyčajem, Mac37-1492 obyčajem, Mac34-1491 krála uher-

skýho (чеш. krále, пол. króla), Mac36-1491 den svatého Kříže (чеш. kříže, пол. krzyża), Mac61-1532 velebného v Boze otca (чеш. otce, пол. ojca). В двух случаях мы встречаем отсутствие перегласовки в позиции, в которой в польском языке присутствует носовой гласный: Mac23-1473 pečati (чеш. pečet', пол. pieczęć), Mac57-1525 kníža Nanuš (чеш. kníže, пол. książę). Отражение фонемы *a* в данном случае может объясняться ситуацией в малопольском диалекте, который по сравнению с иными диалектами польского языка дольше сохранял расширенное произношение континуанта древнепольского носового переднего ряда *ę* как *q* [Ананьева 2009: 79–80].

В меньшей степени в текстах отражаются ошибки при передаче результатов более поздней перегласовки *ʔu>i*: Mac19-1465 po svatém Janu Křtitělu (чеш. o Křtiteli, пол. o Chrzcicielu), Mac24-1471 pod našú dobrú vierú (чеш. naší, пол. naszą), Mac32-1488 z...dobrú vólú (др.-чеш. vólí, пол. z...wola), Mac33-1490 pro...našu potřebu (чеш. naši, пол. naszą), Mac35-1491 na Rákošu (чеш. na Rákoši). Отсутствие отражения результатов перегласовок, пусть и нерегулярно, встречается в трети от общего числа грамот (12 единиц, 33%). Что касается системных последствий описанного явления, то отсутствие передачи результатов перегласовок приводило к изменению соотношения гласных переднего и непереднего ряда в пользу последних, и, таким образом, представляло собой инновацию в распределении фонем в вокалической системе чешского литературного языка, употреблявшегося на территории Польши.

2.4.1.2. Отражение континуантов палатализованных согласных

В диграфической орфографии чешских памятников XIV–XV вв. (чеш. *spřežkový pravopis*) и палатализация переднеязычных *n', t', d'*, и йотация губных согласных, явившаяся результатом перестройки системы чешского консонантизма в рамках процесса диспалатализации [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 89–90], первоначально обозначались графемами *i, y* после согласного перед смягчающим/йотирующим гласным *e* (*nie, nye, bie, bye* и т.п.) [Porák 1983: 27, 32]. Аналогичным образом обозначалась палатализация в памятниках среднепольского периода, что сохраняется и в современном поль-

ском языке [Ананьева 2009: 48]. Такое положение, судя по всему, в исследованных нами чешских текстах польского происхождения приводило к реинтерпретации признака: совпадение в графическом обозначении делало возможными неэтимологические с точки зрения чешского языка написания *ie*, *ue*, которые могут объясняться воздействием интерференции с местными польскими говорами.

Так, в чешских текстах польского происхождения обычны гиперкорректные с точки зрения чешского языка написания, отсылающие к польскому палатализованному согласному *v'*: Mac23-1473 *kastelánově* (им. п. мн. ч., пол. *kasztelanowie*), Mac25-1474 *potomkově* (им. п. мн. ч., пол. *potomkowie*), Mac32-1488 *spravedlivého* (пол. *sprawiedliwy*), *obstavěním* (пол. *obstawienie*), Mac37-1492 *obstavěním*, *spravedlivého*, Mac65-1540 *mužově* (пол. *meżowie*). Также присутствуют случаи отражения фонемы *l'*, которая, согласно А. Лампрехту, в чешском языке XVI в. уже совпала с твердой фонемой *l*, но сохранилась в польском литературном языке [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 94]: Mac60-1532 *kralěství* (древнепол. *krolewstwie*, совр. *królestwo*), Mac61-1532 *lěsov* (пол. *las/w lesie*), Mac65-1540 *lěpšého* (пол. *lepszy*), Mac66-1551 *v jídlě*, *polěpšení* (пол. чередование *t/l* *mydło* — *o mydle*; *polepszenie*);

Отдельно отметим случаи передачи мягкости заднеязычных согласных (признак, совершенно чуждый системе чешского консонантизма, но при этом обычный для польского языка (ср. пол. формы сущ. муж. рода тв. п. ед. ч. *skutkiem*, род. п. ед. ч. *zatorskiemu* и т.п.): Mac23-1473 *vělikě knieža litevskě*, *z propadkěm*, Mac24-1474 *velikě*, *litevskě*, *skutkěm*, Mac25-1474 *kěřích*, Mac30-1484 *Mac30-1484* *vělikě kníže litevskě*, *ratiborskěj*, Mac32-1488 *zátorskěmu*, Mac33-1490 *vělikě kníže*, *všelijakého*, Mac34-1491 *českěmu*, *služebníkěm*, Mac35-1491 *uherškého*, *českěmu*, *svěckěm*, Mac37-1492 *všelikterakěm*, *všeckě*, *skutkěm*, Mac61-1532 *velikě kníže litevskě*, *ruskě*, *pruskě*, *mazověckě* etc, *kěře*, Mac66-1551 *krakovského*.

Также были отмечены написания, свидетельствующие о расширении позиций употребления палатализованного *n'* в отрицательной частице (чеш. *ne-*, пол. *nie-*): Mac23-1473 *nědaj*, *němámy*, Mac32-1488 *něchati*, *němámy*, *něžrádně*, Mac33-1490 *něvykúpili*, *něvysvobodili*, *nězaplacenie*, Mac65-1540 *před...nědelmi*.

Вместе с тем общая неустойчивость и искусственность письменного узуса могла приводить и к появлению написаний, не соответствующих системе ни одного из двух естественных языков. С подобным явлением мы встречаемся, например, в случае отсутствия обозначения чешской йотации в позициях, в которых в польском языке представлена палатализация губного: Mac19-1465 *dvema* (пол. *dwie-ma*), *svedomé* (пол. *świadomy* от *wiedzić* [Brückner 1927: 535]), *svedčí* (пол. *świadczy*), Mac23-1473 *v Krakove* (пол. *w Krakowie*) *veřitelóm* (пол. *wierzyciel*), Mac25-1474 *zavesiti* (пол. *zawiesić*), Mac29-1480 *přivesili* (пол. *prywiesić*), Mac48-1508 *Bartolomej* (пол. *Bartolomiej*), Mac50-1508 *Bartolomej*, Mac65-1540 *zveř* (пол. *zwierz*). Отмечаются случаи необозначения палатализации *n'*, *t'*, *d'*, свойственной обоим языкам (в польском языке о былой палатализации может свидетельствовать ассибиляция **t' > ć*, *d' > dź*): Mac14-1455 *oběcne... vyznáváme*, Mac19-1465 *obecne... vyznáváme* (пол. *obecnie*), Mac32-1488 *pečeti...dobrovolne vybavěné, kněžne opravské* (пол. *dobrowolnie, księżnie*), Mac39-1495 *nejaké, knežně* (пол. *niejaki, *kniądz > książe* [Brückner 1927: 277]), Mac48-1508 *vyplnen, vcele a úplne, dedicón* (пол. *wypełniony, zupełnie, dziedzic*), Mac57-1525 *chtel* (пол. *chciał*). Что касается отражения фонемы *ř* (континуант *r'*), фонетическим эквивалентом которой в рассматриваемый период в обоих языках был звук [rʒ] либо его глухой эквивалент [rš], то в текстах польского происхождения встречается лишь несколько случаев отступлений от этимологически верной передачи фонемы: Mac25-1474 *v kěřích*, Mac30-1484 *uzří*, Mac48-1508 *predce* (чеш. *kterých, uzří, přese*; пол. *których, ujrze, przecież*). Заметим, что и в собственно чешских памятниках присутствуют ошибки при передаче фонемы *ř*, столь же немногочисленные и непоследовательные, как и приводимые выше примеры из грамот польского происхождения [Porák 1983: 26].

Таким образом, особенности передачи палатализованных согласных в текстах польского происхождения обнаруживают тенденцию к обогащению системы консонантизма чешского языка, употреблявшегося на польской территории, рядом фонем, не имеющих соответствий в чешском языке рассматриваемого периода (*k'*, *v'*, *l'*), а также к расширению позиций употребления мягкого *n'* под воздействием говоров польского языка.

2.4.1.3. Иные фонологические инновации

Большинство засвидетельствованных полонизмов обнаруживается в небольшой группе текстов второй половины XV в. — Mac23, 30, 32–35, 37 (1473–1492). Данная группа грамот соотносится с первыми десятилетиями правления польской династии Ягеллонов в землях Чешской короны, начавшегося в 1471 г. восшествием на престол Владислава Ягеллона. Примечательно, что среди указанных грамот обнаруживаются как грамоты простых наемных воинов, так и грамоты польских королей Казимира и Яна Ольбрахта, что свидетельствует об отсутствии прямой связи лингвистических особенностей текстов с «цензом грамотности» писцов, работавших на различных уровнях социальной системы. Учитывая, с одной стороны, распространенность и последовательное употребление в рассмотренных текстах диалектизмов, с другой стороны, сохранение в них чешских реализаций ряда рефлексов, а также проникновение центральночешских инноваций (см. примеры на отражение сужения $\acute{e}>í$ в грамотах Mac23-1473, Mac32-1488, Mac34-1491, дифтонгизации $\acute{u}>ej$ в грамоте Mac32-1488), данные тексты мы можем охарактеризовать как *гибридные*. Тем не менее явления, отражающиеся в данной группе текстов за некоторыми исключениями (отражение лехитских переласовок, а также нескольких случаев передачи фонемы \acute{s}) находят соответствие в языке текстов вне данной группы.

В первую очередь необходимо отметить проникновение в тексты новых фонем, обусловленное воздействием польского языка (об отражении в текстах ряда нетипичных для чешского языка палатализованных фонем см. пункт 2.2.2). Наиболее распространенной диалектной чертой польского происхождения является отражение фонем, возникших в результате ассибиляционных процессов, проходивших в польских диалектах в XII–XIII вв. Речь идет об изменениях палатализованных переднеязычных согласных в среднеязычные шипящие $t'>\acute{c}$, $d'>d\acute{z}$, $s>\acute{s}$, $z>\acute{z}$ [Ананьева 2009: 127–128]. Особенности орфографии исследованных текстов не позволяют сделать однозначного вывода о фонетическом значении зафиксированных написаний ci , dzi , однако нам представляется достаточно вероятным, что в данном случае речь идет о передаче польских фонем \acute{c} и $d\acute{z}$: Mac14-1455 *jisci-*

ny, Mac15-1455 zdrádzec, utracit, nemohu ubezpečic, Mac19-1465 dzedzic, s jiscinú, Mac48-1508 dědzic¹⁰. Большинство примеров на данное явление обнаруживается в гибридной группе текстов: Mac23-1473 jiscec, třecieho, dáci, zaplacici, zaplacíme, meci [mít], chceci, položici, ke škodžě, Mac30-1484 dzědzic, Mac32-1488 osvěcimský, tocič [totiž], zapovědzi, dzedcic, Mac33-1490 dzedzic, pohromadze, Mac34-1491 Vldzislavovi, pečeci, přičiskáme, Mac35-1491 bandziemy, Vldzislavovi (!), Mac36-1491 dzelajíc, cej země, Mac37-1495 dzědzic, sudzie, oddzielem, cišiec, dzěvic [devět], cišiecého. Единожды отмечено упрощение *z>z* на месте чешского *d'*: Mac30-1484 potvrzili (чеш. potvrdit, potvrzený, пол. potwierdzić, potwierdzony).

Значительно реже в текстах представлена фонема *ś*, причем за исключением единственной формы (Mac19-1465 dva tišietě) все случаи отражения указанной фонемы встретились в гибридных текстах: Mac23-1473 na švedomu, Mac32-1488 právem...švěckěm, kázali šem (!), Mac36-1491 počěšnosc, Mac37-1495 cišiec, cišiecého. Меньшая степень отражения *ś* и отсутствие в текстах отражения фонемы *ź* могут быть объяснены тем, что в чешском языке палатализация у щелевых зубных *s'*, *z'* утратилась еще в древнейший период, в то время как палатализованные *t'*, *d'* сохранились до нашего времени. В ряде говоров чешского языка аналогично польскому языку происходили процессы ассибиляции *t'*, *d'*, однако результат их был иным (*t'>c'*, *d'>z'*), ассибиляция в определенной мере отражается в памятниках чешского литературного языка XIII–XV вв. [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 84].

Достаточно последовательное проникновение фонемы *ć* в систему консонантизма исследуемого идиома, по крайней мере, в гибридных текстах, может объясняться двумя факторами. С одной стороны, результаты ассибиляции смычных зубных так или иначе представлены в памятниках чешского литературного языка XIII–XV вв., несмотря на то, что сам процесс находился на периферии литературного языка либо за его пределами [Лифанов 2001: 50]. С другой стороны, графическая реализация чеш. *c* и пол. *ć* совпадали (перед гласным мягкость указанного согласного обозначалась как *ci*).

¹⁰ Ср. также случай возможной гиперкоррекции Mac19-1465 dva tišietě/tišiecoma.

К приведенным выше явлениям примыкает изменение группы *s't'>ść, в ходе которого возникало новое сочетание фонем. Указанный процесс отражается только в грамотах гибридного характера: Mac32-1488 přijísč, Mac34-1491 milošči, Mac35-1491 spravědliivošči, milošči-vého, česč, Mac36-1491 počěšnosč.

Кроме указанных выше среднеязычных шипящих фонем, характерных для польского языка, фонемный арсенал исследуемого идиома пополнялся аффрикатой *ʒ* (*dj>ʒ и *g>ʒ в результате второй и третьей палатализаций). Как известно, упрощение аффрикаты *ʒ'>z'* любого происхождения с последующим отвердением *z'>z* является одним из древнейших явлений в системе консонантизма, отделившим чешский язык от польского и частично словацкого языковых ареалов [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 28, 56–57; Krajčovič 1974: 85]. В исследованных текстах фиксируется ряд примеров на реализацию рефлекса *dj>ʒ'>ʒ по польскому типу: Mac15-1455 prípuđený, Mac23-1473 peniedzy, Mac32-1488 narodzenie (чеш. přípužený, peníze, narození).

Вокалическая система чешского языка, использовавшегося на польской территории, также обогащалась новыми фонемами. Наиболее яркой отличительной чертой польского вокализма является наличие носовых гласных *ę, ą*, отсутствующих в чешском языке. В исследованных текстах польского происхождения (в особенности гибридных) мы обнаруживаем попытки фиксации польских носовых фонем с помощью сочетаний *en, an*, а также гласных *o* и *a*: Mac19-1465 osventinské (пол. oświęcimskie), Mac23-1473 OsvaMacimě, Mac32-1488 Kentov (пол. Kęty), Mac33-1490 úřand (пол. urząd), Mac30-1484 s rada přátel (пол. z radą), Mac32-1488 rokojmie (пол. ręka), svianteho (пол. święty), Mac35-1491 bandziemy (пол. będziemy), Mac35-1491 sva česč ohradzujemy (пол. swą cześć).

Кроме того, в гибридных текстах в ряде случаев отражается т.н. «лехитская перегласовка» (пол. przegłos lechicki) — диспалатализация гласных переднего ряда *ě* и *e* перед твердыми переднеязычными *t, d, s, z, n, r, ł*. Были обнаружены перегласовки двух типов:

- 1) *ě>ä'>a: Mac23-1473 viadomošči, obmiaskano bylo, Mac32-1488 novým...náliazem, Mac33-1490 viarovania, Mac35-1491 lata Božeo;

2) е>о: Mac23-1473 *vymysloných, požičoného*, Mac30-1484 *osvieconé knieže*.

Так же, как и в случае рассмотренных выше примеров отсутствия в текстах результатов чешских перегласовок 'а>е, 'у>і, в данном случае можно говорить об увеличении частотности гласных фонем переднего ряда.

Итак, фонологическая система чешского литературного языка, использовавшегося в письменности на территории Польши, подвергалась значительному воздействию польского языка: в тексты проникали новые фонемы, отсутствующие в чешском языке, а в вокалической системе исследуемого идиома происходило перераспределение фонем переднего и переднего ряда. Вместе с тем большинство примеров на указанные явления обнаруживается в небольшой группе текстов, которые были охарактеризованы как гибридные. В большей части текстов чешская фонологическая система сохраняется в достаточно чистом виде.

2.4.2. Морфологические инновации

Инновации, объясняющиеся влиянием морфологической системы польского языка, в большей степени касаются субстантивного и адъективного склонений. Наиболее часто встречающейся в грамотах морфологической инновацией является перераспределение флексий при склонении твердой и мягкой разновидностей адъективалий, связанное с различиями между польским и чешским языками (чеш. *dobrý — letní*, пол. *dobry — letni*). В польском языке в обеих разновидностях в род. и дат. падежах сущ. муж. и ср. родов выступают флексии *-ego, -emu* (пол. *dobrego — letniego, dobremu — letniemu*), в то время как в чешском языке флексии данных падежей в двух разновидностях прилагательных различны (чеш. *dobrého — letního, dobrému — letnímu*). Не находя поддержки в системе польского языка, флексии *-iho* и *-ímu* в исследованных текстах неоднократно уступают своим твердым коррелятам: Mac11-1455 *pěšého* (чеш. *pěšího*, пол. *pieszego*), Mac30-1484 *lěpšému* (чеш. *lepšímu*, пол. *lepszemu*). Аналогично: Mac14-1455 *delšého*, Mac19-1465 *božého*, Mac24-1474 *tisiecého*, Mac34-1491 *obojého*, Mac35-1491 *najjasnějšého*, Mac36-1491 *najjasnějšého*.

Таким же образом оттесняется флексия *-í* в различных падежах адъективалий мягкой разновидности: *vlastné pečetí* (чеш. *vlastní*, пол. *własne*); Mac19-1465 *najjasnějšé knieže* (чеш. *nejjasnější*, пол. *najjasniejsze*). Аналогично: Mac34-1491 *pro lepší svedarstvo*, Mac65-1540 *ve jméno božé*.

Далее, в истории чешского и польского языков различалась судьба склонения существительных ср. рода с суффиксом **ьje* (чеш. *zboží*, пол. *zboże*): в чешском языке для этих существительных сохранилось особое склонение (тип *stavení*), в то время как в польском языке особым специфическим склонением они не обладают [Тихомирова 2005: 370]. В связи с этим в текстах обнаруживаются следующие отступления от чешской нормы, обусловленные влиянием польского языка: Mac14-1455 *na svědomé* (чеш. *na svědomí*, пол. *na świadomie*), Mac34-1491 *přet naroženém* (чеш. *před narozením*, пол. *przed narodzeniem*). Аналогично: Mac30-1484 *sbožé*, Mac37-1492 *psané, psaném (kterézto psané svrchupsané...slibujeme dátipsaném...dáváme úplnou moc*, речь идет о им. и твор. п. сущ. *psaní*), Mac61-1532 *zbožé*, Mac61-1532 *od zboža*. Особо необходимо отметить форму род. падежа, не совпадающую с реализацией рефлекса ни в чешском, ни в польском языках — Mac14-1455 *bez věrované* (чеш. *bez věrování*, пол. *bez wiarowania*) — и свидетельствующую об искренности письменного узуса исследуемых грамот.

Помимо перераспределения флексий, в тексты проникают новые, нетипичные для чешского языка флексии. Так, в формах мест. падежа сущ. муж. и ср. рода в нескольких случаях фиксируется флексия *-och*: Mac24-1474 *v lesoch*, Mac30-1484 *artikloch*, Mac32-1488 *na našich lidoch*, Mac50-1508 *po...držiteloch*. Флексия *-och*, по поводу происхождения которой в полонистике ведутся споры (польская инновация либо континуант праславянского варианта **ǫ-основ -ьхъ>охъ*, сохранившийся в Малопольше и активизировавшийся в XVI в.), представлена уже в древнепольских памятниках, однако в XVI в. вместе с флексией *-ech* уступает инновации (*-ach*) и полностью исчезает из литературного языка [Ананьева 2009: 157]. Очевидно, инновацией является и спорадически представленная в текстах флексия *-om* в дат. п. сущ. жен. рода **а-*, **ја-* и **і-*основ: Mac30-1484 *prosbom*, Mac44-1507 *ke všem věcom*, а также

сущ. *i-основ муж. рода: Mac11-1455 *dobrym lidom*. Данное окончание начинает активно употребляться в польском языке у сущ. муж. рода в XVI в., особенно во второй его половине; в этот же период флексия проникает также в женский род [Ананьева 2009: 176–177].

Воздействие системы польского языка на чешскую языковую основу исследуемых текстов проявлялось и в появлении гибридных флексий, не принадлежащих системе ни одного из участвовавших в контакте языков. Речь идет о формах род. и дат. падежей ед. ч. адъективов жен. рода мягкой разновидности. В чешском языке в период после монофтонгизации дифтонга *ie>í* в формах обеих падежей была представлена флексия *-í* (*bez naší, k naší*), в то время как в польском языке в этой позиции выступает флексия *-ej* (*bez naszej, k naszej*). В большинстве текстов мы встречаемся с этимологически верными генетически чешскими флексиями:

- 1) Род. п. *-ie/í*: Mac8-1454 *ode všie pruské zemi*, Mac21-1470 *což se dotýče najjasnější kněžny, z boží milosti*, Mac37-1492 *z buoží milosti*, Mac39-1495 *z buoží milosti*, Mac46-1507 *bez naší... překážky*, Mac53-1520 *k potřebě naší královskéj*, Mac61-1532 *z božie milosti*;
- 2) Дат. п. *-í*: Mac21-1470 *vaší velkomocnosti...nedopuštěn býti*, Mac53-1520 *k potřebě naší královskéj*, Mac59-1527 *vaší knížecí milosti vzkazují, vši zemi...oznámiti*. В форме дат. п. мы также обнаруживаем гиперкоррекцию, объясняющуюся, по-видимому, общей неустойчивостью узуса при обозначении дифтонга *ie* и монофтонга *í*: Mac32-1488 *manlžence (!) jeho vlastnie*, Mac52-1512 *z buožie milosti, ku lepší jistotě*.

Ряд текстов имеет польский вариант реализации рефлекса, зачашую наряду с чешским: Mac23-1473 *bez všej přísahy/z buožie milosti*, Mac30-1484 *ve vsej tvrdosti*, Mac32-1488 *z božej milosti*, Mac33-1490 *beze vsej odmluvy/z boží pomoci*, Mac36-1491 *z božej milosti*, Mac48-1508 *z milosti a mocí našej*, Mac65-1540 *z přirozenej milosti našej*.

Вместе с тем в значительном количестве грамот в род. и дат. падежах представлена флексия *-é*. Ср.: Mac11-1455 *z buožé milosti, k naše potřebě*, Mac19-1465 *z božé milosti*, Mac22-1471 *bez země naše*, Mac23-1473 *z naše viadomošči*, Mac24-1474 *bez vše*, *z buožé milosti*, Mac65-1540 *z božé milosti*, Mac66-1551 *vaše milosti oznamují*,

Mac11-1455 k naše potřebě. Появление данной флексии в мягкой разновидности может быть объяснено либо как результат контаминации чешской (-í) и польской (-ej) флексий, либо как следствие влияния твердой разновидности склонения адъективалий.

Перераспределение флексий обнаруживается в еще одной позиции — у адъективалий муж. рода твердой разновидности в твор. и мест. п. ед. ч. Процессмены этимологических флексий (-em/-um) в указанных позициях продолжался в польском языке более четырех веков [Ананьева 2009: 206]. В текстах неоднократно обнаруживается этимологическая флексия твор. падежа у форм мест. падежа адъективалий: Mac29-1480 v bytomským gbytě, Mac48-1508 na témž zbuoží kozichovským, Mac55-1521 na hradě pražským, Mac56-1524 na hradě krakovským, Mac57-1525 v jakým podezření, Mac58-1527 v takovým slušným strýce, Mac60-1532 v svém poručenství, Mac65-1540 na tom sěmu...velkým, na semě velkým pospolitým. Имеются, однако, и формы с обратной заменой — Mac32-1488 se všem právem, žádným jiném obyčejem, právem ani duchovném ani svěckém, Mac33-1490 slovem našem králevským přířekáme; Mac37-1492 před svátem. Также фиксируется флексия твор. падежа мн. ч. -emi в формах мест. падежа мн. ч. адъективалий муж. и ср. родов: Mac32-1488 s svěmi, brániti...žádném oddělení, svěmi oddělení odděliti chtěl.

Помимо описанных выше явлений, в грамотах обнаруживаются иные, менее распространенные морфологические инновации в склонении существительных, адъективалий и местоимений. Среди них — аналогическое (по образцу адъективалий) окончание -ej у сущ. род., дат., мест. падежей жен. рода мягкой разновидности *ъja (paní) Mac30-1484 osvícenej kněžně paněj Machně, Mac34-1491 přet narozeném rany mariej; нестяженные формы личных местоимений: Mac36-1491 z tovarišov mojich, Mac35-1491 ze všitkými svojmi (ср. пол. mojich, swojimi); флексия -am в дат. п. сущ. жен. рода мягкой разновидности: Mac14-1455 k...věsam. По наблюдениям Н.Е. Ананьевой, последняя форма не редкость и для древнепольских памятников XIV–XV вв. [Ананьева 2009: 176].

В словоизменении глагола в текстах фиксируется несколько меньше отступлений от чешского литературного языка. Достаточно часто встречается совпадающая с польским языком флексия -tu

в 1 лице мн. ч. наст. вр., однако она не преобладает. Вариант флексии -*my*, однако, был представлен и в памятниках чешского языка [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 235]. В данном случае можно говорить о некотором изменении соотношения вариантов презентного окончания 1 лица мн. ч. -*me/-my*. Ср.: Mac57-1525 *zdviehámy*. Большинство примеров данного явления обнаруживается в гибридных текстах: Mac23-1473 *jmámy, dávámy, dámy, zaplacímy, položímy, němámy/vyznáváme, slibujeme, dáme, zaplatíme, vyvádzeme, položéme*, Mac32-1488 *slibujemy, položomy, němámy*, Mac33-1490 *vyznávámy, jsmý, prodávámy, zapisujemy, vzdávámy, zavasujemy, slibujemy, dávámy, zaplatiemy, položímy/přířekáme*, Mac37-1492 *smy*. Иной, всего лишь единожды зафиксированной инновацией в глагольной системе является польская по происхождению форма сложного будущего времени с причастием на *-*ль*: Mac32-1488 *jakoš budu chtěli* (гибридный текст).

Таким образом, морфология идиома, функционировавшего в чешской деловой корреспонденции польского происхождения, также подвергалась довольно значительному воздействию польского языка. В ряде случаев арсенал флексий под воздействием польского языка пополнялся новыми единицами. Однако в первую очередь влияние родного говора писца проявлялось в перераспределении флексий. Основной причиной перераспределения флексий в системе имени являлись различия в склонении твердого и мягкого типов адъективалий в чешском и польском языках. Особое внимание следует обратить на гибридные флексии род. и дат. падежей адъективалий жен. рода. *paše, vaše*, свидетельствующие об автономности узуса исследуемого письменного идиома.

2.4.3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОЛОНИЗМЫ

Лексические полонизмы в подавляющем большинстве случаев отражаются в текстах гибридного характера: Mac32-1488 *dziršavce* (чеш. *nájeMace*, пол. *dzierzawca*), Mac33-1490 *přeciv* (чеш. *proti*, пол. *przeciwi*), Mac33-1490 *prvší* (чеш. *první, prvý*, пол. *pierwszy*), Mac34-1491 *nařeciv* (чеш. *naproti*, пол. *naprzeciwi*), Mac40-1499 *obroně* (чеш. *obrana*, пол. *obrona*); Mac35-1491 *nařecivko* (чеш. *naproti*, пол. *naprzeciwko*), Mac35-1491 *kniežacia* (чеш. им. п. *kníže*, род. п. *knížete*,

пол. им. п. książę, род. п. księcia), Mac36-1491 vespulek (чеш. vespolek, древнепол. wespólek), Mac37-1495 řiadce (чеш. správce, пол. rządcą). Примечательно появление формы, возникшей, судя по всему, как результат гибридизации: Mac32-1488 manlžence (чеш. manželka, пол. małżonka), Среди иных текстов обнаруживаются следующие полонизмы: Mac14-1455 monety českej a lidžby polskej (пол. liczba), Mac60-1532 stryk (совр. пол. литер. stryj, однако Брюкнер приводит и семантически производное stryk ‘бродяга’ [Brückner 1927: 527]), Mac65-1540 rozmnažat (чеш. rozmnožovat, пол. rozmnażać).

Кроме того, фиксируются лексемы не вполне ясного происхождения Mac61-1532 vtoreho, Mac34-1491 svedarstvo.

2.5. Выводы

Все исследованные грамоты, происходящие с территории Польши, имеют своей основой чешский литературный язык, так или иначе видоизмененный под влиянием польского языка. Континуальность развития чешского языка в польских документах проявляется в достаточно последовательной передаче характерных для чешского языка рефлексов и, в свою очередь, непоследовательного проникновения в тексты полонизмов. Ряд характерных для чешского языка явлений в грамотах вообще не имеет вариантов реализации, обусловленных влиянием польской среды. Так, в частности, в текстах не отражено характерное для польского языка взрывное *g*: повсеместно, даже в наиболее полонизированных текстах, представлено чешское фарингальное *h*: Mac23-1473 uherských, Mac32-1488 mohutného, Mac33-1490 nahoře, Mac34-1491 ohražujem, Mac35-1491 ohradzujemu и т.д. Кроме того, в грамотах отсутствуют примеры отражения типичного для малопольских говоров процесса мазурения (замены ряда отвердевших шипящих *š*, *ž*, *č* твердыми свистящими *s*, *z*, *c* (см. [Тихомирова 2005: 349])¹¹.

¹¹ Процесс мазурения, свойственный малопольским говорам, никогда не отражался в польском литературном языке [Ананьева 2009: 32]. Кроме того, необходимо отметить, что особенности чешской (а также польской) графики рассматриваемого периода, в частности, передача шипящих диграфами *si*, *zi*, *ci*, встречающаяся в ряде текстов (ср. [Pogák 1983: 21; Ананьева 2009: 32]), в большинстве случаев не позволяют сделать однозначного вывода об отражении в текстах мазурения. Тем не менее полное отсутствие в грамотах фиксаций данного типично малопольского фонетического процесса представляется показательным.

Ряд иных явлений, отделяющих польский диалектный континуум от чешского языка (рефлексы **tort, tolt* как *trot, tlot*, носовые гласные, диспалатализация **e*>'*o*, **ě*>'*a*, сохранение палатализации губных и зубных в ряде позиций, рефлекс **dj*>*z* без упрощения в *z*), хотя и представлены в текстах, но, однако, реализуются единичными примерами. В большинстве случаев в малопольских текстах представлены чешские по происхождению корреляты указанных выше рефлексов.

Создатели грамот в большинстве случаев в целом верно передают особенности чешской фонетики и морфологии, отступления от обычных для чешских памятников реализаций того или иного рефлекса представлены непоследовательно. Свидетельством неосознанного характера отступления от норм чешского литературного языка является, в первую очередь, характер распределения в текстах вариантов реализации рефлексов, характеризовавших на рубеже XV–XVI вв. памятники чешской письменности (архаически-региональная вариантность): *šč*>*št'*, *aj*>*ej*, *ó*>*uo*>*ú*, а также вариантности флексий *é/ej* род., дат. и мест. падежей адъективалий жен. рода.

Исследование соотношения вариантов и динамики закрепления в текстах вариантов-инноваций приводит нас к выводу о том, что даже в том случае, когда сохранение в тексте первичной древнечешской реализации рефлекса (*šč*, *aj*, *ó*, флексии *-ej* в дат. и мест. падежах адъективалий жен. рода) поддерживалось ситуацией в польском языке, вариант, соответствующий польской модели, в текстах, как правило, не преобладал. Время закрепления в текстах чешских инноваций (*št'*, *ej*, *uo*) в целом соответствует узусу собственно чешских памятников. Подобное положение может быть сопоставлено с выводом К.В. Лифанова о специфике отражения вариантов в памятниках духовной литературы словацких католиков: «дублеты, имевшие параллели в словацком языке в целом или отдельных словацких диалектах, в конкуренции с другими формами в языке духовной литературы словацких католиков не побеждали» [Лифанов 2001: 56]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с исторической, а не архаически-региональной вариантностью, что свидетельствует о континуальности развития чешского литературного языка на территории Польши, а также об отсутствии у писцов осознанного стремления к полонизации языка текстов.

Отдельного внимания в связи с вопросом о специфике узуса исследованных текстов заслуживает вопрос об отражении в грамотах чешских фонетических инноваций XV в., ставших впоследствии характерными особенностями обиходно-разговорного чешского языка. Согласно Я. Пораку, их появление в памятниках XV–XVI вв. маркирует «свободный литературный узус» того или иного текста и может рассматриваться как свидетельство формирования разговорного варианта чешского литературного языка [Porák 1983: 114, 130, 138, 151]. Важность установления наличия/отсутствия указанных явлений в текстах и определения степени их распространенности связана с тем, что их наличие будет достаточно ярко свидетельствовать о сохранении связи регионального варианта чешского литературного языка с языком-основой. В ходе нашего исследования было установлено, что указанные явления (протетическое *v-*, сужение *ě>í*, дифтонгизация *ú>ou*) начинают более или менее систематически встречаться в текстах польского происхождения с 20-х гг. XVI в., что соответствует динамике проникновения данных центрально-чешских инноваций в собственно чешские письменные памятники. Мы полагаем, что непоследовательность и необязательность присутствия этих инноваций в памятниках чешской письменности XV–XVI вв., а также опора на родной польский язык, не переживший подобных изменений, давали польскому писцу возможность избежать их передачи в текстах, создававшихся за пределами этнической территории распространения чешского языка. Вместе с тем некоторые черты «свободного литературного узуса» представлены в текстах в достаточной мере. Исходя из этого, мы склонны предполагать факт намеренного маркирования писцом «чешского характера» текста — притом, что в его составе также могут обнаруживаться яркие полонизмы.

Вместе с тем чешский язык, употреблявшийся в польской деловой письменности, естественно, не оставался неизменным. В текстах грамот мы встречаемся с разнообразными полонизмами, проявляющимися как на фонетическом, так и, что особенно важно, на морфологическом уровнях, который, как известно, менее проницаем в ситуациях контакта двух языков [Thomason, Kaufman 1988: 66].

В целом тексты польского происхождения характеризует некоторая склонность к перегрузке системы: в грамотах польского происхождения отражаются как черты «свободного литературного узуса» чешского литературного языка XV в., так и новые фонемы и флексии польского происхождения, возникающие под воздействием родного языка писцов.

В исследованных текстах полонизмы представлены достаточно непоследовательно, и большинство их фиксируется в небольшом количестве гибридных текстов 1473–1492 гг. По нашему мнению, непоследовательное проникновение разнообразных полонизмов в основной массив текстов может быть объяснено тем, что создатель той или иной грамоты владел чешским литературным языком в недостаточной степени и вынужденно прибегал к ресурсам родного польского языка. Таким образом, наличие в текстах черт, в достаточной степени видоизменявших систему чешского литературного языка, вряд ли может быть объяснено осознанной полонизацией языка грамот.

Большое разнообразие гетерогенных элементов, нерегулярность отражения в текстах одного и того же изменения, а также наличие особой гибридной группы текстов, где полонизмы отражаются последовательнее, чем в иных случаях, свидетельствуют о нестабильности узуса исследованных грамот польского происхождения. Достаточно пестрый языковой облик грамот гибридной группы отражает потенциал видоизменения чешской языковой основы на польской территории: разнообразие гетерогенных элементов и вариантных реализаций рефлексов приводит в них к значительной перегрузке, и, следовательно, нестабильности системы.

В хронологической перспективе в текстах не проявляется ни стремления к большей полонизации, ни попытки возвращения к чешской литературной норме предшествующего периода (до проведения фонетических инноваций XV в.).

Эти выводы, в свою очередь, наводят на мысль об изначальном восприятии чешского литературного языка на территории Польши как чужого (хоть и генетически близкородственного) языка, временно играющего роль языка деловой корреспонденции между определенными адресатами исходя из соображений практического

удобства. Вместе с тем недостаточная степень владения чешским литературным языком, обусловленная, по-видимому, как восприятием его в качестве временного и функционально ограниченного средства коммуникации, так и значительной дистанцией между реализацией рефлексов в говорах двух языков, приводила к нестабильности письменного узуса чешского литературного языка в текстах, создававшихся поляками. Высокая степень нестабильности письменного узуса и осложнение системы чешского литературного языка различными элементами гетерогенного происхождения, приводившее к ее перегрузке и меньшей устойчивости, наряду с внелингвистическими факторами определило дальнейшую судьбу чешского языка в Польше. Постепенно он сдает свои позиции и к концу XVI в. окончательно уступает место польскому литературному языку, путь которого во все разнообразие жанров письменности был облегчен достаточно долговременным использованием в текстах, создававшихся на территории Польши, близкородственного чешского литературного языка.

Глава 3

Чешский литературный язык в деловой письменности Верхней Силезии (2-я пол. XV – XVII в.)

3.1. СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ СИЛЕЗИИ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Реконструкция культурно-языковой карты Силезии — исторической области в верхнем и среднем течении реки Одры, лежащей на границе польской и чешской этнических территорий, представляет собой исключительно трудную задачу. Это связано, во-первых, с давней мультиэтничностью данной исторической области, и, во-вторых, с непростой политической историей силезских земель, которые никогда не составляли единого политического образования, государства в полном смысле этого слова [Žáček 2005: 9–10]. Политическая раздробленность Силезии обусловила пестроту культурно-языковой истории этого региона, состоявшего из многих княжеств, в разное время входивших в состав различных государственных образований, существовавших на территории современной Германии, Польши и Чехии. Проблема этнического и культурного самосознания в Силезии всегда стояла достаточно остро, что отражалось как в политическом, так и в общегуманитарном дискурсе, а также приводило к этническим и культурным конфликтам [Pallas 1970: 9–73]. В связи с этим проблема культурной и языковой идентичности в Силезии остается одной из наиболее активно разрабатываемых областей в современной полонистике и богемистике, о чем свидетельствует традиционно большое количество посвященных этой теме научных публикаций и квалификационных работ (ср. лишь некоторые [Mazur 1969; Hannan 1996, Siwek, Kanok 2000; Žuk 2011; Cymorek 2012]).

Напомним основные вехи истории силезских земель. Согласно т.н. Баварскому географу (1-я пол. IX в.), с IX в. на территории Силезии существовали княжества различных славянских племен — дзядошан, бобжан, слензан, ополян и др. С X в. Силезия входит в состав формирующегося польского государства, в XI в. становится удельным княжеством в составе польских коронных земель. В XII–XIII вв. на территории Силезии существуют многочисленные княжества, которые со второй половины XIII в. начинают испытывать прямое политическое, юридическое, культурное влияние со стороны Чешского королевства, а в XIV в. становятся частью земель Чешской короны. Вместе с Чехией вся Силезия, за исключением Северского, Освенцимского и Заторского княжеств, которые были воссоединены с Польшей в конце XV в., в 1526 г. входит в состав империи Габсбургов. В середине XVIII в. в ходе «войн за австрийское наследство» (1740–1742) большая часть Силезии была захвачена у Австрии Пруссией, и с 1742 г. в составе австрийских владений Габсбургов остаются лишь южные верхнесилезские княжества (Опавское, Тешинское), территории которых в 1918 г. после распада Габсбургской империи входят в состав Чехословакии, а с 1993 г. — Чехии. В свою очередь, большая часть Силезии с 1742 г. становится частью немецких земель, что приводит к значительному усилению начавшегося еще в Средневековье процесса германизации. В 1922 г. земли Верхней Силезии входят в состав Польской Республики (1918–1939), а после захвата Польши нацистской Германией вся Силезия оказывается в составе последней. По решению Потсдамской конференции 1945 г. территории Верхней и Нижней Силезии были возвращены Польше [СИЭ 1969: 863; Žáček 2005: 39, 55–63].

В силу географической близости силезские земли уже в древнейший период попали под сильное воздействие чешской культуры. Археологические находки подтверждают значительное чешское влияние как в Верхней, так и в Нижней Силезии уже в X в. О нем же свидетельствует большое количество чешских имен в древнейших дошедших до нас силезских некрологах [Nehring 1876: 63]. Несмотря на то, что первые записи на чешском языке в Силезии датируются еще XIII в., чешское языковое присутствие в Силезии, судя по всему, в полной мере начинает ощущаться лишь с середи-

ны XV в. [Первольф 1893: 224, Malicki 2007: 307]. Первая сохранившаяся грамота на чешском языке, происходящая из Тешинского княжества, относится к 1434 г. [Małyśz 2009: 16]. Уже в данный период чешский литературный язык обладал высоким культурным статусом, что открывало ему дорогу не только в проповеди и духовные песни, бытовавшие в Силезии [Malicki 2007: 307], но также в область собственно литературного творчества, где могла происходить гибридизация двух кодов. В свое время Р. Якобсон обратил внимание на интереснейший силезский памятник начала XV в. — «Срамную кантилену Микулаша из Козли» (*Cantilena Inhonesta*), в гибридном языке которого (пол. «*gmatwanina dwujęzykowa*», «*mieszanina polskiego i czeskiego*») исследователь увидел симбиоз чешского литературного языка и местных говоров, обусловленный осознанным стремлением следовать ряду норм чешского литературного языка — язык, направленный «*ad usum bohemicum*», подражающий считавшемуся более аристократичным чешскому произношению в польских устах. Согласно Якобсону, от попыток овладения чешским языком, более или менее удачных, но так или иначе направленных на приближение чешского литературного языка широким слоям населения, проживавшего за пределами Чехии, произошел естественный переход к попыткам сознательно неполного подражания чешскому образцу, попыткам формирования местного варианта культурного языка. В качестве свидетельств таких попыток Якобсон рассматривает язык многочисленных переводов, сделанных в Силезии в конце XIV–XV вв.: «...целью силезско-польских писателей было как раз гибридное языковое образование, [...] систематическое стремление к сочетанию польских и чешских элементов». Отмечается, что такого рода гибридный язык встречается и в иных образцах польской лирики XV–XVI вв., а уподобление польского произношения чешскому у людей, знакомых с чешским языком, встречается в некоторых приграничных польских говорах [Jakobson 1935: 72–73].

Естественно, что чешский язык начал свое продвижение на северо-восток с Верхней Силезии, в меньшей степени, нежели Нижняя Силезия, подавшейся германизации. Проводниками чешского литературного языка на восток, судя по всему, стали Керновское

и Оповское княжества, где он получает официальный статус уже в 30-х гг. XV в. Со временем чешский литературный язык наряду с немецким начинает употребляться в адресованных в Силезию грамотах чешских королей, в переписке князей, шляхты, духовенства и даже некоторых силезских городов, а также в судопроизводстве. В Северском, Освенцимском и Заторском княжествах чешский язык употреблялся в судебном делопроизводстве и после присоединения их к Польше в конце XV в. Даже после поражения чешских сословий в битве на Белой Горе в 1620 г., когда в Чехии и Моравии чешский язык на волне рекатолизации и германизации постепенно вытеснялся из делопроизводства немецким языком, в Силезии он продолжал обслуживать сферу официально-деловой письменности вплоть до первой половины XVIII в. [Первольф 1874: 189–193].

Итак, в XVI в. чешский язык занимает место единственного официального языка Верхней Силезии, что закрепляется в ряде официальных документов. В Тешинском княжестве статус официального языка (пол. *język oficjalny*) чешский получил после присоединения тешинских земель к землям Чешской короны после 1439 года, а в 1573 г. чешский был объявлен князем Вацлавом Адамом официальным языком делопроизводства (пол. *język urzędowy*) [Greń 2000: 97]. Как замечает по поводу языковой ситуации в тешинских землях польский историк Б. Полочкова, «необходимо признать, что основным, повсеместно применявшимся — как в княжеской канцелярии, так и в городах и в деревнях — письменным языком до конца XVIII в. был чешский язык» [Poloczkowa 2003: 39]¹².

Практика создания официальной документации в Тешинском княжестве вплоть до конца XVIII в. отражала существующие реалии многоязычного латинско-чешско-немецкого пространства земель Чешской короны [Kubok 2011: 72]. Так, в деловой письменности Тешинского княжества на протяжении XIII–XVII вв. использовались различные языки — латинский, немецкий, чешский и в некоторой степени также польский язык. Как отмечает Б. Полочкова, исполь-

¹² Долговременное сосуществование на территории Верхней Силезии различных языковых кодов, выполнявших различные функции, приводило к их взаимным контактам, что, в свою очередь, отражалось на характере местных диалектов, проблема смешанного характера которых неоднократно обсуждалась как в богемистике, так и в полонистике. Ср. [Dejna 1955; Bélić 1975].

зование в силезской деловой корреспонденции XV–XVII вв. того или иного языка в целом никак не санкционировалось и зависело лишь от языковой компетенции адресата, адресанта и писца грамоты (в том случае, если адресант и писец грамоты не являлись одним лицом, как, например, в случае князя Фридриха Казимира, создававшего грамоты собственноручно [Jeř 2007: 130]). Писцы княжеской канцелярии были способны создавать грамоты на всех четырех языках, а также по необходимости осуществлять переводы с одного на другой язык [Poloczkowa 2003: 35–37]. Впрочем, в отношении чешского и польского это вряд ли требовалось — известны случаи, когда княжеская канцелярия отправляла адресату грамоту на чешском, а ответ получала на польском [Greń 2008: 253]. Однако подобное языковое разнообразие характеризовало лишь язык княжеской канцелярии, в то время как на более низких ступенях социальной иерархии грамоты создавались преимущественно по-чешски, причем с привнесением значительного количества полонизмов [Poloczkowa 2003: 36]. Очевидно, что из-под пера человека, хотя и находившегося в контакте с чешским языком как с языком администрации, однако в обиходе использовавшего свой местный силезский говор, не мог выйти чистый с точки зрения чешского узуса текст. По мысли Я. Малицкого, чешский литературный язык в Силезии благодаря высокому уровню своего развития, сознательному использованию в функции официального, «государственного» языка (а также, добавим, относительной близости к местным говорам) становился *контактным* языком, обеспечивавшим успешную коммуникацию в сфере общественной жизни, чем поддерживался его высокий статус в глазах местного населения, постоянно находившегося в контакте с этим престижным кодом и прекрасно осознававшего его структурные и функциональные отличия от местного диалекта [Malicki 2007: 308].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о характере силезских говоров, непосредственно связанный со спецификой культурной истории столь мультиэтничной области, как Силезия. В свое время классик чешской диалектологии Я. Белич справедливо указал на то, что вопрос о границах польского и чешского диалектных континуумов в тешинской области непосредственно связан с про-

блемой этнического самосознания местного населения, поскольку зачастую в силезских говорах большинство изоглосс польского и чешского типа наслаивается друг на друга. В своем «Очерке чешской диалектологии» Я. Белич однозначно характеризует диалекты, область распространения которых приблизительно совпадает с границами бывшего Тешинского княжества, как «говоры польско-чешского переходного пояса» [Bělič 1972: карта № 1]. В свою очередь, этническое самосознание современного типа, довольно четко разделившее силезское население по национальному признаку, по-видимому, сформировалось не ранее чем в последних десятилетиях XVIII в., в эпоху формирования национальных литературных языков современного типа — польского и чешского. Осознание связи между собственным говором и польским либо чешским литературным языком в ту эпоху становилось сильнейшим фактором этнического самосознания [Bělič 1975]. Таким образом, характеризовать говоры, распространенные в XV–XVII вв. на территории Верхней Силезии, как говоры польского либо чешского языка, не представляется возможным. В связи с этим в данной работе будут использоваться обозначения «местный силезский диалект», «местные силезские говоры», «ляшский диалект», «ляшские говоры», без их отнесения к диалектному континууму чешского либо польского языков.

Каким же был родной язык образованных слоев силезского населения, группировавшихся вокруг княжеского двора, тех людей, которые могли назвать себя полномочными представителями Чешской короны в Силезии? Вопрос о стандарте устной формы языка образованных слоев населения Тешинского княжества также остается открытым [Kubok 2011: 75–76]. На протяжении трех с половиной веков (1290–1653) эти земли управлялись представителями польской династии Пястов, еще со второй половины XIV в. вступившей в тесные политические контакты с чешскими землями и Чешской короной [Žáček 2005: 54, 93–94; Kubok 2011: 62]. Пясты в той или иной мере владели несколькими языками либо даже были билингвильны [Jež 2007: 130]. Так, польская исследовательница Б. Кубок предполагает, что для первых Пястов «силезский вариант польского языка» (местный силезский диалект) был первичным ко-

дом (пол. *język rymarny*), в то время как для последних Пястов (конец XVI — первая половина XVII в.) этот идиом становится кодом вторичным (пол. *język sekundarny*), а место первичного языка занимают другие идиомы [Kubok 2011: 64]. В зависимости от воспитания и личной судьбы отдельных представителей династии Пястов это мог быть чешский либо немецкий язык. По-видимому, аналогичным образом дело обстояло и с языковой компетенцией представителей шляхты, многие из которых постоянно контактировали с чешскими и немецкими феодалами, очень часто будучи с ними связанными семейными узами.

В какой мере описанная ситуация влияла на языковой облик документов, создававшихся в Тешинском княжестве на чешском литературном языке, и каким образом местное население воспринимало язык администрации (чешский) — вопросы, которые только предстоит разрешить. Вопрос о роли и функции чешского литературного языка в Силезии ставился в славистике неоднократно [Rospond 1962, 1975; Dziewulski 1974; Greń 2000; Malicki 2006, 2009, Kubok 2011]. Несмотря на значительное число работ о силезской письменности, среди которых присутствуют и монографические исследования, языковой облик документов силезского происхождения до сегодняшнего дня систематически не сопоставлялся с узусом текстов на чешском литературном языке, происходящих из иных регионов. Подавляющее большинство работ, посвященных языковой ситуации в Силезии в исторической перспективе, создавалось и создается польскими исследователями, которых закономерным образом интересует в первую очередь история польского языка. В связи с этим ранее преимущественно исследовались польские тексты силезского происхождения, число которых до XVIII в. очень невелико (ср. в этой связи хотя бы [Małysz 2009]). При характеристике языковой ситуации в Силезии польские лингвисты упоминают и о чешском языковом присутствии в данном регионе, однако в отношении особенностей чешских текстов, естественно, ограничиваются лишь отдельными замечаниями либо самыми общими наблюдениями (ср. [Poloczkowa 2003: 35–44; Machej 2004: 99–102]).

В свою очередь, как уже отмечалось во введении к данной работе, богемистику проблематика регионализма в истории чешско-

го литературного языка традиционно интересует лишь в очень незначительной мере. Как справедливо замечает польский лингвист Я. Малицкий, исследование связей между формированием национального чешского языка и историей чешского языка в отдельных регионах либо историей иных языков на территории чешского государства до сих пор не получило достойного места в чешском историческом языкознании [Malicki 2007: 295]. В рамках богемистики как таковой мы располагаем лишь небольшим количеством работ, посвященных исследованию следов чешского языкового присутствия в Силезии. Среди них необходимо отметить обзорный труд А. Кнопа, А. Лампрехта и Л. Палласа «История чешского языка в Силезии и остравском регионе» [Кноп, Lamprecht, Pallas 1967], а также монографию А. Кнопа «Литературный чешский язык в Силезии в XVI веке» — уникальный опыт систематического описания языка целого корпуса силезских памятников [Кноп 1965].

На основании проведенного исследования А. Кноп утверждает, что уровень практического владения чешским литературным языком в Силезии был достаточно высок, что проявилось в том, что диалектизмы представлены в силезских текстах в малой мере и достаточно непоследовательно. По наблюдениям автора, чешский язык в Силезии представлял собой стабильное языковое образование (чеш. *ustálený jazykový útvar*), в общих чертах соответствующее нормам и законам развития чешского литературного языка, употреблявшегося в соответствующую эпоху в Чехии и Моравии. С другой стороны, различия между системами литературного наддиалектного языка и местных силезских диалектов приводило к формированию особой «разговорной формы», «разговорного стиля» (чеш. *mluvená forma, hovorový styl*), эквивалентной разговорному языку, формировавшемуся в ту эпоху в чешских и моравских землях — языку, на котором общались священники, учителя, писцы, дворяне и образованные горожане. Согласно А. Кнопу, разговорный стиль чешского литературного языка в Силезии заимствовал из системы литературного языка некоторые сниженные, разговорные варианты, соединяя их с чертами местных диалектов — так, в частности, в нем представлен ряд явлений диалектного происхождения (краткость гласных, ударение на предпоследнем слоге,

некоторые отступления в области морфологии имени) [Кноп 1965: 137, 142–143]. Интересен генезис идей А. Кнопа о разговорном стиле литературного языка в Силезии. Судя по всему, он опирается на идеи Б. Гавранека, высказанные в 1955 г.: «по моему мнению [...] чешский литературный язык, использовавшийся на польской территории [...] приобретал определенный локальный характер, и этот полонизированный (чеш. *polsky zabarvený*) культурный чешский язык, в свою очередь, оказывал влияние на всю территорию ляшского диалекта. Этот литературный чешский язык, звучавший на польской территории иначе, не имел, в частности, долгот. Люди, говорившие на ляшской территории на этом необычном чешском языке не были оторваны от чешской целостности, напротив, они со своей стороны отождествляли себя как носителей чешского языка, хотя при этом подвергались влиянию того самого полонизированного чешского языка» [Havránek 1955: 155].

Мысль, высказанная А. Кнопом, представляется интересной и плодотворной. Вместе с тем вопрос о существовании «полонизированного чешского языка» и о его статусе в Силезии не может быть разрешен при отсутствии исследований, которые, основываясь на результатах анализа репрезентативного корпуса источников, выявили бы наличие систематических отличий текстов силезского происхождения от текстов, создававшихся на чешском языке в пределах его этнической территории, либо доказали бы общность письменной традиции на территории Силезии и в чешских землях.

В данной главе мы ставим перед собой задачу исследовать языковой облик доступных нам грамот на чешском литературном языке, вышедших из канцелярии Пястов, а также созданных представителями крупной силезской аристократии в XV–XVII вв. (1483–1692). Источником нашего исследования являются грамоты, опубликованные в [Kniezsa 1952], [Macurek 1958] и [Macurek 1969] (соответственно, шифры Кп, Мс и Мср). Номер после шифра соответствует номеру грамоты в указанном издании. Кроме того, к исследованию были привлечены различные грамоты верхнесилезского происхождения, в разное время опубликованные в альманахе «Паметник чешински» (шифр РТ) [Gojniczek 1993; Panic 2002].

Исследованные 82 грамоты хронологически распадаются на две группы: первую составляют 12 грамот верхнесилезского происхождения, относящихся к 1447–1541 гг. Эта группа весьма разнообразна по месту создания грамот, созданных по большей части в небольших населенных пунктах Верхней Силезии. Подавляющее большинство исследованных грамот составляет вторую группу, включающую грамоты 1569–1692 гг., созданные по большей части в Тешинском княжестве, зачастую в самом г. Тешине.

В связи с отсутствием среди доступных нам текстов грамот, созданных в период с 1542 по 1569 г., не представляется возможным проследить постепенное видоизменение узуса силезской деловой корреспонденции на чешском языке. С другой стороны, наличие своеобразного зазора в хронологической последовательности грамот делает еще более наглядными изменения, произошедшие в их языковом облике.

Анализ языка грамот верхнесилезского происхождения в дальнейшем производится в той же последовательности, что и в предшествующей главе. Нас интересует, по-первых, специфика отражения в текстах вариантов, присутствовавших в чешском литературном узусе соответствующей эпохи, во-вторых, мера присутствия в них особенностей «свободного литературного узуса» (центральночешских инноваций) и время их проникновения в тексты, в-третьих, наличие в них отступлений от норм чешского литературного языка XV–XVII вв., прямо либо косвенно обусловленных воздействием местных силезских говоров.

3.2. АРХАИЧЕСКИ-РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В ГРАМОТАХ ВЕРХНЕСИЛЕЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

3.2.1. Диссимиляция $\check{s}\check{c} > \check{s}\check{t}'$

Ляшский диалект чешского языка, подобно восточно-моравскому и центральноморавскому диалектам, а также диалектам польского языка, сохраняет без изменения сочетание $\check{s}\check{c}$, которое в собственно чешских диалектах, включая диалект Центральной Чехии, легший в основу древнечешского литературного языка, в XIV–XV вв. подверглось диссимиляции $\check{s}\check{c} > \check{s}\check{t}'$ [Bělič 1972: 287; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 124].

Исследованные тексты силезского происхождения в отношении реализации рефлекса *šč/šť* дают следующую картину. В грамотах XV — 1-й пол. XVI в. обнаруживается всего несколько случаев реализации этого рефлекса, однако в них чаще отражается старший вариант (*šč* — 3 примера, *šť* — 1 пример): PT-1447 *gesscze*, Kn25-1483 *rybnissczamy*, Kn58-1515 *propussczemy*; PT-1457 *zwlasstie*. Примечательно, что в совпадающих по времени создания текстах малопольского происхождения значительно преобладает инновация *šť*, в то время как тексты силезского происхождения 1480–1541 гг. отражают чешскую инновацию лишь единожды.

В текстах 1541–1692 гг. мы наблюдаем значительную вариантность в отражении указанного рефлекса, которая присутствует не только в текстах грамот, созданных в одну эпоху, но и в тексте одной грамоты: Mc107-1582 *zvláště/neboščíku*, Mc132-1592 *šť'astného/puščeno*, Mc194-1615 *zvláště/zvlášč*, Mcr8-1622 *zvláště/ješče*, měšče-nín, Mcr54-1630 *zvláště/zvlášč*, Mcr60-1632 *dopuštěn/zvlášč*, Mc163-1654 *žilinščí, nespuščejíce/zvláště*. Вместе с тем количественно преобладает чешская инновация (*šč* — 21, *šť* — 37 примеров).

Учитывая тот факт, что в чешском письменном узусе уже в XVI в. явно преобладает инновация *šť* [Komárek 1962: 140], мы можем говорить о наличии в текстах верхнесилезского происхождения 2-й половины XVI — XVII в. архаически-региональной вариантности *šč/šť*. Вместе с тем старший вариант, поддерживаемый местным говором, в текстах отражается реже, нежели чешская инновация, что свидетельствует о стремлении создателей грамот следовать современному им чешскому литературному узусу.

3.2.2. РЕГРЕССИВНАЯ ПЕРЕГЛАСОВКА *aj>ej*

Относительно данного рефлекса в текстах обнаруживается схожая картина. В грамотах, созданных до середины 20-х гг. XVI в., представлен исключительно старший вариант реализации рефлекса *aj*, совпадающий с реализацией рефлекса в силезских говорах и в польском языке [Bělič 1972: 287] (*aj* — 7, *ej* — 0 примеров): Kn25-1483 *naulepe*, *naupodobniegi*, Kn34-1496 *naulepe*, Kn58-1515 *nauwysy*, Kn61-1517 *nauiasniegssieho*, Kn66-1519 *nauwysseho*, Kn71-1523 *nauwissy*. Отсутствуют даже единичные примеры отражения инно-

вазии (как, например, в грамотах малопольского происхождения, где в отдельных случаях уже в первом десятилетии XVI в. фиксируется *ej*). Здесь, как и в случае с отражением консонантного сочетания *šc*, мы склонны видеть консервацию старшего варианта реализации рефлекса под воздействием местного диалекта.

Во второй группе грамот (вторая половина XVI — XVII в.) рефлекс, напротив, за редкими исключениями фиксируется в виде чешской инновации (*aj* — 2, *ej* — 22): Mc66-1569 na prode*j*, Mc127-1591 nejmilostivějš*í*, Mc194-1615 nejvyššému, Mcr19-1623 te*j*na, Mcr54-1630 nejmilejš*ím*, Mcr98-1639 nejdě*le*, Mcr169-1661 nejmilostivějš*í*ho, nejvěrnějš*í*, Mcr205-1680 nejvyšš*í*ho. Грамоты с вариантной реализацией практически отсутствуют, что полностью соответствует ситуации в собственно чешских памятниках — фонетический процесс перегласовки *aj*>*ej*, проходивший в чешском языке XV–XVI вв., начинает последовательно отражаться в текстах к XVII в. [Komárek 1960: 175]. Таким образом, в данном пункте грамоты силезского происхождения второй половины XVI — XVII в. полностью соответствуют чешскому письменному узусу XVI–XVII вв.

3.2.3. РЕФЛЕКСЫ ДОЛГОГО *ó*>*uo*>*ú* (*û*) В ОСНОВЕ

Грамоты силезского происхождения XV — 1 пол. XVI в. при отражении реализаций данного рефлекса характеризуются вариантно-стью — приблизительно в равной степени представлен и монофтонг *ó* (*o*), и дифтонг *uo* (*ó* — 7, *uo* — 8 примеров). Новый монофтонг *ú* обнаружен в текстах первого периода лишь единожды. Вероятно, старшая реализация рефлекса, которая, согласно Я. Пораку, в XV–XVI вв., хотя и несистематически, встречалась в чешских текстах [Porák 1983: 60], в данном случае была поддержана ситуацией в местных силезских говорах.

Тексты второй группы по преимуществу отражают чешскую инновацию — новый монофтонг *ú* (графически *û*), который, согласно наблюдениям Я. Порака, в чешских памятниках начинает конкурировать с дифтонгом как раз со второй половины XVI в. [Porák 1983: 59, 63–64]. В эту эпоху вариант *ó* представлен в текстах в очень незначительной мере (4 примера): Mc84-1577 mo*u*, Mc144-1597 zrost*í*, Mc110-1641 nemož*e*me, Mc130-1645 nemož*e*. Вероятно, дан-

ные примеры из текстов 2-й половины XVI — XVII в. уже не могут быть интерпретированы как отражение самого старшего варианта реализации данного рефлекса. Я. Порак, фиксируя в своей работе подобные написания, предлагает искать их причину в аналогии (mohu — može) либо в различиях в долготе гласного между диалектами и литературным языком (zostáviti — zostáviti) [Porák 1983: 60]. В любом случае, незначительное количество подобных написаний не позволяет признать их характерной чертой силезских текстов несмотря на то, что для грамот чешского происхождения XVII в. подобные формы уже не характерны.

Принципиальный интерес в случае группы поздних текстов 2-й половины XVI — XVII в. представляет рассмотрение соотношения вариантов *uo/ů* (22/38). Как видно из приведенной статистики, дифтонг все еще достаточно последовательно присутствует в них. Примечательно, что вариантность *uo/ů* сохраняется в поздних текстах, относящихся к XVII в. (*uo* — 15, *ů* — 24): Mcr9-1541 *pozuostal*, Mc115-1586 *pruotah*, Mc144-1597 *pozuostaval*, Mc205-1617 *muoj*, Mc61-1632 *svuoj*, Mc136-1646 *zuostávám*; Mc65-1569 *můžem*, Mc96-1580 *spůsobem*, Mc132-1592 *spůsobem*, Mc157-1606 *důvěrný, zůstávám*, Mc194-1615 *zrůsti, důvěrně*, Mcr14-1622 *vůbec*, Mcr52-1629 *můj*, Mcr62-1632 *vůle*, Mc76-1635 *pozůstavovati*, Mc136-1646 *spůsobem*, Mcr159-1653 *může*, Mcr205-1680 *důvěrně*.

Возникает вопрос, присутствует ли подобное соотношение старшего и младшего вариантов реализации рефлекса *ó* в текстах, создававшихся в соответствующий период на территории Чехии, либо в текстах верхнесилезского происхождения мы имеем дело с сохранением следов предшествующего состояния системы, которое поддерживалось ситуацией в силезских говорах, где в ряде позиций представлен дифтонг *uo* [Ананьева 2009: 85]. Работы по истории чешского языка не дают ответа на этот вопрос. Выборочный анализ доступных нам текстов чешского происхождения убеждает, что в чешских текстах второй половины XVI в. старший вариант *uo* еще присутствует, однако тексты XVII в. характеризует исключительно присутствие инновации (в скобках указан город, откуда происходит грамота):

2-я половина XVI в.	XVII в.
<p>Mc10-1541 (Pardubice) nemůže, vůle, Mc16-1545 (Praha) pozuostaná, puol druhého, puol druhého, Mc36-1557 (Jindřichův Hradec) pruochoď, svuoj, zuostati, Mc90-1578 (Lanškroun) svůj, chůzi, bůh Mc99-1581 (Hradec nad Labem) Buoh, Mc123-1589 (Broumov) muoj, vuole/zůstati, Mc143-1597 (Brno) puojčného, věřitelium</p>	<p>Mc161-1606 (Litomyšl) Bůh, Mc179-1610 (Brno) důvěmě, důležité, Mc208-1619 (Praha) nemůže, Mc222-1620 (Vysoké Mejto) zůstalé, důvěření, Mc41-1628 (Praha) zůstává, Mc44-1628 (Praha) můj, bůh, pozůstalého, Mc55-1629 (Prostějov) nemůžem, půjčené, Mc83-1636 (Sušice) způsob, nepozůstavujíc, Mc84-1636 (Jihlava) způsobem, nemůžeme, Mc123-1644 zůstalej, způsobem, bůh, Mc188-1675 (Brumov) zůstávám</p>

Следовательно, в текстах силезского происхождения в XVII в. мы встречаемся с архаически-региональной вариантностью при реализации рефлекса *uo>ú* (*û*), и данном случае мы можем говорить о консервации чешского литературного узуса в текстах из Силезии.

Рассматривая узус текстов малопольского происхождения, мы отмечали многочисленные случаи неэтимологического отражения дифтонга *uo* на месте краткого *o*. Подобные написания встречаются и в чешских памятниках, создававшихся на чешской этнической территории [Gebauer 1963: 245–246, 607; Komárek 1962: 119]. Мы находим их и в текстах силезского происхождения: PT-1457 buozie, puolskeho, Kn34-1496 huornu, buozieho, Kn54-1513 dulnie, suobie Kn58-1515 huornie, duolnie, yakuoz, protuoz, Kn66-1519 zbuozy, buozieho, Mc9-1541 buožie, Mc79-1575 duolní, Mc205-1617 všelikuo. Как отмечает Н.Е. Ананьева, подобная реализация краткого *o* известна ряду силезских говоров [Ананьева 2009: 85]. Примечательно, что в грамотах силезского происхождения насчитывается гораздо меньше случаев подобной дифтонгизации, что, по-видимому, свидетельствует о меньшей проницаемости чешского литературного языка, употреблявшегося на территории Силезии, для периферийных, маргинальных реализаций рефлексов.

3.2.4. РЕФЛЕКСЫ ДЛИННОГО $\acute{o} > uo > \acute{u}$ (\acute{u}) ВО ФЛЕКСИИ

РОД. П. МН. Ч. СУЩ. МУЖ. РОДА

Как указывалось в предшествующей главе, динамика проникновения в тексты инноваций *uo*, *ú* в основах и во флексиях в чешском литературном языке XV–XVI вв. различалась. Существовали различия и в отражении монофтонга/дифтонга между флексиями род. и дат. падежей.

Согласно Я. Пораку, в чешской письменности XV–XVI вв. существуют тексты, где довольно активно в род. п. употребляется флексия *-ov*, однако уже в древнейших чешских печатных памятниках и соответствующих им по времени рукописях представлен дифтонгизированный вариант окончания *-uov* (иногда с монофтонгизацией $uo > \acute{u}$). Тексты XV–XVI вв. характеризуются преобладанием флексий *-ouv/ův* (после 20-х гг. XVI в. — практически полным) [Pogák 1983: 62]. Ситуация в грамотах верхнесилезского происхождения в целом соответствует динамике чешского узуса. В данном случае мы имеем дело с совпадением тенденций развития чешского литературного языка и местного диалекта, поскольку общей чертой силезских говоров является генетивная флексия *-uv* в род. п. мн. ч. — как и в современном чешском литературном языке (*-ův*) [Bělič 1972: 283].

В грамотах XV — начала XVI в. полностью преобладает вариант *-ov* (*-ov* — 11 примеров, *-uov* — 1, *-ův* — 1): PT-1457 *czasow*, Kn34-1496 *darow*, *przedkow*, Kn48-1508 *zemyenow*, Kn54-1513 *erbow*, Kn58-1515 *zamkow*, Kn61-1517 *erbow*, Kn66-1519 *wozow*, *lesow*, *rokow*, Mc9-1541 *nákladov*. В грамотах второй половины XVI — XVII в. преобладают флексии *-ův/-ú* (16 примеров): Mc66-1569 *tolarů*, *herynků*, Mc79-1575 *bez odtahů*, Mc124-1589 *centnarův*, Mc157-1606 *předkův*, Mc194-1615 *z panů*, Mc221-1620 *stavův*, Mc40-1627 *od kupcův*, Mc54-1630 *dobytkův*, *předkův*, Mc98-1639 *tolarů*. Спорадически представлен дифтонг *uo* (3 примера): Mc130-1591 *panuov*, Mc139-1595 *sirotkuov*, Mc205-1617 *kuosuov*, а старший вариант *-ov* отсутствует вообще. Примечательно, что А. Кноп в своем исследовании вообще не обнаружил в силезских текстах XVI в. флексии *-ow* [Kноп 1965: 63–64].

3.2.5. РЕФЛЕКСЫ ДОЛГОГО $\acute{o} > uo > \acute{u}$ (\acute{u}) ВО ФЛЕКСИИ

ДАТ. П. МН. Ч. СУЩ. МУЖ. РОДА

В печатных текстах и рукописях XV — первой половины XVI в. в форме дат. п. у существительных муж. и ср. родов преобладала флексия *-om*, однако в последующий период в тексты начинает более активно проникать дифтонгизированный вариант *-uom*, довольно быстро, судя по всему, вытесненный вариантом с новым монофтонгом *-ŭm*. Появление флексии *-om* в текстах, созданных в конце XVI–XVII вв., рассматривается как диалектизм: Я. Порак отмечает сравнительную редкость появления этой флексии в указанный период даже в текстах, созданных на территории распространения говоров, где эта флексия сохранялась [Porák 1983: 61]. Материал исследованных грамот позволяет скорректировать тезис Я. Порака в отношении Силезии.

Флексия *-om* является обычной для исследованных текстов силезского происхождения как в XV — начале XVI в. (16 примеров), так и в последующий период вплоть до 30-х гг. XVII в. (7 примеров — при том, что в текстах данного периода представлено всего 9 форм существительных муж. и ср. род. в дат. п. мн. ч.): PT-1447 *potomkom*, Kn25-1483 *prodali...erbom u potomkom*, Kn34-1496 *dal...erbom a potomkom*, Kn48-1508 *herbom*, Kn54-1513 *potomkom*, Kn61-1517 *kralom*, Kn66-1519 *potomkom*, Mc86-1577 *kupcom*, Mc127-1591 *k...letom*, Mc139-1595 *sirotkom*, Mc103-1640 *našim valachom*, Mc62-1632 *sousedom*, Mc34-1626 *jiným dlužníkom*, Mc76-1635 *nám a předkom našim*. Дифтонгический вариант флексии *-uom* в верхнесилезских текстах вообще не фиксируется, вариант с новым монофтонгом *-ŭm* представлен в верхнесилезских грамотах всего лишь трижды:

Таким образом, в данном случае речь идет о специфической черте текстов силезского происхождения, проявляющейся в консервации предшествующего состояния системы, вероятно, под воздействием местного диалекта.

Согласно Я. Беличу, в современных силезских диалектах в дат. п. мн. ч. у сущ. муж. и ср. родов представлена флексия *-um*. Вместе с тем в говорах польского языка в XV–XVI вв. в этой форме уже господствовала флексия *-om*, которая проникала даже в парадигму

женского рода [Ананьева 2009: 156, 176–178]. Аналогичным образом диалекты восточной части Моравии, как правило, имеют флексию -om [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 143]. Исследованные А. Кнопом силезские рукописные тексты также очень часто отражают вариант -om [Кноп 1965: 33]. Данные факты позволяют высказать предположение о том, что в силезских говорах XV–XVII вв. также функционировала флексия -om, наличие которой поддерживало в рукописных текстах вариант -om, который к XVII в. практически полностью исчезает из памятников чешского литературного языка.

Таким образом, при отражении рефлекса долгого *ó* во флексиях генетива и датива мн. ч. создатели текстов 2-й пол. XVI — XVII в. из нескольких возможностей, присутствовавших в древнечешском языке, избирали вариант, в большей степени соответствующий родному силезскому говору.

3.2.6. ФЛЕКСИЯ РОД., ДАТ. И МЕСТ. П. АДЪЕКТИВАЛИЙ ЖЕН. РОДА

При анализе распределения вариантов реализации данного рефлекса мы прибегаем к методике, сформулированной в предыдущей главе: грамоты разбиваются на группы по характеру распределения вариантов флексий в формах род., дат. и мест. п. адъективалий жен. рода, и далее указывается количество грамот, которым свойственно то или иное распределение флексий в первом/втором периоде:

- 1) грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется флексия -é, в дат. и мест. п. — -ej (либо дат., мест. п. не фиксируются) — 4 грамоты/2 грамоты;
- 2) грамоты, в которых форма род. п. не фиксируется, но присутствуют формы дат. и мест. п. с -ej — 0 грамот/8 грамот;
- 3) грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется -é (либо форма род.п. не зафиксирована), в дат. и мест. п. — -é: 1 грамота/2 грамоты;
- 4) грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется -ej, в дат. и мест. п. — -ej (либо формы дат. и мест. п. не зафиксированы): 5 грамот/12 грамот;
- 5) грамоты, в которых в род. п. фиксируется -ej, в дат. либо мест. п. — -é. Подобное распределение флексий, не встречающееся в текстах малопольского происхождения, свидетельствует об искусственности узуса грамот, поскольку отражает ситуа-

цию, не встречающуюся в естественных языках (0 грамот/1 грамота);

6) вариантность в род. п. -ě/-ej: 0 грамот/9 грамот;

7) вариантность в дат., мест. п. -ě/-ej (0 грамот/2 грамоты).

В предыдущей главе мы отмечали, что наиболее репрезентативным соотношением флексий, указывающим на отражение в текстах инновации по образцу чешских диалектов, легших в основу чешского литературного языка, является ситуация, когда в форме род. п. адъективалий жен. рода фиксируется -ě (либо форма род. п. не зафиксирована), в дат. и мест. п. — -ě (3 группа). Как показано выше, к этой группе относится незначительное количество грамот.

Напротив, наиболее значительная часть текстов верхнесилезского происхождения (в общей сложности 17 грамот, 5/12), относится к группе, распределение флексий в которой свидетельствует об ориентации на местные силезские говоры, где, как и в польском языке, во всех трех падежах функционирует синкретическая флексия -ej (4 группа) [Bělič 1972: 170].

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с влиянием местного диалекта, причем это влияние сохраняется на всем протяжении исследуемого периода (как и в случае отражения флексии дат. п. суш. муж. и ср. родов -om) — в отличие от ситуации с реализацией рефлексов $\check{s}\check{c} > \check{s}\check{t}$, $a_j > e_j$.

Особое внимание обращает на себя ряд грамот, где флексия -ej в форме род. п. в составе одного словосочетания отражается у притяжательных либо указательных местоимений, однако отсутствует в сопутствующих формах прилагательных: Mc126-1590 jsme tej jisté naděje, Mc139-1595 tej naděje nepochybné, Mcr79-1575 jsme... tej jisté naděje¹³. Наличие в силезских текстах подобного соположения различных реализаций рефлекса, по нашему мнению, связано с сохранением вариантности реализации рефлекса на протяжении всего исследуемого периода и находит свое объяснение в том, что оба варианта реализации рефлекса в функциональном плане противопоставлялись нечетко.

¹³ Я. Белич пишет о наличии подобной линии развития (po kerí tej neděli и т.д.) на некоторых небольших по площади территориях чешского диалектного континуума, в частности, в северо-западночешских говорах [Bělič 1972: 179].

Воздействие местного говора также проявилось в присутствии флексии *-eĵ* у адъективалий мягкой разновидности (напр. *našeĵ, vašeĵ*), для которых основным вариантом флексии во всех трех падежах является *-í*. Согласно Я. Гебауэру, флексия адъективалий *-eĵ* после конечного мягкого согласного основы в чешских памятниках встречается очень редко [Gebauer 1896: 487–488]; в доступных нам текстах XVII в. с территории Чехии и Моравии подобные написания вообще не фиксируются. В свою очередь, в говорах Силезии у адъективалий мягкой разновидности и местоимений *náš, váš* в род., дат. и мест. падежах повсеместно фиксируется вариантность *-e/-eĵ* [Bělič 1972: 177]. Формы с флексией *-eĵ* присутствуют в исследованных текстах, пусть и в очень незначительной мере, что также может свидетельствовать об определенном воздействии на язык текста родного говора создателя грамоты: Kn58-1515 *peczetj swe podle nasseg...przitisknuly*, Mc72-1572 *pod správú vašej náleželo*, Mc62-1632 *našej milostivej*, Mc72-1635 *od strany našeĵ*, Mc169-1661 *od našeĵ strany*.

3.2.7. Дифтонгизация *ú>ou*

В грамотах XV — 1-й половины XVI в. преобладающим вариантом реализации данного рефлекса является монофтонг *ú* (15 примеров), что вполне понятно, т.к., согласно Я. Пораку, в памятниках чешской письменности дифтонг *ou* начинает постепенно завоевывать позиции только лишь с 20-х гг. XVI в. [Porák 1983: 69–70]: PT-1447 *čtuce, mohu* (форма 3 л. мн. ч.), Kn25-1483 *budu* (форма 3 л. мн. ч.), *gsu*, Kn31-1488 *spusstiely*, Kn34-1496 *sprawedlnosti kte-ruz ma*, Kn48-1508 *cztuczy*, Kn54-1513 *cztucze*, Kn58-1515 *cztucze*, Kn61-1517 *cztucze*, *dawame swu plnu...wuoly*, Kn66-1519 *cztucze, budoucyh*. Исключение здесь составляет древнейшая исследованная нами грамота 1447 г., где наряду с монофтонгом представлен и дифтонг: PT-1447 *gsau, w budaucech, budau rożywati* (3 примера). Отметим, что в текстах малопольского происхождения дифтонг начинает фиксироваться с 20-х гг. XVI в., однако в единственном случае мы также располагаем значительно более ранней фиксацией дифтонга (1474 г.).

В последующий период, начиная со второй половины XVI в., в тексты активно проникает инновация — дифтонг *oi*, однако этот вариант так и не становится преобладающим (*ú* — 83, *oi* — 66 примеров). В большинстве случаев в одном и том же тексте обнаруживаются обе реализации рефлекса, распределение которых, по-видимому, не подчиняется никаким закономерностям. Зачастую два различных варианта реализации рефлекса представлены в составе одного текста в одном и том же корне либо в одной и той же грамматической форме. Ср.: Mc126-1590 *súsedé/spolusoused*, Mc127-1591 *za paní Sarú Unverzagt kou*, Mc144-1597 *přijdouce/kladúc, dadúc*, Mc34-1626 *budúce/propadouce*, *za tú a nejinú příčinu/skerzevá takovou věc*, Mc57-1631 *čtouce/přijedúc*. Тексты, в которых отражался бы только один вариант реализации рефлекса *ú>ou*, немногочисленны.

Наблюдения Я. Порака над узусом рукописных текстов XVI–XVII вв. [Porák 1983:70], а также узус чешской и моравской деловой корреспонденции, привлекавшейся нами для сопоставления с силезским материалом, свидетельствуют о том, что в грамотах XVII в., создававшихся на территории Чехии и Моравии и не имеющих иных ярких диалектных черт, вариант *u* фиксируется лишь спорадически (так, из 9 грамот чешского и моравского происхождения 1605–1675 гг., опубликованных в [Macůrek 1958] (Mc156-1605, Mc161-1606, Mc170-1609, Mc199-1616, Mc30-1625, Mc44-1628, Mc82-1636, Mc123-1644, Mc188-1675) недифтонгизированный вариант рефлекса встретился в единственном случае — Mc44-1628 *všemohúcí*. Следовательно, сохранение данного типа архаически-региональной вариантности может быть отнесено к характерным чертам текстов верхнесилезского происхождения. Вариантность здесь обусловлена тем, что в ляхских говорах, так же, как и в польском языке, изменения *ú>ou* не происходило, а долгое *ú* сокращалось *ú>u* [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 111]. Ситуация в местном диалекте, по-видимому, стала причиной консервации состояния, характерного для чешского литературного языка XV–XVI вв., и в последующую эпоху XVII в.

Таким образом, в текстах силезского происхождения у различных рефлексов, имевших вариантную реализацию в чешском литературном языке XVI–XVII вв., мы обнаруживаем различное распределение вариантов. Так, в случае рефлексов *šč>št'* и *aj>ej* в грамотах

XV — 1-й пол. XVI в. обнаруживается почти исключительное отражение старшего варианта, что отличает тексты из Силезии от текстов, создававшихся в Малопольше, в которые инновации проникали в несколько большей мере. В отношении распределения иных вариантов можно говорить об определенном воздействии на их реализацию со стороны местных говоров. Так, широкое распространение синкретической флексии *-ej* в формах род., дат. и мест. п. адъективалий жен. рода, а также проникновение этой флексии в парадигму склонения адъективалий мягкого типа и местоимений *naše, vaše*, по нашему мнению, объясняется распространенностью обоих явлений в силезских говорах [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 189]. Аналогичным образом воздействием на язык грамот местного говора может быть объяснено сохранение в верхнесилезских текстах флексии *-om* в дат. п. сущ. муж. рода в XVII в., когда подобная флексия уже практически не встречается в чешской письменности.

Воздействие местного диалекта могло проявляться и в сохранении вариантности старшей и младшей реализации рефлекса в том случае, если старшая реализация рефлекса находила поддержку в ляхском диалекте. Речь идет о вариантной реализации рефлексов *uo/ů* и *ú/ou*, отражающейся в грамотах XVII в., в эпоху, когда в чешской письменности подобная вариантность уже практически не встречается.

Таким образом, в текстах верхнесилезского происхождения XVII в. присутствует определенная степень консервации чешского литературного узуса, обусловленная сохранением старших реализаций ряда рефлексов, которые, по-видимому, отождествлялись с реализацией этих рефлексов в местном говоре. Однако эти отклонения лишь незначительно видоизменяли сам чешский литературный язык, употреблявшийся в письменности Верхней Силезии.

3.3. ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ ЦЕНТРАЛЬНОЧЕШСКИХ ИННОВАЦИЙ КОНЦА XIV — XV в.

Свидетельством соответствия языкового облика текстов верхнесилезского происхождения XV–XVII вв. современному им чешскому литературному узусу является также довольно последователь-

ное отражение в них центральночешских фонетических инноваций конца XIV — XV вв., постепенно становившихся характерными чертами «свободного литературного узуса» чешского языка — протетического *v-*, сужения *ě>í*, дифтонгизации *ý>ej*, а также дифтонгизации *ú>ou* в инициальной позиции. Речь идет о явлениях, область распространения которых не затронула ляхский диалект; также они отсутствуют в польских говорах [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 108, 110–111, 115].

По данным Я. Порака, данные явления начали более или менее последовательно проникать в тексты на чешском литературном языке с 20-х гг. XVI вв. [Porač 1983: 114, 130, 138, 151]. В первой группе грамот верхнесилезского происхождения (1447–1523) отсутствуют написания, которые можно было бы достоверно считать отражением указанных черт «свободного литературного узуса» чешского языка. Следующие случаи, которые можно было бы квалифицировать как отражение сужения *ě>í*, чуждого силезским говорам, свидетельствуют скорее о проникновении в тексты грамот характерной для ляхских говоров, а также для литературного польского языка обобщенной флексии твор. и мест. падежей *-um*, нежели об отражении центральночешской инновации: Kн34-1496 *w nassem kragy blsstinskym*, Kн48-1508 *w berymskym poly*, Kн54-1513 *we blssczińskim kniezetstwy, w tiessinskim kragy*. В силу того, что в данном случае мы имеем дело с совпадением результатов двух различных по происхождению процессов, появление фонемы *í* в данной морфологической позиции на месте фонемы *ě* могло открыть ей путь в иные позиции и указанные процессы могли поддерживать друг друга, как это, по-видимому, происходило в грамотах малопольского происхождения, где сужение также отражается заметно чаще, чем другие центральночешские инновации конца XIV — XV в. (см. главу 2).

Напротив, со второй половины XVI в. картина принципиальным образом меняется. В текстах второй группы черты более свободного литературного узуса начинают фиксироваться в очень значительной степени, что, несомненно, свидетельствует об общности путей развития чешского литературного языка в Верхней Силезии с магистральным направлением его развития в чешских землях.

3.3.1. ПРОТЕТИЧЕСКОЕ v-

Протетическое v- перед начальным *o* фиксируется в текстах верхнесилезского происхождения в 13 случаях (11 грамот): ср, напр., Mc139-1595 von, Mc221-1620 vodeslati, Mcr34-1626 von, Mcr68-1633 von, Mcr98-1639 vopatrny. В большинстве случаев протеза представлена в формах им. п. личного и указательного местоимения 3-го лица *on*, *ona*. Случаи передачи данной типично чешской фонологической инновации в текстах верхнесилезского происхождения нельзя назвать изолированными, и ее присутствие также может быть охарактеризовано как черта, объединяющая узус чешских текстов из Силезии с языком пражского центра.

3.3.2. СУЖЕНИЕ $\acute{e} > \acute{i}$

Примеры на фонетический процесс сужения $\acute{e} > \acute{i}$ (орфографически как правило \acute{y}) начинают фиксироваться в текстах верхнесилезского происхождения третьей четверти XVI в., и в достаточной мере представлены в последующую эпоху вплоть до второй половины XVII в.: Mc66-1569 po svatým Jiří, Mc84-1577 na vánoci už jminulý, Mc115-1586 o tým všem, Mc144-1597 týhož, Mc157-1606 při dobrým zdraví, Mc194-1615 zamordovanýho, Mcr57-1631 takové peníze pohotový, Mcr110-1641 ve vši poddaný uniženosti, Mcr163-1654 po svatým Bartoloměji. Всего данное явление присутствует в 24 случаях в 15 грамотах. Важно, что во второй группе грамот данный фонетический процесс находит отражение не только во флексии мест. п. ед. ч. адъективалий муж. рода -ým (что мы склонны объяснять влиянием морфологии местного говора), но и в иных позициях и, таким образом, речь уже может идти о фонологической инновации (флексия род. п. ед. ч. муж. рода -ýho: omluvnýho, флексия дат. и мест. п. ед. ч. жен. рода \acute{y} — v...poddaný uniženosti, флексия им. п. ед. ч. ср. рода — \acute{y} : rozdravení svý, флексия вин. п. мн. ч. сущ. муж. и жен. Родов — \acute{y} : vánoce jminulý, peníze pohotový). Большое количество примеров на отражение данного типично чешского процесса в грамотах с периферийной территории распространения чешского литературного языка, несомненно, свидетельствует о единстве чешского литературного узуса во 2-й половине XVI — XVII в. в Силезии и в чешских землях.

3.3.3. Дифтонгизация $y > ej$

Результат дифтонгизации $y > ej$ отражается в трети грамот, созданных в 1569–1692 гг. (23 грамоты, 36 примеров). В большинстве случаев дифтонгизация представлена в основах: Mc65-1569 *bejti*, Mc79-1575 *vejš*, Mc127-1591 *dotejče*, *dotejkajíce*, Mc194-1615 *vejsocē*, *nemejšlím*, Mcr58-1631 *vejповědi*, Mcr62-1632 *nesmejšlímē*, Mcr67-1632 *mejto*, Mcr133-1645 *neostejchali*. Однако в нескольких случаях она фиксируется и во флексиях род.п. мн. ч. (Mc139-1595 *zlatejch*, Mc205-1617 *hejnejech*, Mc194-1615 *od poddanejch mejch*), а также им. п. ед. ч. муж. рода (Mc205-1617 *poddanej muoj*). Заметим, что в собственно чешских текстах начиная с 30-х гг. XVI в. и особенно в XVII в. дифтонг отражается в значительной мере, однако обычно не реализуется во всех возможных позициях, всегда конкурируя с монофтонгом [Porák 1983: 134, 138].

3.3.4. Дифтонгизация $ú > ou$ в инициальной позиции

В отличие от реализации дифтонга *ou* в середине либо на конце слова, достаточно последовательно отражавшейся в памятниках чешской письменности начиная приблизительно с третьего десятилетия XVI в., проникновение дифтонга в позицию начала слова (а также в позицию после приставки) в чешском литературном языке для большинства лексем датируется более поздним временем — 2-й половиной XVI в. Наличие *ou* в начальной позиции, в отличие от иных позиций, согласно Я. Пораку, было менее последовательным и зачастую было связано со стилистической маркированностью текста либо отдельной лексемы, причем стилистическая нагруженность вариантов $ú$ и *ou* со временем могла меняться вплоть до противоположной [Porák 1983: 107–113]. В текстах первой группы грамот указанное явление не встречается. Напротив, в текстах второй группы во второй половине XVI — XVII в. оно оказывается достаточно распространенным. В общей сложности *ou* в инициальной позиции встречается в 21 случае в 15 грамотах, что составляет приблизительно одну пятую от общего числа исследованных грамот данного периода: Mc72-1572 *před ouřadem*, Mc107-1582 *z ouřadu*, Mc115-1586 *oumyslu*, Mc130-1591 *outerý*, Mc139-1595 *ouředník*,

Mc58-1631 ouroky, Mc60-1632 zoumyslně Mc61-1632 ouroky, outratám, Mc62-1632 ouřadem, ouředník, Mc72-1635 ouřadu, Mc98-1639 outraty, Mc136-1446 z ouřadu, Mc163-1654 ouřadu, Mc169-1661 ouřadu, ouředníka, Mc173-1661 ouřadu, Mc205-1680 oupřímně.

Заметим, что дифтонгизация фиксируется у небольшого числа лексем (ourok, ouřad, oumysl, outrata, oupřímně), что связано с общей ограниченностью лексики деловой письменности с ее высокой степенью формализации. В ряде случаев варианты с начальным *ou* могли лексикализироваться: так, согласно Я. Пораку, подробно исследовавшему вопрос о наличии/отсутствии дифтонга у отдельных слов в печатных и рукописных памятниках чешского языка XV — нач. XVII в., лексемы ouřad, ouředník, outrata, ourok, zoumyslný представлены в текстах почти исключительно в дифтонгизированной форме. Лексикализация фонетического изменения, естественно, облегчала проникновение чуждого местному говору фонетического явления в тексты, создававшиеся на чешском языке на территории распространения этого говора. В целом же необходимо отметить, что большое количество примеров отражения данной фонологической инновации свидетельствует о стремлении силезских писцов 2-й половины XVI — XVII в. следовать чешскому литературному узусу соответствующей эпохи.

Как мы видели, все явления, характеризовавшие «свободный узус» чешского литературного языка в достаточной мере представлены в текстах верхнесилезского происхождения — притом, что совершенно чужды местным говорам. Этот факт очевидным образом указывает на близость языка силезских грамот к письменному узусу чешского литературного языка XVI–XVII вв.

3.4. ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ НОРМ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XV–XVII ВВ., ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЕМ СИЛЕЗСКИХ ГОВОРОВ

Среди грамот верхнесилезского происхождения обнаруживается лишь несколько текстов, отражающих местные диалектные особенности либо полонизмы в значительной мере. Так, особенно значительные отступления от чешского узуса, обусловленные воздействием системы польского языка, вероятно, бывшего для писца

грамоты родным языком, обнаруживаются в грамоте князя Казимира II Тешинского, созданной в 1508 в г. Фриштат (Кн48). В ее тексте отражаются такие яркие полонизмы, как мягкие заднеязычные (Кн48-1508 *welykyeho*), смешение твердой и мягкой разновидностей склонения адъективов (Кн48-1508 *z boze mylosty*), несколько случаев отражения *o* на месте *uo* < *ó* (Кн48-1508 *wobecz, Boh*), фонема *ś* (Кн48-1508 *sszedu*), вставной гласный *e* в сочетании **tyrt, tьlt* (Кн48-1508 *szwerchu*), лехитская перегласовка (Кн48-1508 *myanowany*) и др.

В большинстве случаев местные особенности как таковые проникали в текст грамот в очень незначительной степени, и родной говор создателя грамоты, судя по всему, воздействовал на узус текста лишь опосредованно, замедляя проникновение в тексты инноваций чешского литературного языка, как было отмечено выше.

3.4.1. Фонологические инновации

3.4.1.1. Явления, обусловленные различиями в судьбе палатализованных

Можно утверждать, что наиболее значительные различия между фонологической системой силезских говоров и чешским литературным языком с его центральночешской диалектной базой связаны именно с реализацией рефлексов палатализованных согласных. Так, в отличие от чешских (а также большинства моравских) диалектов с их сильными диспалатализационными процессами в системе консонантизма, в диалектах Силезии практически повсеместно сохраняется противопоставление *l — l*, нередко также сохраняются палатализованные *s', z'* либо их корреляты, а также представлены корреляты мягких губных *b', p', m'*. Значительно шире, нежели в чешских и моравских говорах, представлены также палатализованные фонемы *t', d'* либо их следы — сибиллянты *c' < t', ž' < d'*, в большем количестве позиций по сравнению с чешскими и моравскими говорами представлена фонема *n'* [Bělič 1972: 285–286]. Естественно, что в той или иной мере данные различия находили отражение в текстах, создававшихся в Верхней Силезии в XV–XVII вв., где представлены следующие палатализованные согласные, чуждые чешскому литературному языку:

- ▶ *m', b', v'*: PT-1447 *erbowě, potomkowě*, PT-1457 *potomkowie, odmiezeno*, Kn61-1517 *od siebie*, Kn71-1523 *obmiesskali*, Mc132-1592 *od siebie*, Mc144-1597 *chměle*, Mc68-1633 *chměl*, Mc154-1652 *patronově* (чеш. *od sebe, odmezeno, přiříkáme, obmeškali, chmele, patronové*);
- ▶ *s', ś, z'*: Kn48-1508 *szwerchu, ssrzedu*, Kn34-1496 *zasje, sie*, Mc84-1577 *musěl*, Kn71-1523 *skrze* (чеш. *zase, se, musel, skrze*);
- ▶ *l'*: Kn25-1483 *na tielie*, Kn48-1508 *lyesy*, Pol-1574 *lieha*, Mc132-1592 *podlie*, PT-1620 *podlie* (чеш. *na těle, lesy, podle, lehat*);
- ▶ *k'*: PT-1457 *neprzycziskien*, Kn48-1508 *Thessynkye, welykyeho* (чеш. *Těšínské, velikého*);
- ▶ *c', ź* (результат отражения ассибиляции *t'* и *d'*): PT-1447 *lidzmi, wisedzeno*, Mc84-1577 *zaplacil, nědzeli*, Mc132-1592 *řádzi, pondžělí, nědzieli, zaplacili, nadžěje*, Mc169-1661 *lidzi* (чеш. *lidmi, vysazeno, zaplatil, neděli, rádi, pondělí, naděje*);
- ▶ мягкие *n', t', d'* в неэтимологических с точки зрения системы чешского языка позициях: Mc132-1592 *nědzieli*, Mc130-1591 *nědostatek*, Mc40-1627 *týhodně, dně 30. Decembris* (чеш. *na těle, neděli, nedostatek, dne, древнечеш. téhodne*).

При этом ни одна из приведенных выше палатализованных фонем не проникает в тексты систематически, речь идет о единичных ошибках, обусловленных интерференцией двух кодов — литературного языка и родного говора создателя грамоты. Примечательно, что мягкие заднеязычные, неоднократно зафиксированные в грамотах малопольского происхождения (ср. главу 2), в силезских текстах представлены всего тремя примерами (речь в данном случае идет о полонизме, т.к. мягкие заднеязычные не представлены в ляхских говорах) [Bělič 1972: 284-287].

Помимо спорадического проникновения палатализованных согласных, в текстах присутствуют и иные черты, чуждые чешскому письменному узусу XV–XVII вв. В частности, нередко мы имеем дело с необозначением палатализации фонем *n', t', d'*. Данная особенность является наиболее частотным отступлением от системы консонантизма чешского литературного языка в исследованных текстах из Верхней Силезии. Чаще всего в грамотах обнаруживаются ошибки при обозначении палатализации *n'*: Kn71-1523 *penez*,

Mc86-1577 *náramne*, Mc124-1589 *nekolko*, Mc144-1597 *nejakého*, *nejakú*, *ponevadž*, Mc139-1595 *nadeje*, *nedelí*, PT-1620 *nekolik*, *Zuzanne*, Mcr34-1626 *nejakého*, *nekolikrát*, Mc40-1627 *nejaký*, Mc60-1632 *nejakého*, Mc66-1632 *znející*, *v příčine*, Mc98-1639 *ústne*, *nedelí*, Mc215-1692 *od nějakého*. Значительно реже встречаются случаи отсутствия обозначения палатализации *t'*, *d'*: Kn48-1508 *k delanyu*, *we Fryssthat*, Mc127-1591 *v meste*, Mc98-1639 *menovite*. Учитывая тот факт, что и в чешском литературном языке, в силезском диалекте, а также в польском языке в указанных позициях присутствовала мягкость, отсутствие ее обозначения, по-видимому, не связано с влиянием говора писца и должно быть объяснено особенностями орфографической системы чешского литературного языка XV–XVI вв., в которой палатализация фонем указанного ряда обозначалась не в 100% случаев. Я. Порак отмечает, что во многих памятниках чешского языка, преимущественно рукописных, и в особенности в текстах моравского происхождения, мы встречаемся с необозначением палатализации, причем в отсутствие четких сведений по исторической диалектологии чешского языка зачастую неочевидно, идет ли в данном конкретном случае речь об отражении диалектного произношения либо об ошибке писца [Porák 1983: 28–29]. В случае появления подобных написаний в текстах из Силезии, в говорах которой зона функционирования фонемы *n'* по сравнению с чешским литературным языком, напротив, расширена, мы склонны интерпретировать подобные написания как стремление к упрощению графической системы чешского литературного языка, а также как свидетельство определенной искусственности письменного узуса грамот, создававшихся на чешском литературном языке за пределами его этнической территории.

Аналогичная ситуация наблюдается и при отражении йотации губных согласных. В исследованных текстах йотация губных согласных достаточно часто обозначается непоследовательно (30 примеров, 19 грамот). Ср.: PT-1447 *swedomi*, *werne*, Kn25-1483 *wymerzeno*, Kn48-1508 *werne sslussby*, *przywessythy*, Kn71-1523 *umely*, Mc84-1577 *meščanína*, Mc86-1577 *povetří*, *hrozlive mřeti mělo*, *sobe*, *v Jablunkove*, Mc124-1589 *medi*, Mc127-1591 *vedomosti*, *veděti*, Mc127-1591 *v meste*, Mc139-1595 *vec*, Mc194-1615 *bedliví*, Mc157-

1606 zrozumění, PT-1620 do zeme, w teyz sume, Mcr14-1622 práve a spravedlive vyznali, Mcr53-1630 z mesta, Mcr54-1630 srozumění, Mcr66-1632 obe, zameštknání, Mcr98-1639 vecí, odpovedi, Mcr169-1661 vedomosti, stavejí. Важно, что в данной позиции в силезских говорах йотация присутствует, а в польском языке отражается мягкий губной (на письме передающийся буквой *i* после губного — ср. пол. *wiarny, sobie* и т.д.) [Bělič 1973: 285]. Согласно наблюдениям Я. Порака, в связи со значительной степенью последовательности чешского литературного узуса в отношении передачи йотации губных согласных, ее необозначение в тексте в большинстве случаев следует интерпретировать как отражение локального узуса печатника, автора либо писца [Porák 1983: 34]. Однако, в силу того, что местный говор, напротив, мог поддерживать последовательное обозначение йотации в текстах, мы склонны рассматривать ошибки при обозначении йотации губных как характерную, однако не восходящую к воздействию родного говора писца, черту письменного узуса грамот, происходящих из силезских земель.

3.4.1.2. Особенности отражения слоговых плавных

Достаточно часто встречающимся отступлением от норм чешского литературного языка XV–XVII вв. в текстах верхнесилезского происхождения является наличие вставного гласного *e* в сочетаниях **tǔrt, tǔlt*. Подобная реализация данного рефлекса представлена как в говорах чешско-польского пограничья, так и в польском языке, в то время как в чешском литературном языке в данной позиции отражается слоговой сонорный (ср. пол. *wierch* — чеш. *vrch*, пол. *pełny* — чеш. *plný*) [Bělič 1972: 291, 308, 311; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 76–77]. А. Кноп замечает, что вставной гласный (преимущественно *e*) в указанных сочетаниях в XVI в. воспринимался как элемент совершенно чуждый чешскому литературному языку, поэтому его появление в тексте можно рассматривать как яркий диалектизм. По его наблюдениям, в XVI в. лишь небольшое число текстов (в отношении отражения иных рефлексов также отступающих от норм литературного языка) допускает проникновение данной диалектной черты [Кноп 1965: 23–24]. Материал исследованных нами

грамот XVI в. подтверждает данное наблюдение. В первой группе грамот мы встречаемся с единичными фиксациями указанного рефлекса: PT-1447 *potwerżeni*, Kn48-1508 *szwerchu*, Kn54-1513 *derzel*. Однако с конца XVI в. число подобных написаний начинает стремительно расти, и среди грамот 1620–1692 гг. доля текстов, отражающих данное явление, достигает 40% (45 примеров, 19 грамот). Ср.: Mc126-1590 *úpeľným*, Mc130-1591 *úpeľně*, Mc157-1606 *bratersky*, Mc194-1615 *braterskou*, Mc34-1626 *pervo*, Mc72-1635 *skerze*, *vyterhel*, *pelnomocenstvím*, Mc110-1641 *verch*, Mc130-1645 *v úpeľnej radě*, Mc132-1645 *vterhly*, *skerze*, *tervající*, Mc150-1651 *verchností*, Mc154-1652 *verchnost*, Mc159-1653 *zderžoval*, *Tyrnavy*, Mc173-1661 *velnu*.

Таким образом, данное явление может быть названо единственной в полной мере стабильной чертой узуса грамот верхнесилезского происхождения XVII в., отличающей его от чешского литературного узуса соответствующей эпохи.

3.4.1.3. Иные фонологические инновации

Иные локальные черты в текстах верхнесилезского происхождения отражаются очень непоследовательно: зачастую речь идет лишь о нескольких фиксациях того или иного явления на весь корпус грамот. Так, в нескольких случаях мы встречаем отражение лехитской перегласовки *ě>ä>'a: Pol-1574 *wiadoma wies*, Kn48-1508 *myanowany*, Mc169-1661 *mialo*. Единственный раз в тексте одной из хронологически наиболее ранних грамот отражается польский носовой ɛ: PT-1457 *k wieczney pamienicy*. В единственной грамоте обнаруживается фиксация *ł*: Kn66-1519 *sem zadau*, *wpadau*. Относительно немногочисленны (в особенности при сопоставлении с ситуацией в текстах из Малопольши) случаи отсутствия результатов чешских перегласовок 'a>e, 'u>i: Kn48-1508 *k delanyu*, *kluczowe*, *dwa oharza*, *thysuczneho*, Kn54-1513 *w tisczu*, Mc93-1638 *za moju řečku*, Mc150-1651 *řetazy*. Малая проницаемость верхнесилезских текстов для ярких диалектизмов, судя по всему, свидетельствует о стремлении создателей грамот следовать обычному литературному узусу чешского языка соответствующей эпохи.

3.4.2. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ

Морфология чешского литературного языка сохраняется в исследованных текстах верхнесилезского происхождения практически в неизменном виде. В отдельных случаях мы встречаемся с гораздо менее регулярной реализацией ряда морфологических явлений, отмеченных нами ранее при анализе языка грамот малопольского происхождения. Так, в двух случаях фиксируется достаточно типичная для польских памятников XVI в. флексия *-och* в местном падеже сущ. муж. рода [Ананьева 2009: 157]: Kn48-1508 *oblaskoch* Mc124-1589 *po...formanoch* (чеш. *v oblacích*, *po formanech*), а также флексия *-ach* у существительного мягкой разновидности склонения Kn25-1483 *mezach* (чеш. *mezích*, пол. *miedzach*). В нескольких случаях в текстах представлены специфические падежные формы прилагательных, указывающие на смешение флексий твердой и мягкой разновидностей склонения, отсутствующих в польском языке (ср. главу 2): Kn48-1508 *z boze mylosty*, Kn54-1513 *pro lepsse swiedomie*, Kn66-1519 *tisiczeho*, Kn58-1515 *tisiczeho*, Mc144-1597 *przimlovče psaní*, Mc53-1630 *přimluvče psaní* (чеш. *boží*, *lepší*, *tisícího*, *přimluvčí*)¹⁴.

Приводимые выше примеры образца *po svatým Matěji*, в отношении которых можно было бы предположить отражение синкретической польской флексии твор. и мест. п. *-um* в отсутствие обратных замен (какие, например, обнаруживаются в текстах малопольского происхождения — *právem...duchovném*, ср. главу 2), в грамотах 2-й половины XVI — XVII в. мы склонны объяснять скорее отражением чешского фонетического процесса сужения *é>i*, нежели отражением флексии *-um* в мест. п. Единичными примерами ограничивается и отражение флексии твор. падежа мн. ч. *-emí* в форме мест. п. мн. ч. адъективалий муж. рода: Kn71-1523 *s nassemi*, Mc159-1653 *s dokumenty svémi*.

Характерная для польского языка и для силезских диалектов презентная флексия I лица мн. ч. *-my* в текстах из Верхней Силезии, в отличие от текстов малопольского происхождения, отражается очень редко: Kn48-1508 *smy*, *dawamy*, *wssdawamy*, Kn58-1515

¹⁴ Примечательно, что в текстах грамот, отражающих указанный процесс, фиксируются и иные замены *i* на *é* (*e*): Kn48-1508 *kneze*, Kn54-1513 *drzewe*, Kn66-1519 *przislusse* (чеш. *kniže*, *dříve*, *přísluší*).

propuszczy, Mc53-1630 bychmy, žádámy. Единственный раз фиксируется нетипичная отрицательная форма глагола Mc144-1597 *nie jest* (ср. пол. *nie jest*).

Единичными примерами ограничиваются отступления от чешского языка в склонении указательного местоимения *ten* и числительного *jeden*, приобретавших под воздействием местного говора либо польского языка адъективальные флексии (ср. [Bělič 1972: 292, 295–296; Ананьева 2009: 194–195]): Kн25-1483 *teho, k temu*, na *gednem*, Kн48-1508 *k temu, przy tym*, Kн71-1523 *jednemu* (чеш. *toho, tomuto, tom, k jednomu, o jednom*).

Таким образом, в подавляющем большинстве верхнесилезских грамот морфологический уровень чешского литературного языка сохранялся практически в неизменном виде, а отступления от форм, свойственных чешскому литературному языку, имеют крайне несистематический характер.

3.5. Выводы

Исследованные тексты верхнесилезского происхождения XV–XVII вв. достаточно последовательно отражают современный им чешский литературный узус, а местные особенности проникают в них в незначительной степени. Примечательно, что силезские тексты первой группы (XV–XVI вв.) в меньшей мере отражают инновации, в том числе и центральночешские, нежели тексты, создававшиеся в ту же эпоху в Малопольше. В грамоты XV — 1-й пол. XVI в. практически не проникают черты «свободного литературного узуса» чешского языка. В текстах XV — 1-й пол. XVI в. мы, как правило, встречаемся с присутствием вариантов, характеризовавших старший узус древнечешского литературного языка до проведения фонологических изменений (сочетания *šš, aj*, большое количество примеров на *ó*, флексии род. и дат. п. мн. ч. сущ. муж. рода *-ov* и *-om* и др.). Старшие варианты реализации рефлексов совпадали с их отражением в местных говорах, что, вероятно, поддерживало их присутствие в текстах и приводило к консервации древнечешской системы. Степень проникновения диалектизмов в тексты первой группы, созданных в большинстве своем до 1525 г., также невелика.

Начиная со второй половины XVI в. соотношение характерных черт узуса грамот верхнесилезского происхождения и обычного для той эпохи чешского литературного узуса изменяется. В тексты в довольно значительной мере начинают проникать центрально-чешские инновации — черты «свободного литературного узуса» чешского языка. Особенно очевидной высокая степень проницаемости текстов силезского происхождения для центральночешских фонетических инноваций становится при их сопоставлении с текстами западнословацкого происхождения (см. главу 4), где подобные характерные богемизмы встречаются со 2-й половины XVI в. значительно реже. Соотношение вариантных реализаций в данную более позднюю эпоху также меняется в сторону большего сходства с узусом собственно чешских памятников (šť, ej, генетивная флексия -ů/ův).

Тем не менее можно говорить об определенной специфике в отражении ряда вариантных реализаций в текстах верхнесилезского происхождения в указанную эпоху. В ряде случаев соотношение вариантов, по-видимому, подвергалось воздействию местного говора, и, таким образом, узус верхнесилезских текстов в определенной мере отмежевывался от собственно чешского письменно-литературного узуса. В особенности это касается текстов XVII в. Характерными особенностями поздних текстов верхнесилезского происхождения являются:

- 1) консервация в XVII в. старшего дифтонга *uo*, уже практически исчезнувшего из чешского литературного узуса, где в эту эпоху уже последовательно фиксируется новый монофтонг *ú*;
- 2) сохранение старшего варианта флексии дат. п. мн. ч. сущ. муж. рода -om, к XVII в. почти полностью вышедшего из употребления в собственно чешских памятниках;
- 3) достаточно последовательная реализация флексии -ej в род., дат., мест. п. адъективалий жен. рода твердой разновидности, а также проникновение этой флексии в мягкую разновидность адъективалий;
- 4) сохранение вариантности *ú/ou* на протяжении XVII в. — в эпоху, когда в чешском литературно-письменном узусе уже практически повсеместно присутствует дифтонг *ou*.

Подобное изменение чешской языковой основы, судя по всему, имело неосознанный характер. Анализ распределения вариантов реализаций рефлексов не дает возможности предположить у создателей грамот наличия интенции к видоизменению чешской языковой основы, к адаптации нормы чешского литературного языка, использовавшегося в силезской письменности, к особенностям местных говоров.

Что касается отражения местных диалектных особенностей, то они на протяжении всего рассматриваемого периода XV–XVII вв. проникают в тексты в очень ограниченной мере. В ряде случаев мы обнаруживаем в текстах силезского происхождения несвойственные чешскому языку палатализованные фонемы *m'*, *b'*, *v'*, *s'*, *z'*, *l'*, *c'*, *ž'*, а также расширение позиций палатализованных *n'*, *t'*, *d'*. Однако число реализаций каждой из указанных фонем либо нетипичных позиций их реализации обычно не превышает 2–3 примеров на весь корпус, в связи с чем они могут рассматриваться как произвольные ошибки писца, а не как сознательные отступления от чешской нормы. Единственным последовательно реализующимся фонетическим диалектизмом в грамотах второй половины XVI — XVII в. является вставной гласный (преимущественно *e*) в сочетаниях **tyrt*, **tylt*. Иные местные особенности отражаются в текстах спорадически, а в области морфологии ограничиваются изолированными примерами.

Все вышесказанное позволяет подтвердить вывод Я. Порака о том, что памятники чешского литературного языка в Силезии в очень значительной степени следовали чешскому литературно-письменному узусу соответствующей эпохи. Динамика появления в текстах инноваций в большинстве случаев соответствует доступным нам сведениям о видоизменении чешского письменно-литературного узуса в хронологической перспективе XV–XVII вв. Языковые особенности исследованных текстов верхнесилезского происхождения не дают оснований говорить о формировании в Силезии некоего особого «разговорного стиля», поддерживавшего ряд польских черт местного говора, и так или иначе отражавшегося в письменных текстах — в том виде, как о нем писали Б. Гавранек и А. Кноп. Речь идет лишь о некоторой консервации набора характерных черт чешского

литературного языка предшествующей эпохи в грамотах XVII в., что вполне естественно для периферийной области распространения любого литературного языка донационального периода, характерной чертой которого является текстовый механизм стабилизации нормы (ориентация на авторитетные тексты). Инновации, обусловленные воздействием местных говоров, на всем протяжении рассматриваемого периода проникают в тексты в крайне ограниченной мере. Малая мера проникновения в силезские тексты осложняющих систему диалектизмов выглядит особенно показательно при сопоставлении с чешскими текстами, происходящими с территории Малопольши. Вплоть до XVII в. чешский литературный язык в Силезии сохранялся в достаточно чистом виде и обладал довольно высокой для периферийной территории стабильностью узуса. Разумеется, что судьбы чешского языка в данном регионе в большей степени определялись политической и этнической историей силезских земель (процессы германизации, а также вторичной полонизации в XVII–XVIII вв.). Вместе с тем высокая степень стабильности чешского литературного языка в Силезии служила неплохой предпосылкой для его сохранения в системе письменной коммуникации отдельных силезских княжеств вплоть до XVIII в.

Чешский литературный язык в деловой письменности Западной Словакии (XV–XVII вв.)

4.1. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ СЛОВАЦКОГО ЭТНОСА В ДОКОДИФИКАЦИОННЫЙ ПЕРИОД. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СЛОВАКИИ. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

История словацкого литературного языка традиционно является для словакистики одной из наиболее значимых, но вместе с тем и наиболее проблемных областей¹⁵. В особенности это касается языка словацкой письменности докодификационного периода, т.е. эпохи до первой кодификации словацкого языка, осуществленной в 1787 г. филологом и католическим священником Антоном Бернолаком (1762–1813), а также источников данной кодификации.

В целом культурно-языковая история словацких земель представляет собой исключительно сложный феномен и может служить моделью разнонаправленных языковых контактов в культурном пространстве Центральной Европы в эпоху Средневековья и Нового Времени. Проблематичность ее исследования связана прежде всего со спецификой исторического развития словацких земель, где в эпоху Средневековья не сложилось условий для формирования литературного языка на местной диалектной базе. Одной из особенностей истории словацких земель является отсутствие территориального центра, на базе диалекта которого мог бы сформироваться идиом, имевший перспективы лечь в основу литературного языка. Судя по

¹⁵ Данную ситуацию достаточно метко характеризует заголовок статьи известного словацкого лингвиста Л. Дюровича (1925–2022) «Концепции литературного языка — хребет словацкой культурной истории» [Đurovič 2004a].

всему, свою роль сыграла и довольно успешная ассимиляция высших слоев словацкого общества в ходе постепенного включения словацких земель в состав Венгерского королевства (X–XII вв.), которая привела к продолжительному господству в словацкой письменности латинского языка, бывшего официальным языком Венгерской короны [Novák 1938: 166–169]. В XIV в. словацкие земли попадают под значительное влияние Чешского королевства и в словацкую письменность начинает проникать чешский литературный язык [Krajčovič, Žigo 2002: 45; Varsik 1972: 420–421]. Как отмечает в своей фундаментальной «Истории словацкого литературного языка» Э. Паулини, проникновение чешского языка в Словакию не было кратковременным и случайным процессом, оно было обусловлено давними политическими, экономическими, религиозными и культурными связями чешских и словацких земель. Со временем сфера употребления чешского литературного языка в Словакии расширялась, и в конце XIV — нач. XV в. он приобретает функцию «письменной формы литературного языка словацкого этноса» [Pauliny 1983: 66, 73]. Очевидно, что проникновение в Словакию чешского литературного языка, помимо перечисленных выше факторов, облегчалось высокой степенью подобия двух языков — чешского и словацкого. Учитывая их ближайшее родство, не вызывает удивления тот факт, что чешский литературный язык мог функционировать в Словакии как письменная, обработанная форма словацкого языка, а практическое овладение чешским языком во многом базировалось на ресурсах родного говора словака-создателя текста: чешский и словацкий языки, судя по всему, могли образовывать в сознании пишущего одну систему [Лифанов 2001: 206–207].

Нельзя сказать, что роль, функция и масштабы использования чешского литературного языка в Словакии оценивались исследователями одинаково. По этому вопросу в словакистике имели место острые дискуссии. Диапазон мнений о чешском языке в словацкой письменности в трудах различных исследователей был достаточно широк — от утверждений о том, что все памятники словацкого происхождения до первой кодификации 1787 г. были созданы по-чешски (А. Пражак в 20-е гг. XX в.) вплоть до минимизации роли чешского языка до «орфографического образца» для создававшихся

на «культурном словацком языке» памятников (Р. Кухар в 10-е годы XXI в.) [Pražák 1922: 103; Kuchár 2009: 161–162].

Среди исследователей нет единства и в терминологии, которая применяется ими при описании словацкой культурно-языковой истории: в работах по истории словацкой письменности XV–XVIII вв. мы встречаемся с терминами «словакизированный чешский язык», «чешско-словацкий язык», «культурный словацкий язык» и др., зачастую описывающими одну и ту же эмпирическую реальность. В связи с тем, что критерии размежевания перечисленных выше терминов не были выработаны, язык одного и того же памятника зачастую квалифицируется различными лингвистами по-разному, а содержание приведенных терминов то расширяется, то сужается в соответствии с задачами конкретного исследования.

Одна из наиболее острых дискуссий о чешско-словацких языковых взаимоотношениях имела место в 30-е гг. XX в.: речь тогда шла о возможности признания чешского литературного языка, употреблявшегося на территории Словакии в Средневековье, этническим языком словаков (чеш. *národní jazyk, domácí jazyk*). В своих истоках данная идея связана со сформировавшейся в Первой Чехословацкой Республике (1918–1938) идеологией чехословакизма, основанной на представлении об этническом единстве чехов и словаков, подразумевавшем существование чехословацкой нации, единой по историческим корням, культуре, языку, однако разделяющейся на две ветви — чешскую и словацкую. Наиболее яркими идеологами чехословакизма в 20-е гг. являлись чешский литературовед А. Пражак и чешский историк В. Халоупецкий. Взгляды А. Пражака на словацкую культурную историю очевидны из следующей очень характерной для него цитаты: «до Бернолака в среде католиков и до Штура в среде евангеликов в Словакии никто не сомневался, что говорит на том же языке, что и чехи. Также и памятники письменности, сохранившиеся среди словацких грамот и книг в течение столетий вплоть до Бернолака, написаны по-чешски, хотя и пронизаны диалектными элементами» [Pražák 1922: 103]. Аналогичный взгляд на историю словацкого литературного языка находим у известного чешского языковеда первой половины XX в. В. Важного, в своей обзорной работе «Словацкий литературный язык» утверждавшего, что «ранее, особенно

с XV до XIX в., языком литературы и культуры в Словакии также был чешский» [Vážný 1934: 152].

Несколько сглаженную версию подобной трактовки словацкой языковой истории мы находим в трудах В. Халоупецкого, осуществившего два наиболее значительных в 1-й пол. XX в. издания словацких текстов — издание Жилинской городской книги и средневековых грамот словацкого происхождения [Chaloupecký 1934, 1937]. В. Халоупецкий охарактеризовал Жилинскую книгу как древнейший словацкий памятник, написанный на этническом языке (чеш. *národní jazyk*) — в отличие от немецкого и латыни. Очевидно, что автор подразумевал под этническим языком чешский литературный язык, хотя в своей работе он, в отличие от А. Пражака и В. Важного, не называет язык изданного памятника ни чешским, ни словацким, ни чешско-словацким, старательно избегая его более точной этнической дефиниции: «это язык национальный, который привился и ширился по всей языковой области нашего народа»; «нормы языка, которые в то время установились в Праге, как в орфографии, так и в морфологии и синтаксисе, стали обязательными для литературного языка не только в Моравии, но и в Словакии» [Chaloupecký 1934: XIII, XLVII]. Его издание Жилинской книги и стало поводом для начала дискуссии о статусе чешского литературного языка в Словакии. Сторонниками идеи В. Халоупецкого о чешском литературном языке как этническом языке словаков выступили чешский лингвист М. Вайнгарт и ученик В. Халоупецкого словацкий историк Б. Варсик [Weingart 1935; Varsik 1934]. Однако подобная трактовка быстро встретила неприятие в рамках словацкой лингвистики. Ярым противником признания чешского литературного языка этническим языком словаков выступил языковед Л. Новак.

В наиболее значительной работе Л. Новака о чешско-словацких языковых связях — статье «Чешский язык в Словакии и возникновение словацкого литературного языка» [Novák 1938], выдвигается оригинальная концепция словацкой культурно-языковой истории. Для Л. Новака язык, на котором была создана Жилинская книга и другие памятники словацкого происхождения XIV–XV вв., есть древнечешский язык, который в ту эпоху употреблялся в словацкой письменности в функции литературного языка наряду с немецким,

латинским и венгерским. В подходе Л. Новака очевидно стремление размежевать в функциональном плане, с одной стороны, словацкие диалекты, с другой — чешский литературный язык. Исключительное положение чешского литературного языка у словаков позволяет автору говорить о возможной аналогии описанной ситуации с историей бытования церковнославянского языка у православных славян. Согласно Л. Новаку, так же, как в церковнославянские памятники светского содержания со временем все в большей мере проникали локальные диалектные элементы, так и в Словакии в памятниках светской письменности постепенно возрастает число словакизмов. Поначалу эти словакизмы проникают в памятники раз от раза и без всякой системы, однако впоследствии они начинают допускаться в текстах осознанно, причем речь здесь идет о текстах высокой социальной важности, по преимуществу печатных. Подобный смешанный язык оценивался современниками то как чешский, то как словацкий, то как чешско-словацкий, и изменению его статуса в общественном сознании способствовало не увеличение числа словакизмов в памятниках, но изменения в «атмосфере эпохи», причем не в последнюю очередь новые идеологические течения эпохи Просвещения. Кодификация А. Бернолака, по мнению Л. Новака, не имела революционного характера и явилась закономерным продолжением предыдущего этапа развития словацкой письменности. Таким образом, история чешского литературного языка, согласно Л. Новаку, является предысторией словацкого литературного языка. Задачей же словацкого языкознания является скрупулезное исследование вопроса о том, каким образом из чешского литературного языка в Словакии в процессе «отталкивания от его норм» образовался словацкий литературный язык, кодифицированный в конце XVIII в. А. Бернолаком. В своей работе Новак упоминает об особой «трнавской формации» чешского литературного языка, представлявшей собой «достойный удивления конгломерат» элементов чешского литературного языка и западнословацких диалектов, который, по его мнению, и лег в основу кодификации Бернолака [Novák 1938: 281–287; 1935: 232–244].

Примечательно, что мысль о гибридном, смешанном характере языка словацкой письменности XV–XVIII вв. высказывалась и ранее, в трудах конца XIX в. Так, в работах С. Цамбела [Czambel 1887:

1–32, Czambel 1903: 174–179] мы встречаемся с наименованиями «чешско-словацкий» и «чешско-венгерский»¹⁶. Термин «чешско-словацкий язык», генетически связанный с деятельностью словацких евангеликов [Nábělková 2008: 115–120], возникает и в некоторых работах 2-й половины XX в. Так, в частности, как «чешско-словацкий» характеризуют язык Жилинской книги чешские исследователи И. Немец и Э. Михалек [Němec, Michálek 1982: 5].

Изначально идея о смешанном идиоме, ставшем основой для формирования словацкого литературного языка, присутствовала и в трудах Э. Паулини (1912–1983) — лингвиста, идеи которого стали определяющими в словацком историческом языкознании второй половины XX в. Так, в ранней работе 1948 г. Э. Паулини называет источником словацкой литературно-письменной традиции постепенно словакизирувавшийся чешский язык. Здесь же утверждает, что в XVII в. «процесс словакизации зашел настолько далеко, что в конце первой половины XVIII в. у словацких католиков был уже достаточно строго нормированный национальный литературный язык, который ввиду его расхождения с чешским нельзя назвать лишь словакизированным чешским языком», и именно этот «иезуитский словацкий язык», сложившийся на основе литературного чешского, лег в основу первой кодификации словацкого языка, осуществленной А. Бернолаком в 1787 г. [Pauliny 1948: 57].

Однако в последующих работах Э. Паулини источник кодификации А. Бернолака квалифицируется совершенно иначе. Из итоговой монографии Э. Паулини, изданной в 1983 г., мы узнаем, что А. Бернолак в ходе работы над кодификацией литературного словацкого языка опирался на «язык образованных кругов западнословацкого населения», причем именно на том основании, что этот язык в наименьшей степени был затронут иностранными, в том числе и чешскими, влияниями. Теперь язык образованных кругов населения, послуживший основой для кодификации А. Бернолака, описывается Пау-

¹⁶ Разница между приведенными наименованиями в работе С. Цамбела не обсуждается. Можно предположить, что под «чешско-словацким» языком автор подразумевал язык тех памятников, в которых обнаруживаются очевидные словакизмы, а «венгерско-чешским» он называет вариант чешского языка, употреблявшийся в письменности Венгерского королевства и характеризующийся любыми чертами, нетипичными для системы чешского литературного языка.

линии как *культурный западнословацкий язык* «в той форме, в какой он сформировался в Трнаве, в том числе в печатной католической литературе». Приняв его за основу, Бернолак последовательно устранял из него чешские элементы, причем опорой для такого шага он находил в разговорном узусе образованных слоев населения Трнавы, также постепенно устранявших из своей речи богемизмы [Pauliny 1983: 164–165].

Появление идеи о культурном западнословацком языке можно объяснить в контексте новых представлений Э. Паулини об истории словацкой письменности в докодификационный период, а также в связи с трансформацией теоретического инструментария исследователя. Новая трактовка истории словацкого языка в трудах Э. Паулини основана на представлении о том, что в XVI в. на территории Словакии на основе «скелета» чешского литературного языка формируется культурный словацкий язык в трех диалектных разновидностях (западнословацкий культурный диалект, среднесловацкий культурный диалект, восточнословацкий культурный диалект).

Генезис терминов «культурный язык» и «культурный диалект» в славистике исключительно интересен и заслуживает отдельного описания. Впервые понятие «культурного диалекта» было введено в научный оборот польскими лингвистами в связи с необходимостью описания специфики функционирования польского языка в период, предшествовавший складыванию литературного языка. Так, В. Ташицкий характеризует «культурный диалект» следующим образом: «язык, который использовался в среде образованных людей, прежде чем сформировался литературный язык; язык, на котором написаны первые памятники на этническом языке» [Taszycki 1949: 101]. На чешскую почву модель «культурного диалекта» перенес К. Горалек. В его трактовке «культурный диалект» предстает *устным* наддиалектным идиомом, употреблявшимся в общественно значимой коммуникации в период использования в функции литературного «чужих» языков (чеш. *jednací jazyk v ústních projevech*). По К. Горалеку, язык древнейших памятников чешского литературного языка наследует этому культурному диалекту. Однако в трудах К. Горалека «культурный диалект» не является некой облигаторной моделью. Этот термин применяется им к различным культурно-

языковым феноменам, а его дефиниция то сужается, то расширяется в зависимости от специфики рассматриваемого объекта. Так, при описании истории чешского литературного языка Горалек вообще не пользуется указанным термином, однако данный термин вновь возникает при описании истории польского литературного языка [Hogálek 1962: 321–325, 327]. В небольшой статье 1954 г. «К проблематике истории литературного языка» К. Горалек говорит о существовании центральнословацкого культурного диалекта (языка), употреблявшегося в сфере устного народного творчества. Описывая историю формирования современного словацкого языка, К. Горалек замечает, что «новое движение за независимость литературного словацкого языка начинается в сороковые годы 19 в. [...] В эту эпоху [...] в культурной сфере начинает доминировать центральная Словакия, где в кругах интеллигенции и мещанства закрепляется культурный центральнословацкий язык» [Hogálek 1954: 371]. Очевидно, что Горалек относит формирование этого «культурного диалекта» лишь к позднему Новому времени (XIX в.). Тем не менее идея Горалека о центральнословацком культурном диалекте как базе для формирования словацкого литературного языка вскоре была воспринята и основательно модифицирована словацкой лингвистикой в связи с необходимостью описания иной эпохи — докодификационного периода существования словацкого литературного языка.

Так, уже в работе 1956 г. Э. Паулини вводит понятие культурного западнословацкого языка: «[...] очевидно, что словацкий язык уже в 17–18 вв. начал употребляться — пусть спонтанно и стихийно — как общественно значимое средство высказывания в культурной области. Здесь мы можем заимствовать у проф. Карела Горалека понятие культурного центральнословацкого языка и расширить его необходимым понятием культурного западнословацкого языка» [Paulíny 1956: 110]. Согласно Паулини, «культурный западнословацкий язык — это общее название для наддиалектной языковой формации, которая складывалась начиная с XVI в. в ходе использования средств литературного чешского языка, включала некоторые западнословацкие (юго-западнословацкие) элементы, и, помимо этого, включала и центральнословацкие языковые элементы, в пер-

вую очередь в морфологии, и в отдельных чертах приспособлялась к диалекту той области, из которой происходит тот или иной памятник письменности» [Pauliny 1983: 124].

Итак, согласно Э. Паулини, культурный словацкий язык формировался на основании того наддиалектного варианта словацкого языка, который использовался в коммуникации между выходцами из различных областей в определенном регионе Словакии. По мысли исследователя, чешский язык снабжал культурный словацкий язык устоявшимися формулами, синтаксическими средствами, терминологией (в большей степени существительными с абстрактным значением), в то время как его фонетические, морфологические и лексические особенности базируются на местных словацких говорах. Согласно Э. Паулини, первой из трех региональных разновидностей культурного языка сформировался «культурный среднесловацкий язык», т.к. среднесловацкие диалекты с древнейших времен оказывали влияние на западнословацкие и восточнословацкие. Однако в XVII в. в связи с непростой судьбой Средней Словакии в эту эпоху (турецкие набеги, сословные восстания) система общесловацкого культурного диалекта начинает все больше ориентироваться на западнословацкий узус. В свою очередь, основой для формирования культурного западнословацкого языка стал язык образованных слоев г. Трнавы, в основу которого лег модифицированный чешский литературный язык. В этом модифицированном чешском литературном языке лучше сохранялись те чешские рефлексy, которые находили себе соответствие в говорах Юго-Западной Словакии. Не вполне четко у Э. Паулини определяется языковая основа этого идиома: с одной стороны, речь идет о том, что наддиалектные варианты словацкого языка формировались на основе «скелета» чешского литературного языка, с другой стороны, автор пишет о влиянии чешского языка на эти варианты. Более того, в работе 1983 г. мы читаем, что «традиционные чешские элементы, которые давали всем словацким памятникам некий единый образ, функционируют здесь не как элементы чешского языка, но как элементы местного словацкого языка, ядро которого было в юго-западной Словакии», а в дефиниции культурного западнословацкого языка подчеркивается, что этот идиом «формировался начиная с XVI в.

в ходе использования средств чешского литературного языка», постепенно включая в себя западнословацкие и среднесловацкие элементы, однако в отдельных своих чертах данное языковое образование приспособлялось под диалект той области, где оно использовалось.

Несмотря на то, Э. Паулини неоднократно пытается более точно определить специфику «словацкого культурного языка» и его функциональное наполнение, критерий, на основании которого возможно отличить этот язык от «словакизированного чешского» или от «иезуитского словацкого языка» из работы 1948 г., остается неясным, как остается неясной и языковая основа этого идиома [Pauliny 1983: 118, 124, 130]. По большому счету, схема, предложенная автором в работе 1948 г. (чешский язык как язык-основа для языка словацкой католической литературы), в позднейших работах сохраняется, однако осложняется и затемняется попыткой соединить данную трактовку с высказанной К. Горалекком идеей о существовании среднесловацкого культурного языка, а также подчеркнуть *национальный*, независимый от иных письменных традиций, путь развития словацкого литературного языка. Таким образом, в поздних работах Паулини становится очевидной неоднозначность толкования фактов истории словацкой письменности в докодификационный период, а также попытка доказать меньшую зависимость идиома, легшего в основу кодификации Бернолака, от чешского литературного языка.

В дальнейшем, вплоть до настоящего времени, словацкая историческая лингвистика опирается исключительно на идею о подобных «долитературных культурных формациях» (слов. *kultúrny predpisovný útvar*, термин Р. Крайчовича). Мысль о культурном среднесловацком языке в поздних работах принимает даже Л. Новак, в 30-е гг. придерживавшийся совсем иного мнения о характере словацкой культурно-языковой истории. Так, в работе 1962 г. он упоминает «ту формулировку культурного центральнословацкого языка, проблематику которого у нас, вероятно, с привлечением польской теории культурного языка, убедительно обозначил К. Горалек, и которую успешно развивают Э. Паулини, Э. Йона, Ш. Тобик и др.» [Novák 1962: 128]. Согласно авторитетному определению культур-

ного языка в современной словацкой лингвистике, предложенной Р. Крайчовичем и П. Жиго, под культурными языками понимаются «культивированные, наддиалектные, в достаточной степени стилистически дифференцированные, однако некодифицированные, общественно необлигаторные формы словацкого языка в долитературный период его развития» [Krajčovič, Žigo 1998: 87; Žigo 2000: 118].

Несмотря на немалое количество работ, посвященных как теоретической, так и практической разработке модели культурных языков [Kotulič 1968, 1971–1972, 1988; Krajčovič 1962, 1964; Pauliny 1956, 1961; Žigo 2000, 2014], словацким лингвистам до сих пор так и не удалось прийти к компромиссу ни по вопросу о количестве «культурных языков», функционировавших на территории Словакии (культурный словацкий язык с тремя региональными разновидностями vs. три культурных языка — западнословацкий, центральнословацкий, восточнословацкий), ни о сферах их (его?) функционирования (устная/письменная), ни об эпохе формирования этих идиомов. Как отмечает К.В. Лифанов, появление и разработка теории о культурном языке словацкого этноса, с одной стороны, усилили интерес лингвистов к исследованию конкретных памятников словацкой письменности, с другой — стали препятствием для всестороннего и объективного освещения данной проблематики [Лифанов 2001: 10].

Очевидно, что сам костяк теории «культурных языков» словацкого этноса с 60-х гг. XX в. практически не изменился, разве что центр тяжести был окончательно перенесен с попыток исследования результатов взаимодействия чешской языковой основы со словацкими диалектами (ср. формулировку Паулини и осуществлявшаяся в рамках подобного подхода исследования В. Бланара, К. Габовштяковой и др. [Blanár 1960, 1977; Nabovštiaková 1968, 1977] на исследование «культурного словацкого языка» *in sui generis*. С одной стороны, это предполагало поиск все новых и новых словакизмов в памятниках письменности различных жанров и различного территориального происхождения во 2-й пол. XV — XVIII в. (работы Я. Складаной, Р. Кухара и др. [Skladaná 1977, 1984; Kuchár 1992, 1995]), с другой — подробное описание лексики словацких памятников (а также чешских памятников словацкого происхождения), осуществлявшееся в рамках проекта составления Исторического

словаря словацкого языка, который реализовывался в Институте языкознания им. Л. Штура (Братислава) более 40 лет и успешно завершился в 2008 г. [Historický: 2008]. Отдельной областью исследования в этом контексте стало исследование заимствований (как правило, лексических — германизмов, мадьяризов, богемизмов, латинизмов) в «культурном словацком языке» (ср. сб. «Старшая словацкая лексика в истории языковых отношений», [Staršia 2011]), продолжающее линию разработок Я. Дорули [Doruľa 1977].

К этому можно добавить, что авторитетность и общепризнанность данной теории в рамках словацкой лингвистики, с одной стороны, мотивировала ряд исследователей полностью отказаться от попыток описания механизмов формирования литературного языка донациональной эпохи как смешанного кода: в качестве примера здесь возможно привести мнение Я. Дорули о принципиальной невозможности сосуществования генетически чешских и словацких элементов в составе одного памятника [Doruľa 1969: 219–220]. С другой стороны, на этом фоне некоторые лингвисты вообще отказались от этнической характеристики памятников, созданных до появления первых кодификаций: такую точку зрения высказал Л. Дюрович, согласно которому этническая квалификация памятников добернолаковского периода в принципе невозможна во избежание появления в лингвистике «“патриотической мифологии”, а точнее сказать бессмыслицы» [Durovič 2004a: 251].

В работах словацких ученых последнего времени наблюдается сужение контекста употребления чешского литературного языка в Словакии до пределов богослужебной сферы словацких евангеликов, все же остальные области его функционирования отесняются на периферию культурно-языковой ситуации фактом признания исходно чешских текстов с тем или иным количеством словакизов памятниками «культурного словацкого языка». Очевидно, что сознательный (или скорее подсознательный) отказ большинства современных словацких лингвистов от исследования чешского языка, употреблявшегося на территории Словакии в XIV–XVIII вв., не только закрывает возможность разработки идеи о «словацкой линии развития литературного чешского языка» (ср. [Durovič 2004b]), но и обедняет наши представления о языковой ситуации в Словакии в указанный период.

Вместе с тем еще в трудах «отцов» теории словацких культурных языков Э. Паулини и Р. Крайчовича была намечена возможность исследования истории чешского языка в Словакии в контексте *сосуществования* чешского языка и культурного словацкого языков как в «старшую» (XIV–XVI вв.), так и в «младшую» (XVIII–XVIII вв.) докодификационную эпоху. В их трудах языковая ситуация в Словакии в указанный период описывается как сосуществование словацких культурных языков с определенными разновидностями чешского литературного языка. Среди этих разновидностей выделяются «древний несловакизированный чешский язык», «древний словакизированный чешский язык в XV в.», «древний несловакизированный чешский язык в XVI в.», «древний словакизированный чешский язык в XVI в.», «официальный — церковный, библейский — чешский язык», «словакизированный нормированный чешский язык», «словакизированный ненормированный чешский язык» [Pauliny 1983: 76–100, 104–117, Krajčovič 1991: 5–12]. Однако разобраться в подобном разнообразии языковых манифестаций возможно лишь на базе будущих обширных эмпирических исследований, на необходимость которых указывают исследователи, критически оценивающие сложившуюся в современной словакистике ситуацию [Лифанов 2001: 220; Lauersdorf 1998: 176–177, Giger 2006: 107].

Как отмечалось ранее, выделение критерия, который позволил бы отделить «культурный западнословацкий язык» от «словакизированного древнечешского», представляет значительную трудность. Здесь мы имеем дело с трудноразрешимой проблемой квалификации текста, содержащего определенное количество инородных элементов, в нашем случае словакизмов. Подобная проблема вставала перед составителями Исторического словаря словацкого языка при выборе источников для эксерпции, в связи с чем ими было предложено определение «памятника словацкого языка» — «такого рукописного либо печатного текста, который можно считать словацким не только в соответствии с происхождением автора, местом возникновения, характеристикой памятника и др., но и в соответствии с языком памятника». Однако кроме памятников, в которых словацкие языковые элементы обнаруживаются систематически и на всех языковых уровнях, в картотеку словаря были включены и данные

текстов, в которых словакизмы встречаются спорадически, правда, из подобных памятников черпались лишь отдельные словакизмы, а методика сплошной выборки не применялась. Получается, что памятники, послужившие базой для составления словаря, являются в различной степени «словацкими» (характеризуются разной степенью так называемой «slovacity», ‘словацкости’) [Historický 1991: 17]. Еще Э. Паулини, характеризуя особенности изучения памятников словацкой письменности, указывал на то, что «в наибольшей опасности находятся акты, авторами либо писцами которых были не чехи. [...] Во всех подобных случаях, если речь идет лишь об отдельных отклонениях, более приемлемым представляется исходить из предположения, что речь идет о чешском тексте. Словацкие особенности необходимо выделить. С другой стороны, существуют тексты, которые очевидно показывают, что писец не владеет чешской нормой, исходит из словацкого черновика, только “переписывая” его в литературной форме изложения. При этом он вносит в текст гиперкорректные богемизмы [...] и в то же время невольные словакизмы [...] В каждом случае, однако, возможно использовать и верно интерпретировать в качестве лингвистических аргументов отдельные слова, формы и сочетания из отдельных памятников» [Pauliny 1983: 98–99].

С последним тезисом невозможно не согласиться. «Степень словакизации» на данном этапе развития словакистики возможно определить лишь для отдельного текста либо группы текстов, однако «степень словакизации» всей словацкой письменности докодификационного периода пока что остается неясной — тем более что сравнительный анализ памятников письменности из различных регионов Словакии не проводился вплоть до работ К.В. Лифанова [Лифанов 2000, 2001, 2013]. Подобный анализ позволил К.В. Лифанову предложить новую концепцию истории словацкого литературного языка, согласно которой кодификация А. Бернолака опиралась на так называемый «словацкий литературный язык старого типа», а его источником, в свою очередь, была словацкая редакция чешского литературного языка, сложившаяся в ходе «гибридизации» древнечешского литературного языка и систем словацких диалектов. Появление словацкой редакции чешского литературного

языка в работах К.В. Лифанова объясняется действием механизма пересчета (термин В.М. Живова, ср. [Живов 1996: 32–34]), т.е. наложения системы литературного языка на речевые навыки говорящих на близкородственном языке. На основании анализа языкового материала, почерпнутого из различных памятников словацкой письменности XIV–XVII вв., К.В. Лифанов доказывает тезис о том, что истоки общесловацкой письменной традиции следует искать в древнечешском литературном языке. В рамках построения периодизации истории словацкого литературного языка в его работах определяется хронологическая граница существования словацкой редакции чешского литературного языка — временем ее превращения в самостоятельный идиом, уже не отражающий изменений, происходящих в языке-источнике (т.н. словацкий литературный язык старого типа), является конец XV — 40-е гг. XVI в. [Лифанов 2001: 207].

Достоинством работ К.В. Лифанова является не только привлечение к исследованию большого объема материала, рассматриваемого в сопоставительном плане, но и теоретическая ясность предлагаемой модели генезиса словацкого литературного языка. Вместе с тем в заключении своей монографии К.В. Лифанов пишет о том, что его труд представляет собой лишь самое начало изучения истории словацкого литературного языка на основе новых принципов, а приводимые им данные о процессах «видоизменения древнечешской языковой базы на уровне конкретных языковых элементов» нуждаются в уточнении и корректировке, которые станут возможными лишь при условии привлечения к исследованию большого количества источников и тщательного исследования их языкового облика [Лифанов 2001: 220].

В связи с описанной ситуацией нам представляется необходимым вернуться к исследованию памятников словацкого языка старшего докодификационного периода, и подобный возврат должен быть осуществлен в концептуальных рамках комплексного исследования проблематики чешской культурно-языковой экспансии за пределами чешской этнической территории. На то, что специфика истории чешского литературного языка в Словакии может быть выявлена только при сопоставлении происходивших в нем процессов с про-

цессами, протекавшими в чешском литературном языке в иных регионах, указывалось в работах М. Гигера [Giger 2006: 100, 102].

Далее в нашей работе анализируется язык грамот западнословацкого происхождения по методике, применявшейся в двух предыдущих главах. Материалом исследования послужило 136 грамот словацкого происхождения, опубликованных в следующих изданиях: грамоты с шифром Kn — Kniezsa 1952; Var — Varsik 1956, Mc — Macúrek 1958; Mcr — Macúrek 1969, Pram — Prameny 2002 (с.11–12). Как и в случае с силезским материалом, грамоты разделены нами на две группы — первая группа датируется XV — 1-й пол. XVI в. (97 грамот), вторая — 2-й пол. XVI — XVII в. (39 грамот). Отдельно необходимо отметить, что в силу объективных причин, связанных с доступностью текстов для исследования, грамоты западнословацкого происхождения (136) в нашем исследовании значительно преобладают как над грамотами малопольского (36), так и верхнесилезского происхождения (82), и в этой связи результаты их исследования представляются наиболее доказательными.

4.2. АРХАИЧЕСКИ-РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В ГРАМОТАХ ЗАПАДНОСЛОВАЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

4.2.1. Диссимилиация $\check{s}\check{c} > \check{s}\check{t}'$

Консонантное сочетание $\check{s}\check{c}$ в западнословацком диалекте осталось без изменения — западнословацкие говоры характеризовала та же самая реализация рефлекса, что присутствовала в чешском литературном языке вплоть до XVI в., когда инновация $\check{s}\check{t}'$ становится нормой для чешских текстов (ср. чеш. ještě, зпсл. ešče, чеш. šťastný, зпсл. šťastný) [Krajčovič 1988: 75; Komárek 1969: 140; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 124].

В старшей группе грамот западнословацкого происхождения реализации данного рефлекса представлены приблизительно в равной степени с небольшим преобладанием чешской инновации ($\check{s}\check{c}$ — 32, $\check{s}\check{t}'$ — 39 примеров): Kn1-1432 giesscze, Kn16-1479 lide Brumowszczi y Lednitszczi, Kn24-1483 zassczy, przyszczieho, Kn47-1507 przisszczie, Var24-1519 pani skaliczczý, Var57-1531 esscze, Var100-1538 jesscze, Var215-1546 przisszczi; Kn26-1484 zwlasstie, wypustem, Kn49-1508

sluzebniczy biskupssty, Kn63-1519 nebosstiku, kzesstianssty, gesstie, Var63-1532 vzasstie, Var174-1544 sstiesti, Var192-1545 przypusstieny, jesstie, nebosstika, Var209-1546 nebosstika, jesstie, Var223-1548 przisssti[h]o, Var231-1549 zsstiesti, puosstieno, Var236-1549 sstiesti, Var243-1550 sstiesti, sstiasstnie. Наличие достаточно большого количества написаний *šč* в текстах 1-й половины XVI в., в период вытеснения этого варианта из чешского литературного узуса, по-видимому, подерживалось состоянием западнословацкого диалекта, сохранившего консонантное сочетание *šč* без изменения.

Вместе с тем со 2-й половины XVI в. в текстах западнословацкого происхождения, как и в текстах из Верхней Силезии, начинает очевидно преобладать вариант *št'* (*šč* — 6, *št'* — 26 примеров): Mc28-1552 *stěstí*, Potv1576 *stiasstne*, Záp-1599 *gesste*, pansstj, Mc169-1608 *zvláště*, Mcr197-1615 *zvláště*, *šťastného*, *opúšťějí*, Mcr25-1624 *obzvláště*, Mcr99-1639 *šťastného*, Mcr100-1640 *šťastného*, Mcr143-1648 *štiasstného*, *nekrestianským*, *nepúšťěli*, Mcr153-1651 *ještě*, Mcr216-1693 *stražnianští*. Интерпретировать данную ситуацию возможно следующим образом. На значительной территории распространения западнословацкого диалекта также представлен вариант реализации рефлекса **stj>št'*, совпадающий с чешским литературным языком [Atlas 1968: 301]. По-видимому, именно факт присутствия в западнословацких говорах варианта, совпадающего с реализацией рефлекса в чешском литературном языке XV–XVII вв., объясняет большую склонность писцов словацких грамот к чешской инновации, которая становится очевидной при рассмотрении соотношения количества примеров в текстах западнословацкого происхождения (6/26) и верхнесилезского происхождения (21/37) в одну и ту же эпоху.

4.2.2. РЕГРЕССИВНАЯ ПЕРЕГЛАСОВКА *aj>ej*

Регрессивная перегласовка *aj>ej*, прошедшая в чешском языке в XV–XVI вв. и последовательно фиксируемая в памятниках чешской письменности с XVII в., не имела места в истории словацкого языка (чеш. *najlepší>nejlepší*, слов. *najlepší*, чеш. *volaj>volej*, слов. *volaj*). Результаты перегласовки, однако, начинают последовательно фиксироваться в памятниках чешской письменности со значительным опозданием — с XVII в., в то время как в текстах XV–XVI вв.,

как правило, сосуществуют и перегласованные, и неперегласованные формы [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 116].

На протяжении XV — 1-й половины XVI в. подавляющее большинство текстов западнословацкого происхождения отражает старший вариант *aj*, который находил поддержку в западнословацком диалекте (*aj* — 51, *ej* — 12): Kn1-1432 *nepomahaite, najjasnejssieho*, Kn4-1459 *naiprw*, Kn14-1478 *nagprwe, wacze*, Kn29-1485 *naywieceze*, Kn47-1507 *naiprw*, Kn59-1515 *naujasnieyssie, naymilostiwieyssie*, Var41-1529 *tayno*, Var72-1535 *taynie, podajte*, Var174-1544 *nayvysy[m]u*, Var231-1549 *dayz*, Var236-1549 *day*, Var243-1550 *day*. Вероятно, значительно большее количество реализаций старшего варианта можно объяснить его совпадением с реализацией рефлекса в словацком языке, однако в отсутствие статистических данных о соотношении вариантов в чешском литературном узусе той эпохи это можно утверждать лишь предположительно.

Напротив, в текстах XVII в. более распространенным вариантом становится чешская инновация, хотя отражение старшего варианта реализации рефлекса также не выглядит изолированным (*aj* — 10, *ej* — 14): Mc189-1615 *nejmilostivějšího, nejspravedlivějšího, nejvyšší, tejna*, Mcr1-1621 *dej*, Mcr3-1621 *nejvíc*, Mcr25-1624 *nejprv*, Mcr75-1635 *nejprve, nejvíce*, Mcr86-1637 *nejmilostivejšího*, Mcr100-1640 *nejmilostivejšího*, Mcr106-1641 *nejpervy*, Mcr121-1621-1642 *uchovej*, Mcr121-1621-1642 *nejprvnější*; Mc61-1567 *najmilostivějšího*, Potv1576 *day*, Mc92-1578 *najmilostivějšího*, Mc109-1583 *najprve*, Mcr1-1621 *nocí včerajšej*, Mcr65-1632 *najspíše*, Mcr106-1641 *najprvej*, Mcr143-1648 *najprve*, Mcr146-1649 *najlepej*, Mcr206-1680 *onechdajšího*. То, что чешские тексты XVII в. уже практически не отражают старшего варианта *aj*, подтверждается как исследованиями по истории чешского литературного языка [Komárek 1962: 175], так и нашими наблюдениями над узусом доступных нам текстов чешского происхождения указанной эпохи. Учитывая достаточное количество реализаций в текстах 2-й половины XVI — XVII в. варианта *aj*, можно утверждать, что их узус в отношении передачи данного явления характеризуется оригинальной вариантностью *aj/ej*, причиной появления которой являлась поддержка старшего варианта ситуацией в местном диалекте.

4.2.3. РЕФЛЕКСЫ ДОЛГОГО $ó > uo > ú$ ($ů$) В ОСНОВЕ

Дифтонгизация долгого $ó$ осуществилась в диалектах чешского языка в XIV в., однако долгое $ó$, согласно Гебауэру, встречается в памятниках вплоть до середины XV в., что, по мнению Комарека, можно рассматривать как чисто орфографическое явление [Gebauer 1963: 243; Komárek 1962: 120]. Я. Порак, в свою очередь, отмечает, что литера o для передачи долгого $ó$ встречается в ряде печатных текстов даже в начале XVI в. В свою очередь, последующая монофтонгизация дифтонга $uo > ú$ (графически $ů$) проходит в диалектах в XV в., однако на письме дифтонг uo преобладает вплоть до 2-й половины XVI в., лишь медленно и постепенно уступая монофтонгу $ú$ [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 113–114; Porák 1983: 65].

В различных говорах западнословацкого диалекта судьба долгого $ó$ была различной. Так, в северо-западных западнословацких говорах (в тренчинской области) $ó$ подверглось дифтонгизации $ó > uo$ ($kuoň$, $stuol$). На крайнем западе словацкой этнической территории, в области распространения загорских говоров, долгое $ó$ также дифтонгизировалось $ó > uo$, однако впоследствии дифтонг uo исчез в ходе новой монофтонгизации $uo > ú$, т.е. фонологическое развитие происходило схожим с чешским языком образом (зпсл. $kůň$, $stůl$ — чеш. $kůň$, $stůl$). Во всех остальных говорах западнословацкого диалекта дифтонгизации не происходило ($kóň$, $stól$) [Krajčovič 1988: 50–51].

Отражение рассматриваемого рефлекса в текстах западнословацкого происхождения свидетельствует довольно значительной близости грамот из Западной Словакии чешскому литературному узусу. Среди реализаций рефлекса до середины XVI в. преобладает дифтонг uo (74 примера), т.е. обычная для чешского литературного узуса XV — первой половины XVI в. реализация рефлекса долгого $ó$, поддерживаемая частью говоров западнословацкого диалекта: Kn1-1432 $buohda$, Kn11-1472 $wuole$, Var2-1483 $duom$, $zpuosobte$, Kn24-1483 $wuoly$, Kn49-1508 $zuostal$, $puogdu$, Kn59-1515 $spuosob$, $swuoy$, Var29-1526 $duom$ $muoy$, $puol$, Var79-1536 $vuoly$, $pozuostal$, Var192-1545 $duom$, Var198-1545 $buoh$, Var216-1547 $muoy$, $nemuoz$, Var231-1549 $muoy$, $Buoh$, Var236-1549 $muoy$, Var236-1549 $vuoz$, Var247-1550 $Buoh$.

В свою очередь, уже в XV — 1-й пол. XVI в. в текстах западнословацкого происхождения достаточно часто фиксируется монофтонг *ú* (40 примеров): Kn11-1472 wubecz, Kn14-1478 wubecz, zhury, pugde, swug, Kn47-1507 puyczeneho, w pul pieti, Kn63-1519 pozustalem, Var32-1527 vule, Var172-1543 dukladu, Var191-1545 zusal, Var192-1545 dum, pozustale, Var227-1549 svuj, spůsobem, nemuz, Var253-1550 muj. Этот факт представляется весьма примечательным в связи с тем, что время окончательного закрепления данной реализации рефлекса в чешском литературном узусе обычно относится только ко 2-й половине XVI в. [Porák 1983: 63–64], а случаи отражения нового монофтонга в исследованных текстах польского и силезского происхождения соответствующей эпохи единичны.

Монофтонг *ó* (*o*) в текстах XV — 1-й пол. XVI в. фиксируется в 20 случаях: Kn1-1432 mozete, zostati, Kn14-1478 zostal, pol, Kn15-1479 wobecz, Kn26-1484 wobecz, Kn27-1484 wobecz, Kn33-1491 wobecz, Kn49-1508 zostal, Kn50-1508 puyczeneho, Var69-1535 vobecz, Var95-1538 dotklivu, Var192-1545 Boh, Var207-1546 po nassy voli. Регулярно он встречается в словоформе vobec (ср. совр. чеш. vůbec), что, по-видимому, свидетельствует о лексикализации звукового вида этой лексемы.

В свою очередь, примечательно практически полное отсутствие монофтонга *ó* (*o*), находившего поддержку в большинстве западнословацких говоров, в текстах второй половины XVI — XVII в. В этот период преобладающим вариантом отражения рефлекса становится новый монофтонг *ú* (*ů*), нередко также в текстах отражается дифтонг *uo* (*ů* — 38, *uo* — 18 примеров): Mc61-1567 svůj, Bůh, Potv1576 spůsob, Mc95-1580 můj, Mc169-1608 zůstává, průchod, Mcr25-1624 vůlí, Mcr75-1635 může, důvody, Mcr124-1644 různice, nemůže, Mcr164-1654 vůlí, Mcr167-1660 můj, Mcr207-1681 při vůlí, zůstává, Mcr208-1682 můj, vůlí, spůsob; Mc63-1568 muoj, vuolí, Potv1576 spuosob, Buoh, Mc95-1580 muoj, vuole, Mc189-1615, nemužeme, Mcr75-1635 spuosobu, Mcr106-1641 vuolí, luožku.

По наблюдениям Я. Порака, дифтонг *uo* в чешских памятниках конца XVI в. отражается достаточно редко, а спорадические случаи его отражения в текстах XVII вв. обычно свидетельствуют о периферийном происхождении текста и могут объясняться локальными

фонетическими особенностями [Porač 1983: 65]. Именно таким образом, по-видимому, следует интерпретировать отражение дифтонга *uo* в текстах западнословацкого происхождения. Дело в том, что большинство грамот (9 из 10), фиксирующих дифтонг *uo*, было создано на севере Западной Словакии — в области распространения верхнетренчинского говора (район г. Жилина и г. Битча), в вокалической системе которого присутствуют дифтонги *uo*, *ia*, *ie*. В связи с этим написания *uo*, встречающиеся в текстах исследованных грамот, возможно трактовать как консервацию варианта, широко распространенного в чешском литературном узусе предшествующего периода, поддерживаемую системой местного диалекта (о других случаях отражения дифтонгов в северо-западнословацких грамотах см. ниже). Заметим, что в предшествующий период, в текстах XV — 1-й пол. XVI в. дифтонг фиксируется в текстах западнословацкого происхождения вне зависимости от их территориальной принадлежности. С другой стороны, трактовка соотношения вариантов реализации рефлекса долгого *ó* в текстах северо-западнословацкого происхождения как вариантности исторической, а не региональной, обоснована тем, что в позициях, нетипичных для чешского литературного языка, дифтонг *uo* в тексты практически не проникает (ср. единственный пример в форме род. п. мн. ч. сущ. жен. рода Msr74-1635 *huor* — чеш. *hor*).

Таким образом, тексты западнословацкого происхождения в большинстве своем отражают варианты реализации рефлекса долгого *ó* в соответствии с динамикой чешского литературного узуса XV–XVII вв. Исключение составляет группа текстов 2-й пол. XVI — XVII в., созданных в северо-западной Словакии, где под влиянием верхнетренчинского говора в грамотах сохранялся дифтонг *uo*, достаточно редкий для чешских памятников соответствующего периода.

4.2.4. РЕФЛЕКСЫ ДОЛГОГО *ó*>*uo*>*ú* (*û*) ВО ФЛЕКСИИ РОД. П. МН. Ч. СУЩ. МУЖ. РОДА

В чешском литературном узусе дифтонг *uo* во флексии практически полностью вытеснил исходный вариант реализации рефлекса *ó* к 20-м гг. XVI в., и, в свою очередь, к концу XVI в. сам

был вытеснен новым монофтонгом *ú* (графически *ů*) [Pogák 1983: 61–63, 65]. В свою очередь, большинство говоров словацкого языка характеризует флексия *-ov*; в говорах западнословацкого диалекта представлены различные реализации данной флексии — *ú* (загорский говор), *óv* (трнавский говор), *uov*, *vóv*, *vo* (верхнетренчинский говор) [Лифанов 2001: 55; Лифанов 2023: 36–48].

В текстах XV — 1-й пол. XVI в. варианты флексии представлены приблизительно в равной степени — с небольшим преобладанием инновации (*ov* — 26 примеров, *uov* — 31): Kn1-1432 panow, dworow, Kn29-1485 naklawow, Kn33-1491 hradow, Kn49-1508 panow, Var23-1516 panov, Var38-1528 susedov, Var94-1538 panov, Var215-1546 susedov, Var243-1550 listov; Kn4-1459 statkuow, Kn17-1479 panuow, le-suow, Kn27-1484 suduow, zmatkuow, Kn49-1508 domuow, Kn63-1519 sedlakuow, Var40-1529 kraluov, Var41-1529 panuov, Var77-1536 kraluov, klenotuov, Var79-1536 domuov, Var88-1537 kraluov, Var174-1544 lottuov, Var192-1545 kraluov, Var209-1546 lupeznikuov, Var231-1549 trhuov, Var236-1549 sauseduov. Новый монофтонг *ú* в генетивной флексии представлен в этот период значительно реже (9 примеров). В отличие от текстов силезского происхождения, где в XV — 1-й пол. XVI в. мы встречаемся с преобладанием варианта *-ov*, распространенного, по-видимому, под влиянием местных говоров, тексты, созданные в этот же период в Западной Словакии, отражают вариант, соответствующий реализации рефлекса в большинстве словацких говоров [Atlas 1978: 78–79; Krajčovič 1991: 60–61; Лифанов 2023: 47], в несколько меньшей мере, нежели чешскую инновацию — флексию *-uov*. Вместе с тем флексия *-ov* отражается в западнословацких текстах на всем протяжении рассматриваемого периода достаточно последовательно. Во 2-й пол. XVI — XVII в. вариант *-uov* значительно уступает (всего 4 примера) и начинает преобладать флексия с новым монофтонгом (*-ův/-ů* — 16 примеров): Mc28-1552 šuldpriefů, Mc63-1568 mejch...pánů, Mc95-1580 apoštolův, Mc197-1615 odtahův, Mcr25-1624 rybnikův, krejcarů, Mcr75-1635 od commisarův, Mcr138-1646 domův, Mcr164-1654 pánův, Mcr216-1693 od vrchův. Несмотря на это, ряд текстов этого времени по-прежнему характеризуется присутствием варианта *-ov* (15 примеров): Mc109-1583 časov, Záp-1599 konssalow, obywatelov, Mc169-1608 spoluoby-

vateľov, susedov, Mcr1-1621 spolusausedov, Mcr74-1635 chotárov, stavov, Mcr86-1637 panov bratrov, Mcr118-1643 pánov, postavov.

Сохранение в текстах второго периода флексии -ov может быть названо характерной чертой западнословацких текстов, поскольку данная флексия в памятниках чешского литературного языка в этот период уже практически не встречается [Porák 1983: 62], также ее не отражают исследованные тексты верхнесилезского происхождения.

4.2.5. РЕФЛЕКСЫ ДЛИННОГО $\acute{o} > uo > \acute{u}$ (ů) ВО ФЛЕКСИИ РОД. П. МН. Ч. СУЩ. МУЖ. РОДА

В западнословацком диалекте за исключением загорского говора представлена флексия дат. п. мн. ч. сущ. муж. и ср. род. -om [Atlas 1978: 81; Krajčovič 1991: 61], в то время как в чешском литературном языке поначалу преобладавшая флексия -om начиная с конца 30-х гг. XVI в. встречается все реже, она вытесняется флексией -ům [Porák 1983: 61].

В подавляющем большинстве случаев в исследованных грамотах XV — 1-й пол. XVI в. присутствует именно флексия -om (83 примера): Kn1-1432 towarzissom, Kn11-1472 przatelom, Kn24-1483 k panom ysspanom, vrednykom, Kn47-1507 erbom, wierzitelom, Kn63-1519 stawom, Var40-1529 przatelom, Var79-1536 przatelom, susedom, Var119-1540 przytelom, Var174-1544 Thurkom, Var220-1548 susedom, Var243-1550 panom. Значительно реже отражаются в текстах иные варианты, представляющие собой чешские инновации, начавшие проникать в чешские памятники в 30-х гг. [Porák 1983: 61] (-uom — 9, -um — 2 примера). Преобладание варианта -om сохраняется и в последующую эпоху — несмотря на то, что общее количество фиксаций грамматической формы дат. п. мн. ч. в текстах 2-й пол. XVI — XVII в. невелико, можно утверждать преобладание в них старшего рефлекса (-om — 9, -ům — 3 примера), находившего поддержку в западнословацком диалекте: Var247-1550 przatelom, sausedom, Var253-1550 panom, Mc28-1552 meščanom, Mc109-1583 dekretom, právom, kramárom, Záp-1599 panom, Mcr207-1681 novoosadníkom.

Таким образом, на всем протяжении рассматриваемого периода в текстах значительно преобладает вариант флексии -om. Его отражение в текстах XV — 1-й пол. XVI в. вполне соответствует чешскому

литературному узусу, однако в последующий период должно рассматриваться как отклонение от нормы, как диалектизм [Porák 1983: 61]. Сохранение варианта, поддерживаемого местным диалектом, в текстах западнословацкого происхождения 2-й пол. XVI — XVII в., таким образом, может быть названо характерной чертой их узуса (ср. подобную ситуацию в текстах из Силезии).

4.2.6. ФЛЕКСИЯ РОД., ДАТ. И МЕСТ. П. АДЪЕКТИВАЛИЙ ЖЕН. РОДА

В отличие от чешского литературного языка, в котором во всех трех падежах функционирует флексия -é, в словацком языке формы род., дат., мест. падежей обобщились по образцу дат. и мест. падежа и приобрели флексию -ej [Krajčovič 1971: 120–121]. Как отмечалось в предыдущих главах, не все случаи отражения данных рефлексов в грамотах одинаково показательны, тем более что в этой позиции, как и во многих других, мы зачастую встречаемся с вариантностью в тексте одной и той же грамоты (ср. ниже группы 6 и 7), а также с отражением в тексте такого распределения флексий, которое не было свойственно ни одному из живых языков, функционирующих в регионе (ср. группу 5).

Все исследованные грамоты распадаются на следующие группы (далее указывается количество грамот, отражающих то или иное соотношение флексий в первом/втором хронологическом периоде):

- 1) грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется флексия -é, в дат. и мест. п. — -ej (либо дат., мест. п. не фиксируются) — 11 грамот/4 грамоты;
- 2) грамоты, в которых форма род. п. не фиксируется, но присутствуют формы дат. и мест. п. с -ej — 12 грамот/4 грамоты;
- 3) грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется -é (либо форма род.п. не зафиксирована), в дат. и мест. п. — -é — 11 грамот/3 грамоты;
- 4) грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется -ej, в дат. и мест. п. — -ej (либо формы дат. и мест. п. не зафиксированы) — 25 грамот/19 грамот;
- 5) грамоты, в которых в род. п. фиксируется -ej, в дат. либо мест. п. — -é — 2 грамоты/1 грамота;
- 6) вариантность в род. п. -é/-ej — 10 грамот/4 грамоты;
- 7) вариантность в дат., мест. п. -é/-ej — 3 грамоты/0 грамот.

Как можно видеть, относительное большинство грамот как в первом, так и во втором периоде (25/19) отражает инновацию по образцу местного западнословацкого диалекта, в котором все три падежные формы обслуживает флексия *-ej*. Во 2-й пол. XVI — XVII в. примечателен рост количества грамот, отражающих соотношение флексий, соответствующее морфологии местного диалекта: доля подобных грамот от общего числа составляет почти половину (49%), в то время как в первый период составляет чуть больше четверти (26%).

В свою очередь, грамоты, отражающие чешскую инновацию — синкретическую флексию *-é*, представлены в гораздо меньшей степени (11/3). Заметим, что и общее количество фиксаций варианта флексии *-ej* значительно превосходит число фиксаций чешского варианта *-é* и в род. п. (70/44), и в дат., мест. п. (47/28). Исходя из этого, синкретическую флексию *-ej*, появлявшуюся в текстах под воздействием местного западнословацкого диалекта, можно назвать характерной чертой исследованных текстов, отличающей их от текстов, создававшихся на чешском литературном языке в чешских землях.

Кроме того, на всем протяжении рассматриваемого периода в грамотах из Западной Словакии представлена, пусть и несистематически, нетипичная для чешского литературного языка флексия *-ej* у адъективалий мягкой разновидности. Формы адъективалий мягкой разновидности с флексией *-ej* известны и ряду чешских памятников, однако их фиксации очень немногочисленны [Gebauer 1896: 487–488]; в доступных нам текстах XVII в. с территории Чехии и Моравии подобные написания также практически не фиксируются. Ср.: Kn1-1432 *nassey czti*, Kn67-1520 *z wyssey strany...z niznie*, Var29-1526 *v nassey cztney stolyczy*, Var107a-1539 *vszej rade*, Mc109-1583 *do božej vuole, všej pospolitosti*; Mcr1-1621 *nocí včerajšej*; Mcr86-1637 *z našej strany*; Mcr106-1641 *od obecnej matky našej zeme*; Mcr143-1648 *našej velikomožnej milosti...vinšujeme*; Mcr153-1651 *v našej strane, vašej milosti, poddaní jej opatnosti knížeckej*; Mcr207-1681 *našej dědiny*; Mcr208-1682 *dali...našej nebožtickej, od...paní kmotry našej*. Подобные формы никогда не становятся преобладающими, однако их наличие, а также рост их количества в текстах второго периода

(9 грамот — 23% от общего количества грамот 2-й пол. XV — XVII в.; в первый период — 6 грамот, 6%), специфично для текстов западно-словацкого происхождения.

4.2.7. Дифтонгизация *ú>ou*

Словацкий язык, в отличие от чешского, в говорах которого еще в конце XIII — начале XIV в. начался процесс дифтонгизации старого *ú*, сохраняет данную фонему без изменения [Komárek 1962: 165; Atlas 1968: 68]. Как отмечалось выше, результат дифтонгизации начинает отражаться в чешских памятниках только с 20-х гг. XVI в. [Porák 1983: 69–70].

В грамотах западнословацкого происхождения XV — 1-й пол. XVI в. значительно преобладает недифтонгизированный вариант реализации рефлекса *ú* (*ú* — 152, *ou* — 4 примера): Kn1-1432 *prziesen swu, gsu*, Kn4-1459 *przed sebu, slibugem...dobru wieru*, Kn11-1472 *czucz, przed plnu radu, gsu*, Kn14-1478 *buduczim, mudremu*, Kn33-1491 *czuczce, Kn47-1507 czucz, slibugeme...swu...wieru, przytisknuti*, Kn63-1519 *neysu*, Var39-1529 *mudrzy, susede*, Var91-1537 *sluzbu svu, sused*, Var215-1546 *susedom, mudry[m]*, *przed svathu katherinu*, Var253-1550 *lasku svu, susede, kupyme, mezu sebu*.

Дифтонг *ou* впервые фиксируется в тексте 1512 г.; большинство его реализаций, однако, относится к 30–40 гг. XVI в. Такая ситуация соответствует динамике проникновения инновации в чешские тексты. В этот период дифтонг представлен в текстах исключительно в основах слов и не затрагивает флексий. Наиболее последовательно дифтонг отражается в частотной лексеме *soused*, в которой он, по-видимому, лексикализуется; к концу периода *ou* также начинает довольно последовательно фиксироваться в лексеме *moudrý* и форме 3 л. мн. ч. глагола *být* — *jsou*.

В текстах 2-й пол. XV — XVII в. дифтонг *ou* начинает активно конкурировать со старым монофтонгом, и общее количество их реализаций становится приблизительно равным (*ú* — 38, *ou* — 35). Дифтонг *ou* в грамотах второго периода обнаруживается уже не только в основах, но и во флексиях — так, в частности, в формах вин. и твор. п. ед. ч. у адъективалий жен. рода: Mc189-1615 *službu svou, jasnost*

císařskou a královskú...pohledati, Mcr75-1635 na dobrou míli, Mcr141-1647 mezi...šlechtnou roctivou paní, у местоимений — Mcr118-1643 mezi sebou, а также в суффиксах деепричастий и причастий — Mcr75-1635 jedouce, Mcr118-1643 jsouce, mezi sebou, Mcr164-1654 budoucími. И все же число реализаций дифтонга во флексиях и суффиксах, как можно видеть, невелико.

Вариативность реализации данного рефлекса в текстах XVII в. становится значимой при учете того факта, что в текстах XVII в., происходящих из Чехии и Моравии, написания *í* уже выглядят исключением из правила [Porák 1983: 70]. Таким образом, аналогично текстам силезского происхождения, тексты, созданные в XVII в. в Западной Словакии, характеризуются оригинальной вариантностью, при которой на равных правах присутствуют и чешская инновация, и старый вариант реализации рефлекса, поддерживаемый ситуацией в западнословацком диалекте.

4.3. ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТАХ ЦЕНТРАЛЬНОЧЕШСКИХ ИННОВАЦИЙ КОНЦА XIV — XV в.

4.3.1. ПРОТЕТИЧЕСКОЕ v-

Протетическое v- оказывается наиболее ранним явлением рассматриваемой группы, отразившимся в текстах западнословацкого происхождения. Впервые это явление зафиксировано в тексте 1479 г. — Kn15-1479 wopolny rychtarzy. Протетическое v- достаточно последовательно отражается в текстах 1-й пол. XVI в. (43 примера), однако в последующий период практически не встречается (1 пример): Kn15-1479 wopolny rychtarzy, Kn33-1491 wodlowany, Var13-1512 vokazan bude, vod zienu mej, vsseczka vobec miesta Trnawy, aby vony vladly, Var26-1522 voni Zyde, Var70-1535 von, Var174-1544 vonych...sedmi lottuov, voznamiti, voznamujeme, vololni, voloko, voznameni, Var236-1549 vony, Var247-1550 vo to, vony, Mcr124-1644 nevokážete. Очевидно, что, в отличие от текстов силезского происхождения, где протеза отражается в большей степени, данное явление так и не стало стабильной чертой языка текстов, создававшихся в XVI–XVII вв. в Западной Словакии.

4.3.2. Сужение $é>í$

Достаточно распространенным в исследованных текстах западнословацкого происхождения отражается сужение $é>í$ (орфографически $ý$). Первая фиксация указанного явления относится к 1507 г. Большинство примеров на реализацию данного рефлекса в форме инновации присутствует в текстах первой половины XVI в.: Kп47-1507 wywoda, Kп63-1519 sie...plysti, Var31-1527 visti, Var77-1536 v druhu[m]...bili, Var107b-1539 czloveika chudyho z horniho dwbowyho, postihat svyho, na dobry wodie, Var192-1545 v psani svym, Var223-1548 vsseho dobry[h]o, Var243-1550 po svatym dusse (всего 27 примеров). В XVII в. количество фиксаций резко снижается (5 примеров). В основном указанный фонетический процесс встречается во флексиях адъективалий: в род. п. ед. ч. жен. рода (Var100-1538 s kiery pryczyny), в род. п. ед. ч. муж. и ср. родов (Var97-1538 czoz bude moznyho), в мест. п. ед. ч. муж. и ср. родов (Var192-1545 v psani svym), им. п. ед. ч. ср. рода (Kп59-1515 w pondiely hodny).

4.3.3. Дифтонгизация $ú>ej$

Ранее в литературе отмечалось почти полное отсутствие отражения данного процесса в текстах словацкого происхождения [Porák 1983: 138; Лифанов 2001: 140]. Действительно, в исследованных нами грамотах до 1539 г. дифтонгизация $ú>ej$ не отражается. Вместе с тем в последующий период ситуация меняется. Материал позднейших грамот позволяет утверждать, что дифтонг все же проникал в грамоты западнословацкого происхождения, пусть и в ограниченной мере. Дифтонг начинает фиксироваться в текстах с конца 30-х гг. XVI в., однако отражается он действительно достаточно редко (12 примеров на весь корпус текстов; 5/7). Ср.: Var107b-1539 dotejczze, Var129-1541 pano[m]...millaym, Var133-1542 przateluom...millaym, Var157-1543 vayss, Var157-1543 susedom...millaym, Mc63-1568 tejden minulej, na mejtĕ, na...danejm, mejtnej, Mc197-1615 bejti, Mcr100-1640 vejš psané, Mcr167-1660 vejš. Малое количество реализаций свидетельствует о том, что дифтонгизация $ú>ej$ оставалась чуждым для узуса текстов западнословацкого происхождения процессом (в отличие от текстов из Силезии).

4.3.4. Дифтонгизация $\acute{u} > ou$ в инициальной позиции

В большей степени в текстах западнословацкого происхождения отражается иная черта «свободного узуса» чешского литературного языка — дифтонгизация $\acute{u} > ou$ в инициальной позиции. Дифтонг представлен в текстах с 40-х гг. XVI в. вплоть до конца XVII в. (15 примеров, 7/8): Var63-1532 *aurzednika*, Var113-1540 *autery*, Var174-1544 *aurzad*, *autheri*, Var192-1545 *aurzadu*, Var231-1549 *aurzidu*, Var243-1550 *aurzadu*, Mc63-1568 *ouředníku*, Mc95-1580 *z ouřadu*, Mc189-1615 *na ouředníka*, Mcr118-1643 *podle ousudku*, Mcr146-1649 *pred ourad*, Mcr167-1660 *ourocky a útraty*, Mcr207-1681 *v ouníženosti*, Mcr216-1693 *ouřad*, *oustně*. В большинстве случаев дифтонг отражается в лексеме $\acute{u}řad$ — *ouřad*: в данном случае мы можем говорить о лексикализации фонетического изменения.

Отдельного внимания заслуживают случаи гиперкорректной передачи рассмотренных выше явлений, ср. Mc167-1660 *bejl*, Mcr124-1644 *Holejče* (чеш. *byl*, *Holíče*), Mc164-1654 *přitisknoul, spolou, bejl* (чеш. *přitisknul, spolu, byl*). Данные написания свидетельствуют о неудачной попытке создателя грамоты маркировать ее «чешский» характер.

Проведенное исследование приводит нас к выводу о том, что тексты западнословацкого происхождения при отражении явлений «свободного литературного узуса» чешского языка, являвшимися по происхождению инновациями центральночешского диалекта конца XIV — XV в., демонстрируют определенную специфику. Рассмотренные явления проникают в тексты западнословацкого происхождения в 1-й пол. XVI в. — то есть в ту же эпоху, что и в тексты, создававшиеся в Чехии, а также в Польше и Силезии (см. главы 2, 3). Однако в дальнейшем судьба центральночешских инноваций в письменности Западной Словакии оказалась отличной от иных регионов распространения чешского литературного языка. В то время как в чешских и силезских текстах количество реализаций явлений «свободного литературного узуса» к XVII в. возрастает, в текстах западнословацкого происхождения мы, напротив, фиксируем сокращение количества их реализаций (протетическое *v-*, сужение $\acute{e} > í$) либо проникновение их в тексты приблизительно в той же мере, что

и ранее (дифтонгизация $\acute{y} > e_j$, дифтонгизация $\acute{u} > ou$ в инициальной позиции). Таким образом, в узусе текстов западнословацкого происхождения со временем достаточно последовательно устраняются центральночешские инновации, чуждые словацкому языку.

4.4. ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ НОРМ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XV–XVI вв.

4.4.1. Фонологические инновации

4.4.1.1. Отражение чешских перегласовок $\acute{a} > e$, $\acute{u} > i$

В чешских памятниках XV–XVII вв. результаты перегласовок $\acute{a} > e$ (конец XII — XIII в.) и $\acute{u} > i$ (2-я четверть — 4-я четверть XIV в.) отражаются очень последовательно. Присутствие в текстах неперегласованных фонем *a* и *u* (либо их долгих эквивалентов) в позиции после мягкого обычно рассматривается как свидетельство периферийного происхождения текста: в восточноморавском и ляхском диалектах чешского языка перегласовки не имели места, также более древняя перегласовка $\acute{a} > e$ непоследовательно фиксируется в иных говорах Моравии [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 65, 70–71]. В свою очередь, в говорах словацкого языка подобных звуковых изменений также не происходило. Как отмечает К.В. Лифанов, наличие/отсутствие перегласовок является одним из наиболее ярких различий между чешским и словацким языками, пронизывающим всю морфологическую систему обоих языков и обуславливающим значительные типологические расхождения между ними [Лифанов 1995: 30–41].

Вместе с тем нельзя сказать, чтобы отсутствие перегласовок характеризовало значительное количество грамот из Западной Словакии. Отсутствие результата изменения $\acute{a} > e$ обнаруживается всего лишь в 12% текстов, созданных до 2-й пол. XVI в., причем по большей части в тексте грамоты встречается всего лишь одна неперегласованная форма (в общей сложности 15 примеров): Kn4-1459 panossa, Kn14-1478 gaczmena, pol korcza, semencza, ulowil zwira welike, Kn29-1485 desati, Var10-1509 perega, Var32-1527 haja toho, Var70-1535 ruznicza, Var209-1546 tehoz...masarza, Var215-1546 zastrayal, Var216-1547 za...Janossa.

Отсутствие результатов перегласовки 'u>i отражается в текстах еще реже — отступления от чешского узуса обнаруживаются только в 7% грамот (8 примеров): Kn15-1479 *drziel...moczu*, Var49-1530 *vas-su milost odbivath, z obczu mluvil*, Var215-1546 *na nedielyu*, Var220-1548 *neyaku praczu*, Var247-1550 *vassu mylost*, Mc92-1578 *za prácu*, Záp-1599 *gednu piwnicu*.

Со временем тексты начинают отражать перегласовку 'a>e несколько чаще, и после 1551 г. процент грамот, имеющих отступления от чешской нормы, составляет 22% (9 примеров); в свою очередь, перегласовка 'u>i в текстах 2-й половины XVI — XVII в. отражается максимально последовательно (зафиксирована лишь одна неперегласованная форма).

4.4.1.2. Отражение палатализованных согласных n', t', d' перед ě

Одним из характерных процессов развития чешского консонантизма является утрата корреляции согласных по твердости/мягкости; перестройка консонантной системы привела к выделению в отдельный палатализованный ряд фонем *n', t', d'* [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 89, 96].

В памятниках чешской письменности палатализация данных фонем обозначалась не всегда последовательно. Непоследовательность при обозначении палатализованных фонем проявлялась как в ошибочном обозначении палатализации, так и в ее необозначении. Я. Полак отмечает большее количество примеров на необозначение мягкости в памятниках моравского происхождения, на территории создания которых, вероятно, рефлекс в ряде позиций реализовывался иначе, нежели в литературном языке [Pořák 1983: 28–29].

Ошибки при обозначении фонем палатализованного ряда, присутствовавшие в собственно чешских памятниках на начальном этапе, возможно, способствовали проникновению в тексты, создававшиеся в Западной Словакии, очередной диалектной черты. В загорском, трнавском и верхнетренчинском говоре западнословацкого диалекта противопоставление твердых и мягких фонем *t'/t* и *d'/d* разрушилось в ходе процесса ассимиляции *t'>c'*, *d'>ž'* и последующего отвердения *c'>c*, *ž'>ž*. Оставшаяся изолированной фонема *n'* в большин-

стве западнословацких говоров также отвердела [Krajčovič 1991: 58; Лифанов 2023: 34]. Таким образом, различие чешских палатализованных и велярных фонем указанного ряда могло представлять для словацких писцов определенную трудность. В связи с этим в грамотах словацкого происхождения на всем протяжении исследуемого периода мы достаточно часто встречаемся со случаями отсутствия отражения палатализации *n'*, *t'*, *d'* (74 примера/34 примера): Kn1-1432 na Hodonyne, zraditi...falessne a zradne, ponewadz, tej zrade...pomohati, Kn14-1478 sedenym na Budethyne, nynegssim, w lane, gaki penes, stenamey, nektera, Kn33-1491 bez dety, Var17-1513 knezne, Var31-1527 ke mne, v thech, vsse rade...dan, Var72-1535 neiakym, Var124-1541 jedyne, nekde, neczo, Var216-1547 nekery[m], neyakeho, svobodne jezdyt, bezpeczne jezdyt, Mc28-1552 nejaké, Potv1576 dediny, na hospode, se...stiasne gmiti, Mc109-1583 přítelkyne, techto časov, chtel, Záp-1599 nahanel, Mc169-1608 v nem, nepochybne veríme, Mc197-1615 nejakého, Mcr1-1621 nejakový, pilne sem se vyzvedoval, Mcr65-1632 knežno, tech, učiněného, Mcr143-1648 pokorne žádajíce, Mcr146-1649 ponevadž, Mcr208-1682 velmi vdečne sme prijali, Mcr209-1682 na nedelu, Mcr209-1682 v Žiline.

В значительно меньшей степени представлено в текстах отражение мягкости в позициях, несвойственных чешскому литературному языку (13 примеров/3 примера): Kn1-1432 niedieli, Var29-1526 seditie, Var31-1527 nieuczynite, Var32-1527 stie racyly, Var49-1530 panie kmotre, Var57-1531 panie richtarzi, nebudie, stie, Var60-1532 mylostiem, Var70-1535 ode mnie, Var142-1542 susedie, dwbovenie, Var180-1544 panie rzichtaru, Var198-1545 panie rzichtarzi, Var227-1549 przede mnie, Potv1576 pocznie, Mcr3-1621 něch, Mcr207-1681 dněm.

Доля текстов, содержащих ошибки при отражении мягкости, во второй группе текстов возрастает (XV — 1-я пол. XVI в. — 43%, 2-я пол. XVI — XVII в. — 55%), однако возрастает она не столь значительно, как в случае рассмотренных иных явлений (утрата *ř*, йотация).

4.4.1.3. Ассимиляция *t'>c'*, *d'>z'>z'*

На территории чешского диалектного континуума результаты ассимиляции (*t'>c'*, *d'>z'>z'*) отражаются только в периферийных говорах — в ляшском (в отвердевшем варианте *c*, *z*) и, в меньшей степе-

ни, в восточноморавском диалектах [Bělič 1972: 262, 285], хотя ранее, судя по всему, область распространения данного явления была несколько шире [Gebauer 1963: 391, 405]. Ассибиляция в определенной степени находила отражение в памятниках древнечешской письменности, но ее фиксации очень немногочисленны [Gebauer 1963: 388–391, 404–405]. Написания *s*, *z* на месте *t'*, *d'* интерпретировались исследователями по-разному: так, М. Комарек видел в них лишь символы для передачи палатализованных *t'* и *d'*. Так или иначе, ассибилизированные формы хоть и отражаются в памятниках чешской письменности XIII–XVI вв., однако, судя по всему, находятся на абсолютной периферии литературного языка [Komárek 1969: 107; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 84; Лифанов 2001: 50].

В словацком языке процесс ассибиляции палатализованных (*t' > c'*, *d' > z'*) осуществлялся в некоторых говорах западнословацкой и во всех говорах восточнословацкой диалектных групп. Согласно Р. Крайчовичу, начало процесса можно отнести к первой половине XIII в. [Krajčovič 1971: 84]. Ассибиляция нередко отражается в древнейших текстах, происходящих с территории Словакии, однако со временем ее результаты практически перестают проникать в тексты. В особенности это касается памятников, создававшихся в Западной Словакии [Krajčovič 1964: 174; Лифанов 2001: 49, 144].

В исследованных нами грамотах западнословацкого происхождения ассибиляция отражается в очень ограниченной мере — она фиксируется лишь в 10 грамотах, причем 8 из них относятся к XV — 1-й пол. XVI в. Ср.: Kn14-1478 *medze, medza, scenamy, sstwrzcz, Var13-1512 toczyss, vienovaczy any tez prodati nemaju, v miescze Trnawie, Var49-1530 v mescze, pez vassij vessczy, Var57-1531 milossczy, dosczy, kratkossczy, uszczinnika, Var220-1548 meczy, Mcr206-1680 tejže hodzi-ny*. Согласный *s* в нескольких случаях встречается в форме прош. вр. глагола *chtít*, где может идти речь о лексикализации данного процесса: Kn29-1485 *chczeli*, Var38-1528 *chczely*, Var43-1529 *nechczel*, Var57-1531 *chczeli*, Var216-1547 *chczely*, Mcr74-1635 *chcel* (чеш. *chtěl*, слов. *chcel*). В случае передачи данного корня с согласным *s* также можно предположить влияние презентных форм *chci*, *chceš* и т.д. Впрочем, небольшое количество примеров в целом подтверждает наблюдения Р. Крайчовича и К.В. Лифанова о постепенном

вытеснении данной черты из письменного узуса памятников, создававшихся в Словакии.

Особое внимание следует обратить на отсутствие в текстах словацкой фонемы $dz < *dj$. В отличие от текстов польского происхождения, отражающих, хотя и очень непоследовательно, польский коррелят указанного рефлекса (ср. главу 2), в текстах, созданных на чешском литературном языке в Западной Словакии, несмотря на наличие в западнословацком диалекте фонемы dz , мы встречаемся исключительно с реализацией рефлекса по чешскому образцу (упрощение $*dj > z(dz) > z$). Объяснение этому факту может быть найдено в том, что проникновение в тексты фонемы dz приводило бы к усложнению системы чешского литературного языка. По-видимому, чешский язык, употреблявшийся в Западной Словакии, в отличие от аналогичной ситуации в Малопольше, был в меньшей степени проницаем для инноваций, ведущих к усложнению фонологической системы.

4.4.1.4. Утрата йотации губных согласных перед ё

В ходе общего процесса диспалатализации согласных в древнечешском языке мягкие губные p', b', v', f', m' частично утратили мягкость, а частично разложились: в слогах pe, be, ve, fe, me перед $e < *ě, *ę$ (графически в совр. чеш. ё) возникла йотация (pje, bje, vje, fje), в слоге mje впоследствии возникла назальная артикуляция $mn'e$ [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 90]. В большинстве говоров словацкого языка процесс депалатализации проходил иначе: йотация губных в этой позиции представлена в словацком языке лишь в крайнем загорском говоре на чешско-словацком пограничье [Krajčovič 1988: 210].

В грамотах западнословацкого происхождения XV–XVII вв. мы встречаемся с многочисленными случаями необозначения йотации губных (75 примеров/48 примеров): Kn1-1432 *tobe*, Kn14-1478 *namestek, ssest mericz, sobe, weczy, zawesyt*, Kn29-1485 *laskawie a milostiwe oppatrziti*, Kn33-1491 *dwema, k weczney rucze*, Var23-1516 *porozumely*, Var29-1526 *zbehly, mestie, k przatelskey smluve*, Var94-1538 *mely, veczi, verzim*, Var180-1544 *radne a pocztive zachoval*, Var253-1550 *dvema, nedoverzilj*, Potv1576 *swedomi, sobe, petisteho*, Mc109-1583 *příznive laskavá, vyrozumel, sobe, veky*, Záp-1599 *mes-ta, clowek, wec, dowedel se*, Mc169-1608 *v dobrej pameti*, Mc197-

1615 mesíce, vyrozumeli, Mcr3-1621 svetlých, sobe, mesto, Mcr74-1635 vzkazujem verne rád, vyrozumel, Mcr138-1646 sobe, vyrozumel, Mcr153-1651 mel, Mcr208-1682 vyrozumeli, Mcr209-1682 mejte, Mcr209-1682 vedomost, meste.

В гораздо меньшей степени в текстах представлено гиперкорректное обозначение йотации (4 примера/1 пример): Kn26-1484 upiewnienie, Var32-1527 biez, Var49-1530 nevviesly, Var157-1543 jenz slovie Zlodiegiowecz, M25-1624 zaměšknání. Примечательно, что процент грамот, отражающих ошибки при передаче йотации, со временем значительно возрастает (первая группа — 37%, вторая группа — 68%). При этом среди текстов 2-й половины XVI — XVII в. присутствуют такие, где йотация не обозначается вообще (напр. Mc92-1578, Mcr74-1635).

Необозначение йотации в текстах словацкого происхождения на начальном этапе, по-видимому, поддерживалось sporadической утратой обозначения йотации в чешском литературном узусе (ср. [Pogák 1983: 35]), однако со временем рост количества ошибок при обозначении йотированных форм приводит к тому, что утрата йотации становится одной из характерных черт узуса грамот 2-й пол. XVI — XVII в.

4.4.1.5. Утрата ř

Возникновение фонемы ř из r' в чешских диалектах относится к XIII в. В целом памятники отражают эту фонему очень последовательно, однако, по наблюдениям Я. Порака, даже в самых строгих в отношении графики печатных текстах встречаются ошибки при ее передаче, которые, судя по всему, могут быть объяснены несовершенством типографской практики. Помимо этого, в работе Я. Порака указывается на sporadические ошибки при отражении ř в составе письменных памятников с территории чешско-словацкого пограничья, однако количество подобных отклонений от нормы минимально [Pogák 1983: 24–27]. В словацком языке, как известно, мягкое r' отвердело, и наличие/отсутствие фонемы ř является характерной чертой, решительно разделившей чешский и словацкий диалектные континуумы [Krajčovič 1991: 68; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 85].

В грамотах, происходящих с территории Словакии, в течение всего рассматриваемого периода мы довольно регулярно встречаемся с заменой фонемы *ř* фонемой *r* (37 примеров/46 примеров): Kп14-1478 prytomny, dobri lyde, richtar, prysažnymi, Kп29-1485 lide dobry, hospodar, Var17-1513 dobry lide, Var25b-1522 vieryme, Var38-1528 mudry...przietelee, Var100-1538 s kiery pryczyny, dobre varovaly, uredniczy, Var191-1545 v stredu, Mc61-1567 při...velebnosti císařské, Potv1576 rychtar, predkem, pred, rekne, Mc109-1583 krivdu, kramárom, úradu, Záp-1599 rychtar, predkom, cysarskeho, Mc169-1608 veríme, Mc197-1615 cedulí rezanú, Mcr3-1621 nepriešel, Mcr65-1632 neprestávám, prijala, prečtla, temer, Mcr74-1635 príтели, pri, Mcr138-1646 prijal, Mcr153-1651 predopsaného, přátelsky, Mcr208-1682 kmotre, pripovídáme, pri sobe.

Кроме того, многочисленны случаи гиперкорректного обозначения фонемы *ř* (30 примеров/6 примеров): Kп15-1479 kterzak, dom kterziz gest, na swu wierzu, Kп33-1491 dobrzich lidy, na dobrze lidi, peczety kerzimy, Var23-1516 na dobrze lidy, Var29-1526 na dobrzem kvasy, dobrzych lidj, dobrzymi lidmy, Var139-1542 uterzy, Var215-1546 przaly...vssetko dobrze, rzichtaru, Var220-1548 przejeme...vsseczko dobrze, o nekterzy statek, Mc92-1578 dobrého, veřne, dobrů vedomost, Mc109-1583 dobrého, dobrřim...přítelem, Mcr75-1635 patřně.

Обращает на себя внимание значительный рост процента грамот, в которых нерегулярно обозначается *ř*, к XVII в.: если среди грамот XV — 1-й пол. XVI в. грамот с ошибками всего 22%, то в последующий период процент подобных текстов возрастает до 63%, причем почти треть текстов 2-й пол. XVI — XVII в. (11 грамот) демонстрирует вообще полное отсутствие фонемы *ř*.

Иным свидетельством тенденции к устранению фонемы *ř* из узуса текстов западнословацкого происхождения во 2-й пол. XVI — XVII в. является резкое сокращение количества гиперкорректных написаний, которые были характерны для предшествующего периода и свидетельствовали, по-видимому, о стремлении создателей грамот следовать норме чешского литературного языка. Меньшее число гиперкорректных написаний может быть объяснено тенденцией к упрощению системы чешского литературного языка в Западной Словакии под воздействием местного диалекта.

Итак, постепенная утрата фонемы *ř*, которая началась еще в древнейший период словацкой письменности [Лифанов 2001: 26],

может быть названа ярчайшей отличительной чертой разновидности чешского литературного языка, функционировавшего в Словакии. Наиболее полную реализацию эта тенденция находит в текстах XVII в.

4.4.1.6. Отражение дифтонгов *ie*, *ia*, *uo*

Задача квалификации дифтонгических написаний как местных диалектных особенностей в памятниках западнословацкого происхождения достаточно трудна. Дифтонги являются характерной особенностью среднесловацкого диалекта, из области распространения которого они проникли также на ограниченную территорию западнословацкого диалекта, в верхнетренчинский говор. При этом дифтонги *ie*, *uo* в данном говоре представлены несколько шире, чем *ia* [Krajčovič 1988: 48–51, 229; Лифанов 2023: 37]. Вместе с тем в чешской графике в XV–XVI вв. еще присутствовал старший диграфический способ обозначения слогов *že*, *ža* как *zie*, *zia*, а также нередко встречалось избыточное обозначение палатализации — *žie*, *žia* [Porák 1983: 20–21]. Кроме того, фонологическая система древнечешского языка на определенном этапе развития также характеризовалась наличием дифтонгов *ie*, *uo* [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 110–113]. Таким образом, далеко не каждое дифтонгическое написание в грамотах, происходящих с территории распространения верхнетренчинского говора, может быть признано диалектизмом.

Тем не менее в ряде исследованных текстов из северо-западной Словакии действительно представлены *ia*, *ie*, *uo* в позициях, несвойственных подобным сочетаниям в древнечешском литературном языке:

ia — Kn67-1520 *sedliaky*, *wissnia strana*, Var29-1526 *žyalujicze*, *žadnemu*, *žadame*, Mc109-1583 *v jiných...veciach*, Mcr106-1641 *poručiam*, *ziadám*, *pol piata sta*, Mcr138-1646 *činia*, Mcr216-1693 *nespuštiam*;

ie — Kn14-1478 *rjeki*, *rieku*, Mcr3-1621 *bielých postavuov*, *s vymienkú tú*, *miesto*, *nepriešiel*, Mcr106-1641 *tye aby...vyplatila* Mcr146-1649 *vie*, *odbieral*, *dalšieho*, Mcr216-1693 *nižie*, *naše pastýrie*;

uo — Mcr74-1635 *huor*.

Со 2-й половины XVI в. количество фиксаций дифтонгов постепенно возрастает (XV — 1-я пол. XVI в. — 8 примеров, 2-я пол. XVI — XVII в. — 17 примеров), однако все же их наличие не становится чертой, последовательно характеризовавшей язык чешских грамот, создававшихся в северо-западной Словакии.

4.4.1.7. Окказиональные явления

Иные словацкие диалектные явления представлены в грамотах западнословацкого происхождения значительно реже. Среди них выделяются:

- 1) отсутствие инициального *ji-*: Var57-1531 *ysczinnika*, Var94-1538 *yne[m]u*, Var100-1538 *ynnych*, Var142-1542 *yste mi verte*, *ych*, Var172-1543 *ysteho*, *ynssiho*, Záp-1599 *yssel*, Mcr65-1632 *istí*;
- 2) слоговое *l* в сочетаниях **ьl*: Kn24-1483 *slpy*, Var94-1538 *vy-tlkaju*;
- 3) отражение словацкого рефлекса редуцированного **ь*: Mcr153-1651 *predopsaného* (чеш. *předepsaného*);
- 4) вставной гласный в сочетаниях **ьr*, **ьl*¹⁷ — **ьr*: Kn14-1478 *potwzereny*, Kn33-1491 *zwerchupsaneho*, Var59-1532 *skerze*, Var73-1535 *oppaterny*, Var96-1538 *oppaterny*, Mcr106-1641 *nejprevy (!)*, **ьl*: Mcr206-1680 *pelno*, Mcr209-1682 *pelno*;
- 5) форма причастия на *-l* муж. рода с вставным гласным, причем как в западнословацком варианте (Var29-1526 *rzekel*), так и в варианте, свойственном среднесловацкому диалекту и отчасти трнавскому говору западнословацкого диалекта (Var172-1543 *mohol*);
- 6) словацкий вариант реализации корня *svobod-* с согласным *l*: Kn14-1478 *slobodyl*, *slobodny*, Var10-1509 *czinim slobodne*, Var45-1529 *oslobosujeme*, *slobodna*, Var49-1530 *slobodu*, Var142-1542 *na slobodney czestie*, Mcr3-1621 *slobodne* (чеш. *svobodný*, *svobodně*; слов. *slobodný*, *slobodne*).

Также в текстах западнословацкого происхождения присутствуют иные нетипичные явления для чешского литературного узуса XV–XVII вв. явления, которые не могут быть объяснены влиянием местного западнословацкого диалекта:

¹⁷ Ныне отсутствие слоговых характеризует лишь загорские говоры словацкого языка, однако в XV–XVII вв. это явление, как можно заключить из приводимых примеров, было представлено шире.

- 1) передача древнечешской формы возвратной частицы как *sie* и неэтимологические написания слога *se* как *sie* в иных случаях: Kn33-1491 *sie...postavowaty*, Kn49-1508 *wzali...sie*, Var23-1516 *sie postavijt*, Kn63-1519 *sie...poddawagicz*, Kn63-1519 *sie...plysti*, Var24-1519 *sie...staly*, *byl siem*, Var32-1527 *divy[m] sie*, Var49-1530 *sie...ozstalo*, Var57-1531 *susiedom*, *susiedu*, *sie...neustavil*, *sie stavie*, Var60-1532 *zasie*, Var70-1535 *sie nestala*, Var96-1538 *sie...nestalo*, Var124-1541 *sie...przihodilo*, *mezie*, Var191-1545 *sie libilo*, Var207-1546 *jsie...zbehnuti*, Var227-1549 *sie...nestalo*, Var231-1549 *sie...dieje*;
- 2) иные неэтимологические написания с *ie*: Kn49-1508 *lyeznik*, Var29-1526 *naliely*, Var100-1538 *alie*, Var107b-1539 *alie*; Var32-1527 *kieru*, Var49-1530 *damie*, *mamie*, Var57-1531 *nieyakovie czinieni*, *nieyakovie staczoky*, Var57-1531 *smie*, *vierzimie*, Var100-1538 *kierym*, Var223-1548 *uznavamie*;
- 3) отражение *ch* в позиции *h*: Kn14-1478 *twaruoch*, Kn27-1484 *tisiczecho*, Var37-1528 *buch*, Var79-1536 *lechкости*, Var209-1546 *buch*, Mc109-1583 *Buoch*, Mcr121-1621-1642 *pan buch*, Mcr146-1649 *dluch*. Возможно, в данном случае речь идет о простой ошибке, вызванной оглушением звонкого в позиции конца слова.

4.4.2. Морфологические инновации

Морфология чешского литературного языка, употреблявшегося на территории Западной Словакии, также не оставалась неизменной. В текстах мы встречаемся с достаточным количеством морфологических диалектизмов, в первую очередь в системе форм имени:

- 1) достаточно распространены в текстах западнословацкого происхождения написания, отражающие различия между чешским и словацким языками в распределении флексий твердой и мягкой разновидностей склонения адъективалий. Наличие одного типа склонения для прилагательных твердой и мягкой разновидностей характеризует говоры западнословацкого диалекта, в частности, трнавский говор [Krajčovič 1988: 214–215, 218, 220], в то время как чешский язык имеет особую парадигму для каждого типа. В частности, в текстах встречаются ненормативные с точки зрения чешского литературного языка формы, в которых вместо флексии мягкой разновидности

- склонения прилагательных (-í, -ího, -ímu и др., ср. *cizí, cizího, cizímu*) представлена флексия твердой разновидности (-é, -ého, -ému ср. *novým, nového, novému*): Kn33-1491 *pro lepsse swodomie*, Kn27-1484 *tisiczecho*, Kn50-1508 *tisyczecho*, Var13-1512 *tisyczecho*, Var107a-1539 *popravne[h]o*, Mc109-1583 *všemohúceho, hlavnému, osveceného*, Mcr75-1635 *zanepřázdňení... domáce*;
- 2) в текстах встречается типичная для значительной части западнословацких говоров, а также для среднесловацкого диалекта флексия твор. п. ед. ч. существительных муж. и ср. родов -om [Krajčovič 1988: 207, Лифанов 2001: 88]: Kn14-1478 *wrchom*, Var25b-1522 *kderehoss zid dluznikom sobie poczita*, Var111-1540 *z Gregussom cziniti*, Var191-1545 *timto czasom*, Var216-1547 *z nekery[m] spolusedom*, Var220-1548 *z vassy[m] susedom, uc-zinily...pravo[m]*, Potv1576 *byl...porucznikom*, Mc109-1583 *panem Sunegom, z...nákladom*, Záp-1599 *s konssalom Martinom, spolu [s] vradom*, Mcr3-1631 *z Janom*;
 - 3) среди морфологических инноваций, характеризующих исследуемые тексты, обнаруживаются генетически западнословацкие формы указательного местоимения *ten* и числительного *jeden* в косвенных падежах ед. ч., а также общесловацкие формы во мн. ч. (в словацких диалектах они начали склоняться по образцу прилагательных [Atlas 1978:117, Krajčovič 1988: 128]): Kn1-1432 *na gednem*, Var43-1529 *v tem*, Var58-1532 *tym sedlakom*, Var73-1535 *k temuz stattku*, Var135-1542 *temu, v tym*, Var243-1550 *tych dvu mandatov*, Var253-1550 *po tem*, Mc92-1578 *na tem*, Záp-1599 *tich lydij, tjch*, Mcr106-1641 *od tych, do tychto*, Mcr206-1680 *tych...pobili*, Mcr209-1682 *týmito časy*;
 - 4) в нескольких случаях мы встречаем словацкую флексию -om в формах существительных *lidé* и *děti*: Var29-1526 *dietom*, Var72-1535 *lidom*, Var89-1537 *ludum* (чеш. *lidem, dětem*, слов. *ľuďom, deťom*);
 - 5) также в грамотах наблюдается типичное для западнословацких говоров [Atlas 1978: 89] расширение области функционирования флексии -ach на существительные жен. и муж. р. мягкой разновидности склонения: Var94-1538 *v pomoczach*, Var119-1540 *praczach neb robotach*, Mc109-1583 *v jiných...veciach*, Mcr138-1646 *v...znojach* (чеш. *pomocích, pracích, věcech*; зпсл. *pomocách, prácách, vecách*);

- 6) в текстах западнословацкого происхождения фиксируются генетически словацкие формы местоимений: Kn14-1478 *čo* (чеш. *co*, слов. *čo*), Var119-1540 *przu nom* (чеш. *při něm*, слов. *pri ňom*), Var215-1546 *v niczom* (чеш. *v ničem*, слов. *v ničom*), Mcr106-1641 *tye aby...vyplatila* (чеш. *ty*, слов. *tie*); кроме того, встречаются ошибки в падежных формах местоимений: Var29-1526 *od tobie* (чеш. *od tebe*, слов. *od teba*), Var57-1531 *o siebie* (чеш. *o sobě*, слов. *o sebe*); присутствуют также словацкие нестяженные формы притяжательных местоимений (ср. [Atlas 1978: 113]): Kn14-1478 *na zamku mogim*, Mcr3-1621 *mojím, mojich* (чеш. *mém, mým, mých*);
- 7) в исследованных текстах фиксируются многочисленные случаи склонения притяжательных местоимений *náš, váš* в косвенных падежах по образцу прилагательных. Данное явление в целом не характерно для говоров чешского языка, однако не находит и прямого соответствия в западнословацких говорах; по-видимому, его возможно интерпретировать как черту, свидетельствующую об искусственности письменного узуса в целом. Ср.: Var25b-1522 *nassiho*, Var29-1526 *nassymu*, Var49-1530 *vassy[m]u*, *vassy[h]o*, Var58-1532 *nassy[m]u*, Var59-1532 *nassy[h]o*, *vassy[h]o*, Var63-1532 *v miestie vassim*, Var90-1537 *vassy[h]o*, Var94-1538 *nassyho*, Var95-1538 *vassymu*, Var97-1538 *nassyho*, Var100-1538 *vassymu*, Var107b-1539 *nassyho*, Var119-1540 *nassy[m]u*, Var121-1541 *nassy[h]o*, Var164-1543 *nassy[m]u*, *nassy[h]o*, Var180-1544 *v meste vassy[m]*, *nassiho*, Var180-1544 *nassy[m]u*, Var192-1545 *nassy[h]o*, Var198-1545 *vassiho*, Var209-1546 *nassyho*, Var215-1546 *nassiho*, Var231-1549 *przu...vassim*, Mc61-1567 *našimu*, *našiho*.

В области морфологии глагола исследованные тексты стоят ближе к чешской литературной норме соответствующего периода. Вместе с тем здесь также обнаруживается несколько характерных диалектизмов:

- 8) в текстах присутствуют редкие случаи вытеснения генетически чешской глагольной флексии *-i (-u)* в 1 л. ед. ч. глаголов 1, 2 и 3 классов словацкой флексией *-m*: Var49-1530 *ya budem mossy*, Kn26-1484 *wypustem*, Var142-1542 *ya moczi budem yat*, Mc109-1583 *já...napomeněm*, Mcr1-1621 *offerujem*, Mcr65-1632 *budem*, Mcr74-1635 *vzkazujem*;

- 9) в исследованных грамотах присутствуют неперегласованные формы 3 л. мн. ч. наст. времени глаголов 1, 3 и 4 класса: Mcr138-1646 činia, Mcr143-1648 pobijú i nás samých že polapajú, Mcr216-1693 pášajú, obsahujú, Záp-1599 chtegu (чеш. pášou, čini, pobijí, obsahují, chtějí);
- 10) спорадически представлена в текстах форма кондициональной частицы 1 л. мн. ч., совпадающая со словацким языком, но также свойственная и чешскому обиходно-разговорному языку (чеш. bychom, чеш. обих.-разг. bysme, слов. by sme): Mcr121-1621-1642 bysme, Mcr216-1693 bysme, Mcr143-1648 bysme, abysme.

Таким образом, в грамотах словацкого происхождения мы встречаемся с разнообразными отступлениями от морфологической нормы чешского литературного языка XV–XVII вв., обусловленными воздействием местного диалекта, которые свидетельствуют об определенной степени адаптации чешского литературного языка в письменности Западной Словакии. Вместе с тем подобные отступления от нормы чешского литературного языка в текстах западнословацкого происхождения представлены достаточно несистематически и не становятся стабильной чертой узуса грамот.

4.4.3. ИННОВАЦИИ В ОБЛАСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СЛОВАКИЗМЫ

К наиболее распространенным инновациям в области словообразования относятся:

- 1) формы местоимения všetok: Kn14-1478 ode wssetkich, ze wssetkimi, Kn15-1479 wsseczy, Var215-1546 vssetko, Záp-1599 wssetkjm (чеш. všichni, všech, všem; зпл. všecci (šeci), všetkich, všetkim — ср. [Atlas 1978: 118]);
- 2) западнословацкие формы глагола být в прошедшем времени с корневым o/u: Var49-1530 daly byly slobodu, ya bola...daval, Var142-1542 bol zabył, bol...uczinił, bol...opatrził, Záp-1599 bolj wedelj, bolj neprigalj, Var180-1544 jest bul, Var220-1548 bulla ('byla') (чеш. byl, зпл. bol, bul — ср. [Atlas 1978: 171]);
- 3) формы глагола jít (слов. íšť) с начальным i-, характерные для всех говоров словацкого языка [Atlas 1978: 171]: Kn14-1478 gyde, Záp-1599 yssel, nejssel, Var73-1535 ziessel (чеш. jde, šel, слов. ide, išiel/šiel);

- 4) случаи замены чешского глагольного префикса *s-* словацким вариантом *z-*: Mc74-1635 *zejdú*, Mc75-1635 *zešli*, Mc77-1635 *zjetí*, Mc99-1639 *zjezd*, Mc167-1660 *znáší*, *zeznali*; Mc216-1693 *zcházejí* (чеш. *sejdou*, *sešli*, *sjet*, *sjezd*, *snáší*, *seznali*, *scházejí*);
- 5) случаи фиксации словацкого префикса *pre-* на месте чешского префикса *pro-*: Var29-1526 *predal*, Mcr146-1649 *predával* (чеш. *prodal*, *prodával*);
- 6) случаи образования пассивных форм и отглагольных существительных по словацкому образцу без чередования (*d/z*): Mcr75-1635 *odpovedené* (чеш. *odpovězené*, слов. *odpovedené*), Kn14-1478 *sedenym na Budethyne* (чеш. *sezení*, слов. *sedenie*).

Кроме того, в текстах в отдельных случаях представлены иные нестандартные для чешского литературного языка словообразовательные варианты, появление которых в тексте может быть объяснено воздействием местного западнословацкого диалекта: Kn14-1478 *započyna...se* (чеш. *začíná*, слов. *započína*), Kn14-1478 *opysanu* (чеш. *opsaný*, слов. *opísaný*), Kn29-1485 *se...dowedowali* (чеш. *dovídat se*, слов. *dovedovat' sa*), Var29-1526 *dokel sobie den vzaly* (чеш. *dokud*, слов. *dokiaľ*), Var84-1537 *niekto, kto* (чеш. *někdo*, слов. *niekto, kto*), Var94-1538 *pamataty* (чеш. *památovat*, слов. *pamätať*), Var107b-1539 *vyposzczal* (чеш. *vyřúčít*, слов. *vypožičať*), Var135-1542 *vynimka* (чеш. *vyjímka*, слов. *výnimka*), Var172-1543 *susedstvo* (чеш. *sousedství*, слов. *susedstvo*), Var191-1545 *statczek*, Var57-1531 *statczoky* (чеш. *statek*, слов. *statček*), Var215-1546 *zastrayal* (чеш. *strojit se*, слов. *zastrájať sa*), Potv1576 *ked p[red]stupil* (чеш. *když*, слов. *keď*), Mcr106-1641 *pet sto* (чеш. *pět set*, слов. *päťsto*), Mcr209-1682 *vyra-bovali, rabovali* (чеш. *porobit*, слов. *vyrabovať*).

Примечательно, что число лексических словакизмов в текстах западнословацкого происхождения невелико: Kn67-1520 *sprawowal ak rukama panskyma wídal* (чеш. *jestli*, слов. *ak*), Mc143-1648 *vresco* (чеш. *rytel*, слов. *vreće*), Mc206-1680 *chýri* (чеш. *sluchy*, слов. *chýry*), Var253-1550 *ponukal* (чеш. *nabízet*, слов. *ponúkať*), Mcr208-1682 *teraz* (чеш. *teď*, слов. *teraz*).

4.5. ВЫВОДЫ

В целом грамоты западнословацкого происхождения достаточно последовательно отражают генетически чешские реализации как фонетических, так и морфологических рефлексов. Обнаруживающиеся в текстах отступления от чешского литературного узуса в большинстве случаев реализуются непоследовательно.

При отражении явлений, реализовавшихся в чешском литературном языке рассматриваемой эпохи вариантно, в том случае, если старший вариант совпадал с отражением того или иного рефлекса в западнословацком диалекте, тексты западнословацкого происхождения не демонстрируют преимущественного отражения именно этого варианта. Так, в грамотах XV — 1-й пол. XVI в. обнаружено конкурентное употребление сочетаний *šč/šř'*, дифтонга *uo* и монофтонга *ó* (также и во флексиях *-uov/-ov*). Преобладание в текстах XV — 1-й пол. XVI в. старших реализаций рефлексов *aj* и *ú*, совпадающих с западнословацким диалектом, находит объяснение в системе самого чешского литературного языка, в котором дифтонгические инновации *ej* и *ou* закрепятся только во 2-й пол. XVI — XVII в.

В свою очередь, исследование соотношения вариантов в текстах 2-й пол. XVI — XVII в. приводит нас к выводу о том, что в узусе текстов словацкого происхождения, как правило, побеждает не реализация, совпадающая с западнословацким диалектом, а чешская инновация (ср. преобладание в текстах второго периода новых вариантов реализации рефлексов — *šř'*, *ej*, *ú* (*ů*), *ou*). Однако примечателен тот факт, что старший вариант из текстов устраняется очень непоследовательно, и таким образом возникает архаически-региональная вариантность старшего и младшего вариантов реализации рефлексов. Подобная вариантность отличает тексты западнословацкого происхождения от текстов, создававшихся в соответствующий период в чешских землях. В текстах западнословацкого происхождения 2-й пол. XVI — XVII в. обнаруживается консервация того состояния, которое характеризовало чешский литературный язык в первой половине XVI в.

К специфическим чертам текстов западнословацкого происхождения на всем протяжении рассматриваемого периода также отно-

сится большая частотность нестяженной синкретической флексии -ej в формах род., дат. и мест. п. адъективалий жен. рода твердой разновидности, а также проникновение этой флексии в парадигму склонения адъективалий с мягким конечным согласным основы. Иной характерной чертой языка исследованных грамот, отличающей их от текстов чешского происхождения, оказывается флексия дат. п. мн. ч. сущ. муж и ср. родов -om, последовательно представленная в текстах XV–XVII вв. Доля грамот, отражающих указанные явления, с течением времени возрастает.

Далее, тексты западнословацкого происхождения оказываются в определенной степени проницаемыми для центральночешских инноваций. Наибольшее распространение в текстах находят результаты сужения $\acute{e} > \acute{i}$, а также протетическое *v-*. Обращает на себя внимание динамика проникновения указанных инноваций в тексты из Западной Словакии. В отличие от текстов, создававшихся в Силезии, где с течением времени мы обнаруживаем рост количества отражений центральночешских инноваций, тексты словацкого происхождения, напротив, во 2-й пол. XVI — XVII в. демонстрируют сокращение числа их фиксаций либо отражение данных явлений в той же мере, что и в предшествующий период. Очевидно, что явления «свободного литературного узуса» чешского языка, достаточно активно проникавшие в тексты, создававшиеся в Западной Словакии в 30–40-х гг. XVI в., не становятся обязательными элементами местного литературно-письменного узуса. В этом заключается следующее отличие текстов западнословацкого происхождения от текстов, создававшихся на чешском литературном языке в иных регионах его распространения.

Наиболее ярко специфика текстов западнословацкого происхождения проявляется в упрощении фонологической и графической систем чешского литературного языка, обусловленном воздействием местного диалекта. Из текстов с течением времени достаточно последовательно устраняется нетипичная для говоров словацкого языка фонема \check{r} , значительно реже начинает обозначаться йотация губных, а также мягкость палатализованных согласных. Примечательно, что среди текстов XV — 1-й пол. XVI в. рассматриваемые явления характеризуют значительную, но все же меньшую часть гра-

мот, а в позднейший период мы встречаемся с последовательным и, вероятно, сознательными отступлениями от чешских норм.

Вместе с тем словацкие диалектизмы проникали в тексты в небольшой степени. Ряд диалектных явлений (отсутствие перегласовок, словацкие дифтонги, особенности парадигмы склонения указательного местоимения *ten*) в текстах XVII в. встречается чаще, чем в предшествующий период, однако они не могут рассматриваться как дистинктивные признаки идиома, функционировавшего в деловой корреспонденции Западной Словакии в XVII в., поскольку проникают в тексты крайне несистематически. В отношении иных отступлений от нормы говорить о подобной динамике вообще не представляется возможным — спорадически представленные в грамотах XV–XVI вв., они лишь изредка появляются в текстах XVII в., и, следовательно, не могут рассматриваться как постоянные отличительные признаки данного идиома.

В целом тексты западнословацкого происхождения характеризует стремление к упрощению системы чешского литературного языка (в первую очередь в области фонологии) и стремление к консервации предшествующего состояния чешского письменного узуса. Наиболее последовательно данные тенденции проявляются в текстах XVII в. Все вышесказанное, по нашему мнению, позволяет рассматривать совокупность процессов, происходивших в чешском литературном языке в XV–XVII вв. в Западной Словакии, как *адаптацию* чешской языковой основы к говорам западнословацкого диалекта. Собственно локальные словацкие явления отражаются в текстах хотя и в достаточной мере, однако несистематически. Характер изменений системы, обусловленных внутренними потенциями самой системы (упрощение, консервация) в сочетании с несистематичностью отражения в текстах диалектных явлений и не дают оснований для квалификации языка деловой корреспонденции даже на позднем этапе, в XVII в., как чего-то принципиально отличного от чешского литературного языка (ср. используемый в словацкой лингвистике термин «культурный словацкий язык»). Вместе с тем по сравнению с текстами, создававшимися на чешском литературном языке в XV–XVI вв. в Малопольше и в XV–XVII вв. в Силезии, тексты словацкого происхождения при отражении нетипичных для чешского пись-

менного узуса явлений демонстрируют наибольшую степень последовательности.

Указанная тенденция продолжится в последующие периоды словацкой культурно-языковой истории: в XVII–XIX вв. историю словацкого литературного языка будут характеризовать процессы постепенного отмежевания от чешского литературного языка на различных уровнях [Лифанов 2001: 210–209]. Так, в частности, суть кодификации А. Бернолака 1780-х гг. нередко описывается в словакистике как постепенная элиминация из языка западнословацкой письменности богемизмов. В свою очередь, Л. Штур в своей кодификаторской деятельности 1840-х гг. разрывает с традицией «словацкого литературного языка старого типа», сложившегося в ходе взаимодействия чешского литературного языка и говоров западнословацкого диалекта, и кладет в основу новой версии словацкого литературного языка среднесловацкое фольклорное койне. Как было показано выше, предпосылки подобной линии «дебогемизации» в развитии словацкого литературного языка намечаются уже в процессе видоизменения чешской языковой основы, которую мы можем наблюдать в языке западнословацкой деловой корреспонденции XVI–XVII вв.

Заключение

В монографии были рассмотрены особенности языка деловой корреспонденции, создававшейся на чешском литературном языке за пределами его этнической территории в XV–XVII вв. — в Малопольше, Верхней Силезии и Западной Словакии. Исследование текстов проводилось в рамках единой оригинальной методики. Выполнение поставленных задач предполагало, во-первых, изучение распределения в тексте вариантов, характеризовавших чешский литературный язык соответствующего периода. Во-вторых, необходимо было определить время проникновения в тексты фонетических инноваций центральночешского диалекта конца XIV — XV в., представленных в чешском литературном узусе XV–XVII вв. непоследовательно, а также частотность их употребления в текстах, создававшихся за пределами чешских земель. В-третьих, изучение чешского литературного языка, функционировавшего за пределами этнической территории, было бы невозможным без рассмотрения вопроса о степени проницаемости текстов для фонетических, морфологических и лексических диалектизмов.

Исследование привело нас к общему выводу о том, что чешский язык, употреблявшийся в XV–XVII вв. за пределами его этнической территории, характеризовался достаточно высокой стабильностью.

В первую очередь это проявляется в характере отражения в текстах вариантов, в той или иной мере характеризовавших чешский литературный язык XV–XVII вв., в тех случаях, когда один из вариантов совпадал с реализацией того же самого рефлекса в диалектах Малопольши, Верхней Силезии либо Западной Словакии. Мы называем такую вариантность архаически-региональной, т.к. при ее рассмотрении перед нами стоит вопрос, являются ли обнаруживающиеся в текстах старшие варианты свидетельством консервации предшествующего состояния системы чешского литературного языка (историческая или архаическая вариантность) — либо мы можем рассматривать подобную вариантность как региональную, и в этом случае подобные написания следует интерпретировать как

отражение локальных диалектных черт. Проведенное исследование приводит нас к выводу о том, что в отношении сохранения в текстах XV–XVII вв. первичной древнечешской реализации различных рефлексов тексты, создававшиеся за пределами чешской этнической территории, в основном соответствуют текстам, создававшимся в Чехии и Моравии. Вместе с тем достаточно длительное (вплоть до XVII в.) присутствие в текстах старших вариантов реализации отдельных рефлексов может объясняться их соответствием местному говору. Таким образом, воздействие диалекта могло проявляться в появлении в текстах оригинальной вариантности при отражении старшей и младшей реализаций рефлекса — в том случае, если старшая реализация соответствовала варианту, представленному в системе родного говора создателя грамоты. В наиболее отчетливой форме описанный процесс выявляется в текстах XVII в., когда тексты силезского и западнословацкого происхождения в большинстве своем достаточно последовательно отражают вариантность, уже не свойственную чешскому литературному языку соответствующей эпохи, в котором уже очевидно преобладает инновация.

Иным свидетельством сохранения общей структуры чешского литературного языка в различных областях его надэтнического употребления является отсутствие сколько-нибудь систематического проникновения в тексты диалектизмов, которое могло бы свидетельствовать об осознанном отступлении от норм чешского литературного языка в пользу вариантов, представленных в диалектах соответствующих регионов. Наибольшую степень проникновения локальных элементов мы обнаруживаем в небольшой группе текстов польского происхождения, относящихся к периоду 1473–1492 гг. Тот факт, что в текстах этой группы тем не менее отражаются все те диалектные явления, которые, пусть и в меньшей степени, представлены в иных текстах польского происхождения, позволяет нам утверждать, что языковой облик грамот данной названной нами гибридной группы текстов отражает потенциал изменения системы чешского литературного языка на территории Польши. Среди грамот силезского и западнословацкого происхождения мы встречаемся со значительным проникновением различных диалектизмов лишь в единичных

случаях, хотя разнообразие несистематически фиксируемых диалектизмов достаточно велико.

О континуальности развития чешского литературного языка за пределами его этнической территории также свидетельствует проникновение в тексты центральночешских фонетических инноваций конца XIV — XV в., которые в рассматриваемую эпоху не были стабильными чертами чешского литературного узуса (протетическое *v*-перед *o*, дифтонгизация *ú>ej*, сужение *é>í*, дифтонгизация *ú>ou* в инициальной позиции). Непоследовательность присутствия данных фонетических инноваций в памятниках чешской письменности XV—XVI вв., а также опора на родной говор, не переживший данных изменений, по нашему мнению, позволяли писцу избежать их передачи в тексте. Несмотря на это, подобные явления в достаточной мере представлены в текстах различного территориального происхождения. Данные черты начинают проникать в тексты польского, силезского и западнословацкого происхождения приблизительно в то же время, что и в тексты, создававшиеся на чешском литературном языке в чешских землях — в 20–40-х гг. XVI в. В дальнейшем их судьба в текстах различного регионального происхождения складывается различно. В то время как во 2-й пол. XVI — XVII в. в текстах силезского происхождения эти черты «свободного литературного узуса» чешского языка (по определению Я. Порака) достаточно обычны, в тексты западнословацкого происхождения с течением времени они проникают все реже, и их почти полное отсутствие может быть названо характерной чертой местной словацкой разновидности чешского литературного языка.

Таким образом, несмотря на высказанный выше тезис об относительной стабильности чешского литературного языка, употреблявшегося в XV—XVII вв. в различных регионах за пределами чешской территории, нельзя не отметить существенных различий, обнаруживающихся при исследовании языка грамот, происходящих из отдельных областей. Эти различия реализуются как в особенностях проникновения в тексты и закрепления в них центральночешских фонетических инноваций, так и в характере проникновения в тексты фонетических, морфологических и, в меньшей степени, лексических диалектизмов, а также в процессе систематического видоиз-

менения чешской языковой основы, которую мы наблюдаем в поздних текстах западнословацкого происхождения.

В целом мы можем охарактеризовать языковой облик грамот, происходящих из различных регионов, следующим образом.

Языковой облик чешских текстов, создававшихся на территории Польши, очень пестр и не позволяет говорить о единстве процессов в чешском литературном языке на этой территории. В целом необходимо отметить, что текстам, возникавшим на территории Польши в XV — 1-й пол. XVI в., свойственна тенденция к перегрузке системы элементами различного генетического происхождения. При исследовании их языковых особенностей мы встречаемся с присутствием как центральночешских фонетических инноваций, так и с разнообразными полонизмами, представленными в достаточном количестве (в наибольшей степени это касается текстов гибридной группы). Подобная перегрузка системы неизбежно вела к меньшей степени стабильности нормы чешского литературного языка, употреблявшегося в деловой письменности на данной территории, что в сочетании с внешнелингвистическими факторами повлияло на его дальнейшую судьбу в польской письменности. Несмотря на значительное участие чешского литературного языка в формировании польского литературного языка, сам чешский язык постепенно был вытеснен даже из той ограниченной сферы польской письменности, в которой он был представлен в XV — 1-й пол. XVI в.

Тексты силезского происхождения, создававшиеся в XV — 1-й пол. XVI в., в меньшей степени, нежели тексты из Польши, допускают проникновение центральночешских фонетических инноваций и, в свою очередь, в большей степени склонны передавать старшие варианты при отражении архаически-региональной вариантности, что, по-видимому, объясняется опорой на ситуацию в местном диалекте. Подобным процессам консервации древнечешской системы тем не менее не суждено было стать определяющими в силезской письменности 2-й пол. XVI — XVII в. Со 2-й пол. XVI в. мы встречаемся с достаточно последовательной передачей в силезских текстах как центральночешских фонетических инноваций, так и младших коррелятов реализации различных рефлексов в случае архаически-региональной вариантности. Тем не менее в текстах из Верхней

Силезии в XVII в. обнаруживается определенная специфика, которая проявляется в систематическом присутствии старшего варианта реализации рефлекса, уже окончательно вытесненного из чешского литературного узуса соответствующей эпохи. Важным свидетельством их ориентации на нормы чешского литературного языка также является очень нерегулярное проникновение диалектизмов, причем это касается всего рассматриваемого хронологического периода. В этой связи направленность процессов, характеризовавших чешский литературный язык в Верхней Силезии в XV–XVII вв. может рассматриваться в контексте его дальнейшей судьбы в данном регионе. Достаточная степень стабильности его норм и постоянная ориентация на языковые изменения, происходившие в письменности Чехии и Моравии, являлись достаточной предпосылкой длительного сохранения чешского литературного языка в системе верхнесилезской письменной коммуникации отдельных княжеств вплоть до XVIII в.

Наибольшую специфику обнаруживает история чешского литературного языка в Западной Словакии. Языковой облик текстов, создававшихся на данной территории в XV — 1-й пол. XVI в., в общем и целом соответствует нормам чешского литературного языка пражского центра. Однако уже в данный период мы наблюдаем процесс некоторого упрощения чешской языковой основы под воздействием местного западнословацкого диалекта, проявившийся, в частности, в несистематической передаче фонемы *ř*, а также в непоследовательном обозначении йотации губных согласных и палатализованных зубных. Данные процессы были описаны нами как адаптация чешского литературного языка для его успешного функционирования в системе западнословацкой письменности. В текстах 2-й пол. XVI — XVII в. указанные процессы (пусть и не во всех возможных позициях) только усиливаются. Сопоставление языкового облика текстов XV — 1-й пол. XVI в., с одной стороны, и текстов XVII в. — с другой, позволяет сделать вывод о росте числа написаний, свидетельствующих об упрощении системы чешского литературного языка в Западной Словакии. При сопоставлении степени отражения в текстах силезского и словацкого происхождения позднего периода черт «свободного литературного узуса» становится очевидным, что в текстах из За-

падной Словакии подобные явления представлены значительно менее последовательно, что также свидетельствует об упрощении и консервации системы чешского литературного языка на данной территории.

Примечательно, что видоизменение чешского литературного языка в Западной Словакии в рассматриваемый период не влечет за собой обильного и последовательного проникновения в тексты диалектизмов. Таким образом, указанный процесс, по крайней мере на данном этапе, правомернее описывать не как процесс постепенной словакизации, но как процесс частичной дебогемизации языка текстов, в иных позициях достаточно последовательно передающих чешские варианты реализации общеславянских рефлексов, соответствующие ситуации в чешских текстах, создававшихся в данный период в Чехии и Моравии. Процессы постепенного устранения из текстов характерных чешских языковых особенностей и их замены на генетически словацкие станут характерной чертой истории словацкого литературного языка только в последующий период. В связи с этим перспективным и важным представляется определение и описание предпосылок для последующего развития словацкого литературного языка, впервые кодифицированного в конце XVIII в. А. Бернолаком.

Всестороннее описание культурно-языковой истории западнославянского ареала Центральной Европы в целом, а также достаточно полное описание истории чешского литературного языка в частности остаются пока что делом будущего. Перспективы дальнейшего изучения проблематики, затронутой в нашей работе, связаны с тщательным анализом языкового облика как можно большего числа текстов на чешском литературном языке различного территориального происхождения, причем изучение языка памятников должно проводиться в рамках единой методики исследования. Объем и труднодоступность материала, а также сложность интерпретации фактов истории литературного чешского языка, не все разделы которой разработаны в достаточной мере, в данной работе заставили нас ограничиться исследованием текстов одного жанра — деловой корреспонденции. Привлечение к исследованию текстов из иных сфер чешской письменности — литературных памятников, актов городской администрации, а также городских книг позволит значи-

тельно обогатить наши представления о бытовании чешского литературного языка за пределами его этнической территории. Кроме того, значительный интерес представляет изучение языкового облика чешских текстов, происходящих из Нижней Силезии, а также из Восточной Моравии, которая, хотя и является в историческом смысле частью земель чешской короны, а в настоящее время — регионом проживания чешской нации, в языковом отношении всегда значительно отличалась от иных территорий распространения чешского языка. Исследования такого рода, проводимые с опорой на труды предшествующих поколений славистов, а также на последние достижения теории литературного языка и контактной лингвистики, значительно обогатят историю славянских литературных языков как современную лингвистическую дисциплину.

Приложение 1

Список источников. Перечень исследованных грамот

Грамоты приводятся в хронологической последовательности. Указывается место выдачи грамоты, дата ее создания, адресант грамоты (если подобная информация приводится в источнике). Для источников используются следующие сокращения:

- Mac** — *Macůrek J., Rejnuš M.* K otázce spisovné češtiny v Polsku v 15. a poč. 16 století // *Slovanské historické studie*, IV. 1961. S. 163–261.
- PT** — *Gojniczek W.* Nieznany dokument Eufemii, Bolesława i Przemysława książąt cieszyńskich z 1447 r. // *Pamiętnik Cieszyński*. 6. 1993. S. 125–127; *Panic I.* Nieznany dokument księżnej Anny cieszyńskiej z 9 lutego 1457 roku // *Pamiętnik Cieszyński*. 17. 2002. S. 131–133.
- Kn** — *Stredoveké české listiny*. Red. Š. Kniezsa. Budapešť: Akadémiai Kiadó, 1952. 207 s.
- Mc** — *Macůrek J.* České země a Slovensko ve století před Bílou horou. Z dějin vztahů v oblasti zemědělství, řemesla, obchodu a vzájemné obrany. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1958. 418 s.
- Mcr** — *Macůrek J.* České země a Slovensko (1620–1750). Studie z dějin politických, hospodářských a interernických vztahů. Brno: Universita J. E. Purkyně, 1969. 339 s.
- Var** — *Varsik B.* Slovenské listy a listiny z XV. a XVI. storočia. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1956. 437 s.

Шифр грамоты состоит из сокращения источника публикации, порядкового номера грамоты в издании и года выдачи грамоты, напр.: Mac8-1454 — грамота № 8 1454 г. из издания [Macůrek, Rejnuš 1961].

ГРАМОТЫ МАЛОПОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1. Mac8 — Toruň, 6.09.1454. Jan Bażyński, gubernátor země pruské, a purkmistr a rada města Toruň.
2. Mac11 — Brest, 19.01.1455. Kazimír, král polský.
3. Mac13 — Brest, 29.01.1455. Kazimír, král polský. Z vidimusu přepis XIX. st.
4. Mac14 — Piotrkov, 2.07.1455. Kazimír, král polský.
5. Mac15 — Plaveč (Slovensko), 21.12.1455. Petr Komorovský, hrabě liptovský a oravský.
6. Mac18 — Golub-Dobrzyń, 25.04.1458. Rachval z Cimberka, hejtmán na Holubi.
7. Mac19 — Krakov, 26.06.1465. Hanuš, kníže osvětimský a hlivický.
8. Mac21 — u Malenovic, 11.08.1470. Jakub z Dubna (Dębna) a Stanislav za Šidlovce, poslové polského krále.
9. Mac22 — Nowy Sącz, 18.10.1471. Kazimír, král polský.
10. Mac23 — Krakov, 1.10.1473. Kazimír, král polský.
11. Mac24 — Nowe Miasto Korczyn, 30.07.1474. Kazimír, král polský.
12. Mac25 — Krakov, 14.08.1474. Jakub z Dubna (Dębna), vojvoda sandoměřský a starosta krakovský.
13. Mac30 — Troky, 14.09.[1484]. Kazimír, král polský.
14. Mac31 — Krakov, 5.03.1486. Polští a čeští žoldněři: Bernard Kalinovský, Jakup Napora, Jan Oražovský a jiní.
15. Mac32 — Piotrkov, 24.04.1488. Kazimír, král polský.
16. Mac33 — Krakov, 7.07.1490. Kazimír, král polský.
17. Mac34 — Krosno, 3.09.1491. Jan Zalieský spolu se svými žoldněři.
18. Mac37 — Krakov, 20.10.1492. Jan Albrecht, král polský.
19. Mac39 — Krakov, 7.09.1495. Magdalena, kněžna opolská, Machna, kněžná opavská.
20. Mac44 — Krakov, 5.03.1507. Zikmund, král polský.
21. Mac45 — Krakov, 19.03.1507. Zikmund, král polský.
22. Mac46 — Vilno, 27.07.1507. Zikmund, král polský.
23. Mac47 — Troky, 8.10.1507. Zikmund, král polský.

24. Mac48 — Krakov, 4.01.1508. Zikmund, král polský.
25. Mac50 — Sandoměř, 15.05.1508. Zikmund, král polský.
26. Mac52 — Krakov, 29.06.1512. Zikmund, král polský.
27. Mac53 — Krakov, 3.05.1520. Zikmund, král polský.
28. Mac54 — Toruň, 3.05.1520. Zikmund, král polský.
29. Mac55 — Krakov, 12.05.1521. Zikmund, král polský.
30. Mac56 — Krakov, 8.05.1524. Zikmund, král polský.
31. Mac57 — [Krakov], 13.08.1525. Zikmund, král polský.
32. Mac58 — Olomouc, 5.06.1527. Krzysztof Szydłowiecki, kancléř království polského.
33. Mac59 — Niepołomice, 10.07.1527. Krzysztof Szydłowiecki, kancléř království polského.
34. Mac61 — Krakov, 14.08.1532. Zikmund, král polský.
35. Mac65 — Krakov, 12.03.1540. Zikmund, král polský.
36. Mac66 — Żywiec, 3.03.1551. Jan Komorovský a na Živci, kaste-lán polanecký.

ГРАМОТЫ ВЕРХНЕСИЛЕЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1. PT-1447 — dokument Eufenii, Bolesława a Przemysława książąt cieszyńskich z 1447 r.
2. PT-1457 — Dokument księżnej Anny cieszyńskiej z 9 lutego 1457 roku.
3. Kn25-1483 — Tešín, 4.11.1483. Marta Ogrozenska a jej syn Stanislav.
4. Kn31-1488 — Pszczyna, 28.07.1488. Kazimír, kníže tešínský.
5. Kn34-1496 — Skoczów, 1.03.1496. Kazimír, kníže tešínský.
6. Kn48-1508 — Frýštat, 26.04.1508. Kazimír, kníže tešínský.
7. Kn54-1513 — Rostropice, 17.04.1513. Mikuláš Zwierzina.
8. Kn58-1515 — Opava, 19.01.1515. Kazimír, tešínský kníže.
9. Kn61-1517 — Tešín, 26.09.1517. Kazimír, kníže tešínský.
10. Kn66-1519 — Czechowice, 16.11.1519. Jan Misskowsky z Preciczowa.

11. Kn71-1523 — Opava, 27.07.1523. Jiří Brandeburský.
12. Mc9-1541 — Těšín, 13.07.1541, адресант Václav, kníže těšínský.
13. Mc65-1569 — Těšín, 21.04.1569. Václav, kníže těšínský.
14. Mc66-1569 — Těšín, 27.04.1569. Václav, kníže těšínský.
15. Mc72-1572 — Těšín, 16.02.1572. Václav, kníže těšínský.
16. PT-1574 — Poručení Kedruty Staré, 1574 [Gojniczek 1993].
17. Mc79-1575 — Těšín, 19.11.1575. Václav, kníže těšínský.
18. Mc84-1577 — Těšín, 21.07.1577. Václav Mitmeier z Blogočic.
19. Mc86-1577 — Těšín, 31.08.1577. Purkmistr a rada města Těšína.
20. Mc96-1580 — Těšín, 5.10.1580. Sidonie Kateřina, kněžna saská etc. a těšínská.
21. Mc107-1582 — Těšín, 24.06.1582. Sidonie Kateřina, kněžna saská etc. a těšínská.
22. Mc115-1586 — Těšín, 25.01.1586. Sidonie Kateřina, kněžna saská etc. a těšínská.
23. Mc24-1589 — Těšín, 2.11.1589. Theofil Bleicher, císařský faktor mědi v Těšíně.
24. Mc126-1590 — Těšín, 25.09.1590. Fojt a úplné právo města Těšína.
25. Mc127-1591 — Jablunkov, 27.02. 1591. Fojt a rada města Jablunkova.
26. Mc130-1591 — Těšín, 6.08.1591. Bartoloměj Skočovský, rychtář města Těšína
27. Mc132-1592 — Těšín, 4.04.1592. Konrád Bieler a Václav Chudoba, měšťané těšínské.
28. Mc139-1595 — Těšín, 28.04.1595. Jan Lhotský ze Lhoty a na Horním Žukově, úředník na zámku Těšíně.
29. Mc144-1597 — Těšín, 9.07.1597. Jan Lhotský ze Lhoty, hejtman na Těšíně.
30. Mc157-1606 — Těšín, 27.02. 1606. Adam Václav, kníže těšínský.
31. Mc194-1615 — Těšín, 13.08.1615. Adam Václav, kníže těšínský.
32. Mc205-1617 — Frýdek, 28.07.1617. Jan st. Bruntálský z Vrbna a na Frýdku.
33. PT-1620 — Testament Jadwigi Jadwigi Trzanowskiej z r. 1620 [Panic 2002].

34. Mc221-1620 — Těšín, 21.06.1620. Kašpar Ručko z Rudz a na Kosobendzi, zemský maršálek těšínský.
35. Mc224-1620 — Jablunkov, 17.09.1620. Simon Kapša, fojt jablunkovský.
37. Mcr8-1622 — Těšín, 10.01.1622. Pavel Vodička, měšťan těšínský.
38. Mcr9-1622 — Těšín, 8.02.1622. Purkmistr a rada města Těšína.
39. Mcr14-1622 — Jablunkov, 16.08.1622. Purkmistr a rada města Jablunkova.
40. Mcr19-1623 — Těšín, 25.02.1625. Purkmistr a rada města Těšína.
41. Mcr34-1626 — Těšín, 1.09.1626. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
42. Mcr40-1627 — Těšín, 30.12.1627. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
43. Mcr52-1629 — Jablunkov, 3.12.1629. Matys Dachtan, měšťan jablunkovský.
44. Mcr53-1630 — Těšín, 24.02.1630. Fojt a právo města Těšína.
45. Mcr54-1630 — Těšín, 22.06.1630. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
46. Mcr56-1630 — Těšín, 26.03.1630. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
47. Mcr57-1631 — Těšín, 19.03.1631. Fojt a konšelé města Těšína.
48. Mcr58-1631 — Frýdek, 22.06.1631. Purkmistr a rada města Frýdku.
49. Mcr60-1632 — Těšín, 17.02.1632. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
50. Mcr61-1632 — Těšín, 6.03.1632. Václav Kaluža v městě Těšíně.
51. Mcr62-1632 — Těšín, 6.03.1632. Úředníci těšínské kněžny Lukrecie.
52. Mcr64-1632 — Těšín, Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
53. Mcr66-1632 — Těšín, 30.06.1632. Fojt města Těšína.
54. Mcr67-1632 — Těšín, 10.07.1632. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
55. Mcr68-1633 — Těšín, 24.10.1633. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
56. Mcr72-1635 — Těšín, 24.06.1635. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.

Приложение 1. СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. ПЕРЕЧЕНЬ ИССЛЕДОВАННЫХ ГРАМОТ

57. Mcr76-1635 — Těšín, 24.08.1635. Alžběta, kněžna těšínská.
58. Mcr91-1637 — Jablunkov, 26.12.1637. Jurek z Kluzu, vojvoda valašský.
59. Mcr92-2 čtv. XVII — Těšín, 2 čtv. XVII st. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
60. Mcr93-1638 — Jablunkov, 8.03.1638. Adam Dyas, purkmistr jablunkovský.
61. Mcr98-1639 — na pasu Jablunkovském, 12.10.1639. Jiřík Lanckošů, svobodník na jablunkovských šancích.
62. Mcr103-1640 — Těšín, 10.07.1640. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
63. Mcr104-1640 — Těšín, 11.09.1640. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
64. Mcr110-1641 — Jablunkov, valašský vojvoda.
65. Mcr120-1643 — Skočov, 21.12.1643. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
66. Mcr127-1645 — Těšín, leden 1645, Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
67. Mcr130-1645 — Jablunkov, 12.05.1645. Purkmistr a rada města Jablunkova.
68. Mcr132-1645 — Těšín, 26.07.1645. Alžběta, kněžna těšínská.
69. Mcr133-1645 — Těšín, 4.08.1645. Alžběta, kněžna těšínská.
70. Mcr136-1646 — Jablunkov, 2.06.1646. Helena Jagoška z Jablunkova.
71. Mcr144-1648 — Těšín, 20.08.1648. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
72. Mcr145-1648 — Těšín, 6.09.1648. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
73. Mcr154-1652 — Těšín, 24.05.1652. Obyvatelé města Těšína.
74. Mcr159-1653 — Frýdek, 15.02.1653. Purkmistr a rada města Frýdku.
75. Mcr160-1653 — Těšín, 20.02.1653. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
76. Mcr162-1654 — Těšín, 27.01.1654. Esthera Reicsova, vdova v Těšíně.

77. Mcr163-1654 — Těšín, 20.02.1654. Kašpar Borek z Tvorkova.
78. Mcr169-1661 — Těšín, 22.08.1661. J.H. Kozehlovský, úředník těšínský.
79. Mcr170-1662 — Těšín, 26.09.1662. Purkmistr a rada města Těšína.
80. Mcr173-1661 — 1664. Samuel Singer, žid a mýtný těšínský.
81. Mcr205-1680 — Těšín, 12.02.1680. Primátor a rada města Těšína.
82. Mcr215-1692 — Těšín, 7.06.1692. Hejtman Těšína.

ГРАМОТЫ ЗАПАДНОСЛОВАЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1. Kn1-1432 — Skalica, 14.4.1432. Stibor zo Stiboříc a Beckova.
2. Kn4-1459 — Trnava, 2.12.1459. Gróf Ján zo Svätého Jura a Pezinka.
3. Kn11-1472 — Žilina, 26.03.1472. Lukáč Kardoš, majiteľ Domaniža.
4. Kn14-1478 — Budatín, 6.02.1478. Rafael z Hatného.
5. Kn15-1479 — Varín, 20.04.1479. Fojt a rada mesta Varína.
6. Kn16-1479 — Vršatec, 9.09.1479. Melichar zo Slopanej.
7. Kn17-1479 — Žilina, 10.09.1479. Ladislav Csicskány z Rudiny.
8. Var2-1483 — Trnava, 1483. Matyáš Korvín, kráľ uhorský a český.
9. Kn24-1483 — Trenčín, 2.02.1483. Ladislav Podmanický, Viliam Te-tauer.
10. Kn26-1484 — Žilina, 9.07.1484. Mikuláš Hlimka.
11. Kn27-1484 — Bystrica, 15.08.1484. Ladislav Podmanický.
12. Kn29-1485 — Varín, 4.05.1485. Mesto Varín.
13. Kn33-1491 — Bystrica, 10.11.1491. Teofil Thurzo a jeho spoločníci.
14. Kn47-1507 — Červený Kameň, 26.09.1507. Petr zo Svätého Jura a Pezinka a jeho manželka Žofia.
15. Kn49-1508 — Beckov, 3.05.1508. Rada mesta Beckova.
16. Kn50-1508 — Starý Hrad, 7.05.1508. Žofia z Waldsteina, manželka Petra zo Svätého Jura a Pezinka.
17. Var9-1509 — Starý Hrad, 7.08.1509. Žofia, grófka zo Svätého Jura a z Pezinku.

18. Var10-1509 — Trnava, 11.12.1509. Juraj Belušský z Červeného Kameňa.
19. Var13-1512 — Trnava, 1.05.1512. Pavol Holý z Hradnej, mešťan trnavský.
20. Var14-1512 — Čachtice, 11.11.1512. Žigmund z Očkova.
21. Var15-1512 — Trnava, 6.12.1512. Ladislav z Maršovej, úradník na Červeném Kameni.
22. Var17-1513 — Trnava, 25.04.1513. Ladislav z Maršovej, úradník na Červeném Kameni.
23. Kn59-1515 — Prešporok, 28.05.1515. Gróf Peter zo Svätého Jura a Pezinka a Žigmund Kaffunk.
24. Var23-1516 — Nové Mesto nad Váhom, 22.12.1516. Richtár a rada Nového Mesta nad Váhom.
25. Kn63-1519 — Pezinok, 5.05. nebo 15.09.1519. Gróf František a gróf Vlk zo Svätého Jura a Pezinka.
26. Var24-1519 — Trnava, 30.11.1519. Richtár a rada mesta Trnavy.
27. Kn67-1520 — Trenčianská stolica, 2.05.1520. Slúžní Trenčianskej stolice.
28. Var25b-1522 — Vrbové, 6.06.1522. Fojt a rada mestečka Vrbového.
29. Var26-1522 — Hrad Branč, 21.08.1522. Peter Korlátsky z Bučian, dvormajster kráľa a komarňanský župan.
30. Var28-1525 — Trnava, 25.01.1525. Pavol Hrnček, mešťan trnavský.
31. Var29-1526 — Trenčín, 22.01.1526. Richtár a rada mesta Trenčína.
32. Var30-1527 — Trenčín, 24.04.1527. Richtár a rada mesta Trenčína.
33. Var31-1527 — Hrad Ostriez, 21.05.1527. Matej Chorvát, kastelán na hrade Ostriezi.
34. Var32-1527 — Hrad Ostriez, 23.06.1527. Matej Chorvát, kastelán na hrade Ostriezi.
35. Var37-1528 — Skalica, 31.07.1528. Rada mesta Skalice.
36. Var38-1528 — Ilava, 30.11.1528. Rada mestečka Ilavy.
37. Var39-1529 — Skalica, 25.01.1529. Rada mesta Skalice.
38. Var40-1529 — Skalica, 11.02.1529. Rada mesta Skalice.
39. Var41-1529 — Nové Mesto nad Váhom, 31.05.1529. Rada Nového Mesta nad Váhom.

40. Var43-1529 — Senica, 24.06.1529. Žigmund Korlátsky.
41. Var45-1529 — Trnava, september 1529. Rada mesta Trnavy.
42. Var48-1530 — Senica, 28.03.1530. Fojt a starší mestečka Senice.
43. Var49-1530 — Zavar, 19.04.1530. Katarína ze Zavaru.
44. Var57-1531 — Chtelnica, 28.12.1531. Fojt a rada mestečka Chtelnice.
45. Var58-1532 — Skalica, 10.05.1532. Rada mesta Skalice.
46. Var59-1532 — Hlohovec, 6.06.1532. Rada mesta Hlohovce.
47. Var60-1532 — Pezinok, 3.09.1532. Gróf Vlk zo Svätého Jura a z Pezinku.
48. Var63-1532 — Holíč, 12.12.1532. Gašpar Cobor zo Sv. Michala a na Holíči.
49. Var66-1534 — Skalica, 6.10.1534. Rada mesta Skalice.
50. Var68-1534 — Skalica, 7.11.1534. Rada mesta Skalice.
51. Var69-1535 — Beckov, 10.01.1535. Richtár a rada mesta Beckova.
52. Var70-1535 — Beckov, 11.02.1535. Štefan Čóka (Czoka) z Kykeházu, úradník na zámku Beckove.
53. Var71-1535 — Beckov, 22.02.1535. Štefan Čóka (Czoka) z Kykeházu, úradník na zámku Beckove.
54. Var72-1535 — Beckov, 8.04.1535. Štefan Čóka (Czoka) z Kykeházu, úradník na zámku Beckove.
55. Var73-1535 — Stráže nad Myjavou, 2.05.1535. Gašpar Cobor zo Sv. Michala a na Holíči.
56. Var77-1536 — Trnava, 15.01.1536. Rada mesta Trnavy.
57. Var79-1536 — Skalica, 5.05.1536. Rada mesta Skalice.
58. Var84-1537 — Skalica, 23.01.1537. Rada mesta Skalice.
59. Var88-1537 — Skalica, 30.07.1537. Rada mesta Skalice.
60. Var89-1537 — Hrad Korlát, 9.08.1537. Žigmund Korlátsky z Bučian a na Branči.
61. Var90-1537 — Senica, 26.08.1537. Fojt a starší mestečka Senice.
62. Var91-1537 — Trenčín, 30.08.1537. Mikuláš Bobocký, mešťan trenčianský.
63. Var94-1538 — Neštich (dnes Smolenická Nová Ves), 20.01.1538. Fojt, starší a celá obec Nešticha.

Приложение 1. СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. ПЕРЕЧЕНЬ ИССЛЕДОВАННЫХ ГРАМОТ

64. Var95-1538 — Skalica, 29.01.1538. Rada mesta Skalice.
65. Var96-1538 — Kochanovice, 25.03.1538. Mikuláš Kochanovský z Kochanoviec.
66. Var97-1538 — Dobrá Voda, 9.06.1538. Štefan z Dechtíc a Michal zo Senji, úradníci na Dobrej Vode.
67. Var100-1538 — Dobrá Voda, 3.07.1538. Štefan z Dechtíc a Michal zo Senji, úradníci na Dobrej Vode.
68. Var107a-1539 — Senica, 19.06.1539. Fojt a rada mestiečka Senice.
69. Var107b-1539 — Dobrá Voda, asi 23.06.1539. Štefan z Dechtíc a Michal zo Senji, úradníci na Dobrej Vode.
70. Var111-1540 — Rožňové Mitice, 5.02.1540. Ján Rožeň z Rožňových Mitíc.
71. Var113-1540 — Trnava, 23.03.1540. Rada mesta Trnavy.
72. Var119-1540 — Hlohovec, 8.08.1540. Richtár a rada mesta Hlohovca.
73. Var121-1541 — Trnava, 24.03.1541. Rada mesta Trnavy.
74. Var124-1541 — Ilava, 1.06.1541. Ján Lamač.
75. Var129-1541 — Skalica, 18.09.1541. Richtár a rada mesta Skalice.
76. Var133-1542 — Skalica, 6.01.1542. Rada mesta Skalice.
77. Var135-1542 — Trnava, 11.01.1542. Rada mesta Trnavy.
78. Var139-1542 — Ilava, 26.03.1542. Richtár a rada mesta Ilavy.
79. Var142-1542 — Dobrá voda, 3.07.1542. Albert z Močenku, úradník na Dobrej Vode.
80. Var157-1543 — Skalica, 14.06.1543. Rada mesta Skalice.
81. Var164-1543 — Trnava, 3.09.1543. Rada mesta Trnavy.
82. Var172-1543 — Dobrá Voda, 1543. Albert z Močenku, úradník na Dobrej Vode
83. Var174-1544 — Trnava, 29.01.1544. Rada mesta Trnavy.
84. Var180-1544 — Hlohovec, 12.05.1544. Rada mesta Hlohovca.
85. Var188-1544 — Skalica, 28.08.1544. Rada mesta Skalice.
86. Var191-1545 — Vrbové, 14.01.1545. Štefan Šočovič, vrbovský úradník čachtického panstva.
87. Var192-1545 — Trnava, 15.01.1545. Rada mesta Trnavy.
88. Var198-1545 — Hlohovec, 7.04.1545. Rada mesta Hlohovca.

89. Var207-1546 — Nové Mesto nad Váhom, 8.01.1546. Rada Nového Mesta nad Váhom.
90. Var209-1546 — Trnava, 15.03.1546. Rada mesta Trnavy.
91. Var215-1546 — Hlohovec, 21.11.1546. Rada mesta Hlohovca.
92. Var216-1547 — Považská Bystrica, 4.02.1547. Rafael z Podmanina a na Bystrici.
93. Var220-1548 — Hlohovec, 21.05.1548. Rada mesta Hlohovca.
94. Var223-1548 — Skalica, 17.08.1548. Rada mesta Skalice.
95. Var227-1549 — Borský Svätý Mikuláš, 6.03.1549. Michal Ovčarovič, úradník na hrade Ostrieži.
96. Var231-1549 — Holíč, 16.10.1549. Peter Bakič z Laku a na Holíči
97. Var236-1549 — Cífer, 9.12.1549. Gregor Apáthi, úradník na panstve v Cíferi
98. Var243-1550 — Trnava, 30.05.1550. Rada mesta Trnavy.
99. Var247-1550 — Vrbové, 24.07.1550. Rada mestečka Vrbového.
100. Var253-1550 — Hlohovec, 5.12.1550. Križan Šemelák, hlohovský hajtman.
101. Mc28-1552 — Trnava, 11.06.1552. Rychtář a rada města Trnavy.
102. Mc61-1567 — Budětín, 20.07.1567. Uředníci panství budětinského.
103. Mc63-1568 — Budětín, 21.01.1568. Rafael Sunek z Jesenice a na Budětíně.
104. Potv1576 — Potvdenie o pôžičke (Budmerice, 1576) / [Prameny 2002: 11].
105. Mc92-1578 — Budětín, 25.11.1578. Rafael a Jan Sunekové z Jesenice a na Budětíně.
106. Mc95-1580 — na Rovni (Trenčín), 1.05.1580. Štefan Telekesy z Debretu a na Lednici.
107. Mc109-1583 — Bytča, 8.11.1583. Emerich Forgách, hlavní župan stolice Trenčínské.
108. Záp-1599 — Zápis o nactiutrhání (Cífer, 1599) [Prameny 2002: 11–12].
109. Mc169-1608 — Trenčín, 8.09.1608. Rychtář a rada města Trenčína.
110. Mc189-1615 — Bytča, 17.03.1615. Jiří Thurzo z Betlenfalvy, uherský palatín.

111. Mc197-1615 — Bytča, 2.10.1615. Jiří Thurzo z Betlenfalvy a na Bytči, uherský palatín.
112. Mcr1-1621 — Žilina, 12.01.1621. Žilinský rychtář Jiří Brezanský.
113. Mcr3-1621 — Trenčín, 28.03.1621. Barta Michal.
114. Mcr25-1624 — Skalica, 20.08.1624. Rychtář, purkmistr a celá obec města Skalice.
115. Mcr65-1632 — Budatín, 2.06.1632. Ostrosith Barbara, paní budatínská.
116. Mcr74-1635 — Žilina, 15.08.1635. Martin Krčner, fojt města Žiliny.
117. Mcr75-1635 — Budatín, 21.08.1635. Kašpar Sunek, majitel panství budatínského.
118. Mcr77-1635 — Budatín, 28.08.1635. Kašpar Sunek.
119. Mc86-1637 — Budatín, b.d. Kašpar Sunek.
120. Mcr99-1639 — Trenčín, 18.12.1639. Hr. Illéshazy.
121. Mcr100-1640 — Bánovce (nad Bebravou), 17.01.1640. Hr. Illéshazy
122. Mcr106-1641 — Trenčín, 12.04.1641. Závěť Václava Vokála, měšťana trenčínského.
123. Mcr118-1643 — Trenčín, 29.04.1643. Radní města Trenčina.
124. Mcr121-1642 — Trenčín, 1641–1642. Zápisy tykající se příchozích z českých zemí.
125. Mcr124-1644 — Holíč, 25.06.1644. Purkmistr a rada města Holíče.
126. Mcr138-1646 — Kysucké Nové město, 24.07.1646. Petr Hrabovský, úředník budatínský.
127. Mcr143-1648 — Dedina Čierna (na Čadecku), máj 1648. Poddaní z dědiny Čierné na Čadecku.
128. Mcr146-1649 — Žilina, 21.07.1649. Jeremiáš Fabricius, notář žilinský.
129. Mcr153-1651 — Kysucké Nové Mesto, 8.11.1651. Petr Hrabovský, úředník budatínský.
130. Mcr164-1654 — Trenčín, 18.05.1654. Jiří Illéshazy.
131. Mcr167-1660 — Žilina, 5.11.1660. Rychtář a rada města Žiliny.

132. Mcr206-1680 — Turzovka, 14.08.1680. Juro Jantulík, správce hradu a pevnosti Halamoví.
133. Mcr207-1681 — Predmier u Turzovky, 5.10.1681. Jura Šamraj, rychtář predmierský.
134. Mcr208-1682 — Žilina, 12.04.1682. Alžbeta a Barbora ze Žiliny.
135. Mcr209-1682 — Turzovka, 6.08.1682. Juro Jantula, desátník.
136. Mcr216-1693 — Stará Turá, 5.12.1693. Rychtář a úřad městečka Staré Turé.

Приложение 2

Сводная таблица реализации отдельных рефлексов

Отражение в текстах архаически-региональной вариантности						
	Польша XV — 1-я пол. XVI в.	Верхняя Силезия XV — 1-я пол. XVI в.	Верхняя Силезия 2-я пол. XVI — XVII в.	Западная Словакия XV — 1-я пол. XVI в.	Западная Словакия 2-я пол. XVI — XVII в.	
1. šč/šř	4/13	3/1	21/37	32/39	6/26	
2. aj/ej	37/3	7/0	2/22	51/12	10/14	
3. ó (o)/uo/ů	15/58/1	7/8/1	4/22/38	20/74/40	0/18/38	
4. -ov/-uov/-ů(v)	26/18/0	11/1/1	0/3/16	26/31/9	15/4/16	
5. -om/-uom/-ům	25/21/1	16/0/1	7/0/2	83/9/2	9/0/3	
6. -ej-é ¹⁸	22%/13%	42%/8%	17%/3%	26%/11%	49%/8%	
7. -ej после мягк.	—	—	—	6%	23%	
7. ú/ou	∞/15	15/3	83/66	∞/4	38/35	

Отражение в текстах центральночешских фонетических инноваций						
8. ý/ej	∞/2	∞/-	∞/36	∞/5	∞/7	
9. ú/ou-	∞/0	∞/-	∞/21	∞/7	∞/8	
10. é/ý	∞/18	∞/-	∞/24	∞/27	∞/5	
11. o-/v-	∞/21	∞/-	∞/13	∞/43	∞/1	

¹⁸ Для следующих двух явлений указывается процент от общего количества грамм, где встречается та или иная реализация рефлекса.

Литература

- Алексеев А.А.* Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Ars Philologica, 2013. 476 с.
- Ананьева Н.Е.* История и диалектология польского языка. М.: УРСС, 2009. 304 с.
- Андерш Й.* Українсько-чеські мовні контакти [Электронный ресурс] // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000. Электронный ресурс: <http://litopys.org.ua/ukrmova/um134.htm> (дата обращения: 23.08.2024).
- Будилович А.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т.2. Варшава: Типографія Маріи Зимкевич, 1892. 400 с.
- Вахтин Н.Б., Головки Е.В.* Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 320 с.
- Гудков В.П.* Вопросы теории литературного языка в свете истории литературного языка у сербов // Историко-культурные и социоллингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. Тезисы докладов международной конференции. Ноябрь 1993 г. М.: ИСБ РАН, 1993. С. 6–7.
- Гухман М.М.* Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
- Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* История немецкого литературного языка IX–XV вв. М.: Наука, 1983. 200 с.
- Гухман М.М.* Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 270–271.
- Демина Е.И.* К проблеме становления литературных языков славянских народов на преднациональном этапе их историко-культурного развития: типология процесса // Литературные языки в контексте культуры славян. Отв. ред. Г.К. Венедиктов. М.: ИСл РАН, 2008. С. 5–23.
- Дубинин С.И.* Немецкий литературный язык позднего Средневековья. Юго-западный ареал. Самара: Издательство «Самарский университет», 2000. 198 с.

- Живов В.М.* Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. М.: Издательство МГУ, 1988. С. 49–98.
- Живов В.М.* Язык Феофана Прокоповича и роль гибридных вариантов церковнославянского в истории славянских литературных языков // Советское славяноведение. М., 1985. №3. С. 70–85.
- Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. 591 с.
- Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 369 с.
- Запольская Н.Н.* “Общий” славянский литературный язык: Типология лингвистической рефлексии. М.: Издательство «Индрик», 2003. 238 с.
- Запольская Н.Н.* Грамматика общеславянского литературного языка XVII века: к проблеме интерлингвальной гибридности // *Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVII secolo*. A cura di M. Ciccarini e K. Zaboklicki, Varsavia – Roma: Accademia Polacca delle Scienze, Biblioteca e Centro di Studi a Roma, 1999. P. 143–151.
- Запольская Н.* Структурно-функциональный статус гибридных вариантов славянских литературных языков. (Библия Ф. Скорины) // Доклады по проблемам языкознания. К XI Международному съезду славистов в Братиславе. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 41–62.
- Исаченко А.В.* Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов? // Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 42–45.
- Каверина В.В.* Узуальная норма деловой письменности XVII века: орфография префиксов. Под ред. Л. А. Илюшиной. М.: МАКС Пресс, 2004. 80 с.
- Копосов Л.Ф.* Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. М.: МПУ, 2000. 287 с.
- Лавриненко А.* Польское языковое влияние в староукраинской деловой письменности XIV–XV веков. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. 326 s.
- Лазуткина Е.М.* Термин «литературный язык» // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2012 г.). М.: Издательство «Вест–Консалтинг», 2013. С. 375–383.
- Лифанов К.В.* Значение фонетики и морфемики в развитии морфологической структуры словацкого и чешского языков // *Slavica Slovaca*. 1995. Ročník 30. S. 30–41.

- Лифанов К.В.* Язык духовной литературы словацких католиков XVI–XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. М.: Издательство Московского университета, 2000. 117 с.
- Лифанов К.В.* Генезис словацкого литературного языка. Muenchen: LINCOM EUROPA, 2001. 234 с.
- Лифанов К.В.* Проблема диалектной основы словацкого литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком // Славяноведение. 2013. № 1. С. 83–90.
- Лифанов К.В.* Диалектология словацкого языка. М.: Инфра-М, 2023. 83 с.
- Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003. 279 с.
- Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в Чехии в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.: Наука, 1989. С. 216–232.
- Панин Л.Г.* История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: НИИ МИОО НГУ, 1995. 217 с.
- Первольфъ I.* Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Томъ III. Славянская идея в политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ Славянъ до конца XVIII вѣка. Часть I. Западныя славяне. Варшава: Типографія К. Ковалевскаго, 1890. 262 с.
- Райнхарт Й.* Межславянские переводы в период позднего Средневековья и раннего Нового времени (до конца XVI в.) // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Выпуск 11. М.: Индрик, 2004. С. 111–135.
- Ремнева М.Л.* История русского литературного языка. М.: Издательство МГУ, 1995. 400 с.
- Семенюк Н.Н.* Норма // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 549–596.
- Смирнов Л.* О роли Антона Бернолака в истории словацкого литературного языка. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 103–113.
- Советская историческая энциклопедия (СИЭ). Гл. ред. Е.М. Жуков. Том 12: Репарации — Славяне. М., 1969.
- Тихомирова Т.С.* Польский язык // Языки мира: Славянские языки. РАН. Институт языкознания; ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 347–383.

- Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 239 с.
- Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н.С. Избранное. М.: Российская Политическая Энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 385–438.
- Широкова А.Г., Нецименко Г.П.* Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 9–85.
- Atlas slovenského jazyka. 1. Vokalizmus a konsonantizmus. Č. 1. Mapy. Vydavateľstvo SAV, 1968. 303 s.
- Atlas slovenského jazyka. 2. Flexia. Č. 2. Úvod, komentáre. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1978. 188 s.
- Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972. 463 s.
- Bělič J.* O jazykové příslušnosti nářečí na Těšínsku // Naše řeč. 58. 1975. Č. 4. S. 205–210.
- Blanár V.* Zo slovenskej historickej lexikológie. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1961. 340 s.
- Blanár V.* Lexikálne prevzatia v starej slovenčine // Jazykovedné štúdie. 1977. Roč. 14. S. 167–186.
- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. 805 s.
- Bystroň J.* O vlivu češtiny na jazyk polský ve knížectví Těšínském // Slovanský sborník. V. 1886. S. 351–356, 417–421.
- Středověké listy ze Slovenska. Sbíerka listov a listín písaných jazykom národným z rokov 1462–1490. Vyd. V. Chaloupecký. Bratislava: Nakl. «Melantricha», 1937. 266 s.
- Cymorek V.* Polská identita na území Těšínského Slezska (bakalářská práce, Masarykova univerzita). Brno, 2012. 59 s. [Электронный ресурс]. Электронный ресурс: http://is.muni.cz/th/329073/pdf_b/bakalarska_prace_Cymorek_Vlastimil.pdf (дата обращения: 23.08.2024).
- Czambel S.* Príspevky k dejinám jazyka slovenského. Budapešť: Nákladom vlastným, 1887. 130 s.
- Czambel S.* Slováci a ich reč. Budapešť: Nákladom vlastným, 1903. 269 s.
- Décsy Gy.* Čeština v středověkých Uhrách // Studia slavica. Tomus I. Budapest, 1955. S. 278–286.

- Dejna J.* Z zagadnień polsko-czeskiego pogranicza językowego // Česko-polský sborník vědeckých prací II. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1955. S. 113–131.
- Đurovič L.* Konceptie spisovného jazyka – chrbtová kosť slovenskej kultúrnej histórie // Đurovič E. O slovenčine a Slovensku. Vybrané štúdie I. Bratislava: Veda, 2004. S. 251–265.
- Dvořáková I.* K česko-slovenským jazykovým vztahům v raném novověku // Čeština doma a ve světě. Ročník XII. Red. M. Nábělková, J. Tábořský. № 3–4. 2004. S. 167–191.
- Dziewulski W.* Rola języka czeskiego na polskich obszarach Górnego Śląska w XV–XVII wieku i proces zastępowania go językiem polskim // Kwartalnik Opolski. 20. 1974. № 1. S. 59–78.
- Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. I. Hlaskosloví. 2 vyd. Praha: Nakladatelství československé Akademie věd, 1963. 765 s.
- Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. III/1. Tvarosloví — skloňování. 1 vyd. Praha – Vídeň: F. Tempský, 1896. 659 s.
- Giger M.* Die Sprachsituation in der Slowakei: Diglossie in der Vergangenheit und ihre Spuren in den Gegenwart // *Leeuwen-Turnovcová J. van, Richter N.* (Hrsg.) Entwicklung slawischer Literatursprachen, Diglossie, Gender (Literalität von Frauen und Standardisierungsprozesse im slawischen Areal). Beiträge des Kolloquiums an der FSU–Jena, Dezember 2004, München: Otto Sagner, 2006. S. 91–125.
- Giger M.* Otázka aplikace termínu ‘diglosie’ na předmoderní jazykové situace (na příkladě situace ve starém Rusku a na Slovensku 17./18. stol.) // *Acta Slavica et Baltica vol. VI. Sociální aspekty spisovných jazyků slovanských: sborník příspěvků ze zasedání Komise pro spisovné slovanské jazyky při Mezinárodním komitétu slavistů v Praze 16.–17. září 2005.* Praha: Euroslavica, 2006. S. 73–86.
- Gojniczek W.* Nieznany dokument Eufemii, Bolesława i Przemysława książąt cieszyńskich z 1447 r. // *Pamiętnik Cieszyński.* 6. 1993. S. 125–127.
- Greń Z.* Miejsce języka czeskiego w historii Śląska Cieszyńskiego // *Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor Teresie Zofii Orłóš.* Red. H. Wróbel. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000. S. 95–103.
- Greń Z.* Wielojęzyczność w Księstwie Cieszyńskim // *Wielojęzyczność. Kontakty językowe w rozwoju kultur słowiańskich.* Red. S. Dubisz i

- I. Stapor. Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. A. Gieysztor, 2008. S. 241–265.
- Habovštiaková K.* O vzťahu slovenčiny a češtiny v slovenských písomnostiach zo XVII.–XVIII. storočia // *Ślavia*. 36. 1968. Č. 2. C. 235–252.
- Habovštiaková K.* Vplyv nárečí a spisovnej češtiny na formovanie spisovnej slovenčiny // *Prednášky XIII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry*. Bratislava: ALFA, 1977. S. 113–123.
- Hannan K.* *Borders of Language and Identity in Teschen Silesia*. Berkeley Insights in Linguistics and Semiotics. Vol. 28. New York, Bern, Berlin, Frankfurt/M., Paris, Wien: Peter Lang Publishers, 1996. 246 s.
- Hausenblas K.* O jazykové kultúre // *O češtině pro Čechy*. Praha: Orbis, 1960. S. 5–17.
- Havránek B.* Expanse spisovné češtiny od 14. do 16. století // *Co daly naše země Evropě a lidstvu I*. Praha: Evropský literární klub, 1998. S. 103–116. (1-е издание — 1939–1940).
- Havránek B.* K historické dialektologii // *Slovo a slovesnost*. XVI. 1955. S. 153–159.
- Havránek B.* Vývoj spisovného jazyka českého // *Československá vlastivěda*. Řada II. Spisovný jazyk český a slovenský. Praha: Sfinx, 1936. S. 1–144.
- Historický slovník slovenského jazyka. A–J. Red. M. Majtán et al. Bratislava: Veda, 1991. 535 s.
- Historický slovník slovenského jazyka. Z–Ž. Dodatky. Red. M. Majtán, R. Kuchar, J. Skladaná. Bratislava: Veda, 2008. 542 s.
- Horálek K.* K problematice dějin spisovného jazyka // *Studie a práce lingvistické*. I. Praha: Academia, 1954. S. 369–375.
- Horálek K.* Úvod do studia slovanských jazyků. Praha: Československá akademie věd, 1962. 487 s.
- Hrabak J.* O regionalismu v české literatuře doby předhusitské // *Hrabák J.* *Studie ze starší české literatury*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1956. S. 69–79.
- Jakobson R.* Slezskopolská cantilena inhonesta ze začátku XV. století // *Národopisný věstník českoslovanský*. 27. 1935. S. 56–84.
- Jansen O.* Český podíl na církevněslovanské kultúre // *Co daly naše země Evropě a lidstvu*. Praha: Evropský literární klub, 1939. S. 9–20.
- Jedlička A.* Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika normy // *Slovo a slovesnost*. 29. 1968. Č.2. S. 113–125.

- Jež R.* Těšínští Piastovci a Jejich Vztahy s Pernštejnou v 16. Století (s edicí korespondence z let 1554–1581). Magisterská diplomová práce. Masarykova univerzita. Brno, 2007. 231 s. Электронный ресурс: https://is.muni.cz/th/u13pe/diplomova_prace.pdf (дата обращения: 28.08.2024).
- Király P.* Zur Frage der ältesten slowakischen Sprachdenkmäler // *Studia slavica*. Tomus IV. Fasciculi 1–2. Budapest, 1958. S. 113–158.
- Kniha žilinská.* Vyd. V. Chaloupecký. Bratislava: Nákl. Učené společnosti Šafaříkovy, 1934. 239 s.
- Knop A.* Spisovná čeština ve Slezsku v 16. století. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965. 175 s.
- Komárek M.* Historická mluvnice česká, sv. I. Hláskosloví. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1962. 192 s.
- Kotulič I.* K otázke úzu kultúrnej slovenčiny // *Studia linguistica Polono–Slovaca*, I. Red. K. Rymut et al. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej akademii Nauk, 1988. S. 197–213.
- Kotulič I.* K pojmu „kultúrna slovenčina“ (Príspevok k metodologickej problematike výskumu písomne nedoloženej kultúrnej slovesnosti.) // *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica*. 23–24. 1971–1972. Red. Š. Ondruš. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974 S. 293–305.
- Kotulič I.* O formování kultúrneho jazyka slovenské národnosti // *Jazykovedný časopis*. 19. 1968. №1–2. S. 134–139.
- Koupil O.* Grammatykáři. Gramatografická a kulturní reflexe češtiny 1533–1672. Praha: Karolinum, 2007. 330 s.
- Krajčovič R.* Čeština a slovenčina v starších archíváliích v predspisovnom období. Vysokoškolské skripta FF UK. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 1991. 103 s.
- Krajčovič R.* Hlavné fázy formovania kultúrnej západoslovenčiny // *K počiatkom slovenského národného obrodzenia*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. S. 171–180.
- Krajčovič R.* K problematike formovania kultúrnej západoslovenčiny // *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica*, 14. Red. E. Pauliny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1962. S. 67–101.
- Krajčovič R.* Najstaršia perecká kniha mesta Trnavy // *Jazykovedné štúdie*. 6. Štúdie a pramene k dejinám jazyka slovenskej národnosti. Red. E. Pauliny. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1961. S. 41–65.

- Krajčovič R.* Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971. 190 s.
- Krajčovič R.* Slovenčina a slovanské jazyky. I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974. 324 s.
- Krajčovič R.* Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988. 343 s.
- Krajčovič R., Žigo P.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Univerzita Komenského, 2002. 249 s.
- Kubok B.* Język na pograniczach. Dawne słownictwo gwar cieszyńskich w świetle kontaktów językowych. Język na Pograniczach. Vol. 39. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2011. 336 s.
- Kučera K.* Diachronní složka Českého národního korpusu a hranice možností korpusového výzkumu vývoje češtiny // Naše řeč. 2014. № 4–5. S. 208–215.
- Kuchár R.* Vývin slovenskej právnej terminológie v európskom kontexte // Slavica Slovaca. 27. 1992. S. 158–167.
- Kuchár R.* Jazyková stránka zbierok zákonov // Spisovná slovenčina a jazyková kultúra. Materiály z konferencie konanej v Budmericiach 27.–29. októbra 1994. Red. M. Považaj. Bratislava: Veda, 1995. S. 148–152.
- Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historická mluvnice češtiny. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1986. 423 s.
- Lauersdorf M.R.* Slovak Standard Language Development in the 15th–18th Centuries: A Diglossia Approach // Where One's Tongue Rules Well: A Festschrift for Charles E. Townsend. Eds. Janda, L. et al. Bloomington: Indiana University, 2002. P. 245–264.
- Lauersdorf M.R.* The question of “cultural language” and interdialectal norm in 16th century. München: Verlag Otto Sagner, 1996. 267 s.
- Lauersdorf M.R.* Kultúrna slovenčina administratívno-právnych textov zo 16. storočia “Čo s fonológiou a morfológiou?” // Varia. Zborník materiálov zo VII. kolokvia mladých jazykovedcov (Modrá–Piesok 3.–5.12.1997). Zost. M. Nábělková. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť SAV, 1998. S. 309–313.
- Lauersdorf M.R.* Protestant Language Use in Century Slovakia in a Diglossia Framework // Život slova v dejinách a jazykových vzťahov (Na sedemdesiatiny profesora Jana Doruľu). Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2003. S. 49–60.
- Lauersdorf M.R.* Slovenčina na začiatku mladšieho predspisovného obdobia (15.–16. storočie): Keď ani viac dát nestačí // Varia XX. Zborník

príspevkov z XX. kolokvia mladých jazykovedcov (Častá–Papiernička 24.–26.11.2010). Ed. G. Múcsková. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri Jazykovednom ústave Ľudovíta Štúra SAV, 2012. S. 391–394.

- Mahej A.* Uwagi nad językiem kancelarii w księstwie cieszyńskim w czasach nowożytnych // Pamiętnik Cieszyński. 19. 2004. S. 99–102.
- Macůrek J.* České země a Slovensko ve století před Bílou horou. Z dějin vztahů v oblasti zemědělství, řemesla, obchodu a vzájemné obrany. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1958. 418 s.
- Macůrek J.* České země a Slovensko (1620–1750). Studie z dějin politických, hospodářských a interernických vztahů. Brno: Universita J. E. Purkyně, 1969. 339 s.
- Macůrek J., Rejnuš M.* K otázce spisovné češtiny v Polsku v 15. a poč. 16 století // Slovanské historické studie. IV. 1961. S. 163–261.
- Malicki J.* Język czeski na Śląsku w kontekście śląskich dziejów języka polskiego i niemieckiego. Pytanie o granice historii języka // Podzwonne dla granic. Polsko-czeskie linie podziałów i miejsca kontaktów w języku, literaturze i kulturze. Red. J. Lipowski, D. Żygadło-Czopnik. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2009. S. 375–387.
- Malicki J.* Język polski i język czeski na południowej rubieży Dolnego Śląska w wiekach średnich // Rozprawy Komisji Językowej WTN. XXXIII. 2006. S. 281–287.
- Malicki J.* Slezsko-česká jazyková pospolitost ve vývoji jazykového vědomí Čechů a Moravanů do konce 18. století // Listy filologické. CXXX. 2007. Seš. 3–4. S. 295–310.
- Małysz B.* Úřední jazyky a jazyk lidu. O těšínské polštině v давных добách // Poláci na Těšínsku. Studijní materiál. Český Těšín: Kongres Poláků v České republice, 2009. S. 16–21.
- Mayerowa M.R.* Problemy i stanowiska w dyskusji o pochodzenie polskiego języka literackiego // Pochodzenie polskiego języka literackiego. Wrocław: Zakład imienia Ossolińskich. Wydawnicwo Polskiej Akademii Nauk, 1956. S. 453–471.
- Mazur A.* Národnostní vývoj na území ČSSR se zvláštním zaměřením na Slezsko a ostravskou průmyslovou oblast: vyberova bibliografie. Sv. 1. Ostrava: Profil, 1969. 649 s.
- Nábělková M.* Slovenčina a čeština v kontakte: Pokračovanie príbehu. Bratislava, Praha: Veda, Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2008. 364 s.

- Nehring W.* Ueber den Einfluss der alttschechischen Literatur auf die altpolnische // Archiv für slavische Philologie. I. 1876. S. 60–81. II. 1877. S. 409–436.
- Němec I., Michálek E.* Žilinská kniha jako pramen slovenské a české historické lexikografie // Jazykovedné štúdie. XVII. Bratislava, 1982. S. 5–14.
- Novák L.* Čeština na Slovensku a vznik spisovnej slovenčiny // Slovenské pohľady. 1938. Č. 2–5. C.105–111, 159–173, 217–222, 281–287.
- Novák L.* Čeština na Slovensku v predspisovnom období // Studia Academica Slovaca. 11. Prednášky XVII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mistrík. Bratislava, 1982. S. 377–393.
- Novák L.* Essay k diskusii o Žilinskej knihe // Slovenské pohľady. Roč. 51. 1935. S. 232–244.
- Pallas L.* Jazyková otázka a podmínky vytvárení národného vedomí ve Slezsku. Ostrava: Profil, 1970. 163 s.
- Panic I.* Nieznany dokument księżnej Anny cieszyńskiej z 9 lutego 1457 roku // Pamiętnik Cieszyński. 17. 2002. S. 131–133.
- Pauliny E.* Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka a našej národnej kultúry // O vzajomných vzťahoch Čechov a Slovákov. Sborník materiálov z konferencie Historického ústavu SAV. Bratislava, 1956. S. 99–124.
- Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava: SPN, 1983. 256 s.
- Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1948. 100 s.
- Pauliny E.* Spoločenské funkcie strednej slovenčiny pred Štúrom // Slovenská reč. 1956. 21. № 3–4. S. 174–186.
- Pauliny E.* Začiatky kultúrneho jazyka slovenskej národnosti // Jazykovedné štúdie. VI. Bratislava, 1961. S. 5–39.
- Polczkova B.* Archiwalia cieszyńskie jako źródło do badań historii języków urzędowych na Śląsku Cieszyńskim // Pamiętnik Cieszyński. 18. 2003. S. 35–44.
- Porák J.* Humanistická čeština: hláskosloví a pravopis. Praha: Univerzita Karlova, 1983. 171 s.
- Porák J.* Vytvárení normy a její vztah ke kodifikaci v humanistické češtině // Slovo a slovesnost. 42. 1981. S. 219–227.
- Prameny k dejinám slovenčiny 2. Zost. T. Laliková, M. Majtán. Bratislava: Veda, 2002. 277 s.

- Pražák A.* Češi a Slováci. Literárně dějepisné poznámky k československému poměru. Praha: Státní nakladatelství, 1929. 188 s.
- Pražák A.* Dějiny spisovné slovenštiny po dobu Štúrovu. Praha: Nakladatel Gustav Voleský, 1922. 476 s.
- Rejzek J.* Ještě k fonetickým vlivům staré němčiny na starou češtinu // *Bohemistika*. 3. 2003. S. 251–264.
- Rospond S.* Jaka była czeszczyzna śląska? // *Kwartalnik Opolski*. 21. 1975. № 1. S. 54–56.
- Rospond S.* Język czeski na Śląsku // *Kwartalnik opolski*. 2. 1962. S. 91–96, 138.
- Siatkowska E.M.* Szkice z dziejów literackich języków słowiańskich. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 2004. 282 s.
- Siatkowski J.* Czesko-polskie kontakty językowe. Warszawa: Energeia, 1996. 272 s.
- Siwek T., Kaňok J.* Vědomí slezské národní identity v mentalní mapě. Ostrava: Ostravska univerzita, 2000. 97 s.
- Skladaná J.* O rozsahu slovnej zásoby v Kamaldulskom slovníku z roku 1763 // *Nové obzory*. Spoločenskovedný zborník východného Slovenska. 19. Red. I. Michnovič. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1977. S. 323–334.
- Skladaná J.* Najstaršia mestská kniha v Bánovciach nad Bebravou // *Národnostný vývoj na Slovensku do roku 1918*. K 600. výročiu vydania výsad pre žilinských Slovákov. Red. R. Marsina. Martin: Osveta, 1984. S. 219–225.
- Šlosar D., Večerka R., Dvořák J., Malčík P.* Spisovný jazyk v dějinách české společnosti. Praha: HOST, 2009. 180 s.
- Stanislav J.* Zur Frage der Slowazismen in der altschechischen Denkmälern // *Zeitschrift für Slawistik*. I. 1956. Heft 4. S. 58–70; II. 1957. Heft I. S. 37–51. Bd. II. 1957. Heft I. S. 37–51.
- Staršia slovenská lexika v medzijazykových vzťahoch. Autorky M. Kopecká, T. Laliková, R. Ondrejková, J. Skladaná, I. Valentová. Bratislava: Veda, 2011. 204 s.
- Stieber Zd.* Głos w dyskusji o pochodzeniu polskiego języka literackiego // *Pochodzenie polskiego języka literackiego*. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1956. S. 102–116.
- Stieber Zd.* Uwagi o pochodzeniu polskiego języka literackiego // *Język polski*. XXX. 1950. S. 161–165.

- Stieber Zd.* Wpływ czeszcizny na kształtowanie się polskiego języka literackiego // Česko-polský sborník vědeckých prací II. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1955. S. 27–37.
- Stredoveké české listiny. Red. Š. Kniezsa. Budapešť: Akadémiai Kiadó, 1952. 207 s.
- Taszycki W.* Powstanie i pochodzenie polskiego języka literackiego. Kraków — kolibka literackiej polszczyzny // Twórczość. № 2. 1949. S. 100–117.
- Thomason S.G., Kaufman T.* Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1988. 411 p.
- Varsik B.* Ako písali Slováci v XV. a XVI. storočí // Politika. 1934. № 4. S. 264–270.
- Varsik B.* Slovenské listy a listiny z XV. a XVI. storočia. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1956. 437 s.
- Vážný V.* Historická mluvnice česká. Sv. II. Tvarosloví. 1. část. Skloňování. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1970. 202 s.
- Verkholantsev J.* Ruthenica Bohemica. Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland. (Slavische Sprachgeschichte Bd. 3). Wien–Berlin: Lit-Verlag, 2008. 215 p.
- Weingart M.* O nejstarších jazykových památkách slovenských // Časopis pro moderní filologii. 1935. 21. Č. 2. S. 113–126.
- Žáček R.* Slezsko. Malé dějiny států. Praha: Libri, 2005. 214 s.
- Žigo P.* Podiel mesta na formovaní kultúrnych predpisovných útvarov // Sociolinguistica Slovaca. 5. Mesto a jeho jazyk. Editor Slavomír Ondrejovič. Bratislava: Veda, 2000. S. 118–124.
- Žigo P.* History of Standard Languages: Slovak // Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages 2. Kempgen, S. & P. Kosta ad. (eds.). De Gruyter, 2014. P. 1423–1426.
- Žilinská právna kniha. Preklad magdeburského práva. Zápisy právnych úkonov žilinských mešťanov. Na vydanie pripravil, štúdiu, úvod a poznámky vypracoval R. Kuchár. Bratislava: Veda, 2009. 208 s.
- Žuk P.* Tożsamość mieszczańców Dolnego Śląska. Raport z badań. Wrocław: Centrum Monitoringu Społecznego i Kultury Obywatelskiej, 2011. 153 s.

Summary

The monograph 'The Czech Literary Language Beyond its Ethnic Territory in the 15th–17th Centuries' is devoted to the study of the peculiarities of the phonological and morphological system of the Czech literary language, which functioned as a supra-ethnic language in Lesser Poland, Upper Silesia and Western Slovakia.

Within the framework of a unified methodology, the linguistic peculiarities of Czech literary texts produced in the mentioned regions are examined against the background of the norms of the Czech literary language of the corresponding period. On the basis of a comprehensive study, it is concluded that the Czech language functioning outside its ethnic territory in the 15th–17th centuries had a rather high stability with regard to the transmission of the reflexes that characterised the 'central' variant of the Czech literary language in the period in question. Particular attention is paid to the influence of local dialects on the texts of different territorial origin at the phonetic, morphological, word-formation and lexical levels: the analysis has shown that, in general, dialectisms penetrate the texts to a limited extent.

The study found that the Czech literary language used in the mentioned regions was characterised by significant differences. The degree of stability of its linguistic norm was one of the factors that determined its subsequent fate in different writing traditions.

Texts in Czech literary language created in the 15th – 1st half of the 16th centuries in the Lesser Poland, are characterised by a tendency to overload the system with elements of various genetic origins (both Central Bohemian innovations and dialectisms) and less stability of the norm. Combined with extralinguistic factors, this may have been one of the reasons why from the second half of the 16th century it was gradually ousted from the system of Polish written communication.

The linguistic appearance of texts produced in the Czech literary language in Upper Silesia varied in different periods. At the first stage (15th – first half of the 16th century), the language of texts of Silesian origin was characterised by the processes of preservation of the original system. From the second half of the 16th century, Central Bohemian innovations begin to actively penetrate the texts. The high degree of stability of its norms and its consistent orientation to the changes occurring in the Central Bohemian area were the prerequisites for the long-term preservation of the Czech language in the written communication of Upper Silesia.

The history of the Czech literary language in Western Slovakia is most specific. The language of texts produced in this region in the 15th and first half of the 16th centuries generally conforms to the norms of the Czech literary language. However, already in this period, a certain simplification of the Czech linguistic basis is observed under the influence of the local West Slovak dialect, which can be defined as an adaptation of the Czech literary language to the local dialects. In the texts of the 2nd half of the 16th–17th centuries this process is even more evident, which in the following period would become the basis for the process of 'debohémisation' – the gradual disassociation from the Czech literary language that characterised the Slovak literary language in the 18th–20th centuries.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Индыченко Артём Андреевич

**ЧЕШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕГО ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ
В XV–XVII ВВ.**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН
(Протокол № 5 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 01.10.2024)*

Редактор:

В.Т. Садченко

Компьютерная верстка:

П.Н. Морозов

В оформлении обложки использована карта «Роза Чехии» 1668 г.

Источник: Bohemiae rosa omnibus saeculis cruenta in qua plura quam 80. magna proelia commissa sunt, nunc primum hac / forma excusa. Chr.Vetter inven. et ; delineavit. Wolffg. Kilian sculpsit Augustae [Augsbourg] podle Vetter, Chr. (16..–17..?). Auteur du texte – 1627 – National Library of France, France – No Copyright – Other Known Legal Restrictions. https://www.europeana.eu/item/9200517/ark__12148_btv1b55004587d

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 17.12.2024. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,5.
Объем 11,5 печ. л.

Заказ № 70.

Тираж 300 экз.